Казахский Национальный Университет имени аль-Фараби

УДК: 316.334.3 (479.24+574+575.1) **На правах рукописи**

ЖАНГУЖЕКОВА ДИНАРА ЖЕКСЕНГАЛИЕВНА

Постмодернизм в политическом развитии незападных обществ на современном этапе (на примере модернизационных проектов Азербайджана, Казахстана, Узбекистана)

6D050200 – Политология
Диссертация на соискание степени доктора философии (PhD)

Отечественный научный консультант
доктор политических наук, профессор
Алияров Е.К.

Зарубежный научный консультант
PhD, профессор Duvanova D.
(Лихайский Университет, США)

Республика Казахстан
Алматы, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОПРЕДЕЛЕНИЯ
ВВЕДЕНИЕ……..…….……5
1 ПОСТМОДЕРНИЗМ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ…….……21
1.1 Постмодернизм: концептуальные основы, исторические предпосылки и сущностные характеристики……...……...….21
1.1.1 Истоки и понятийный анализ постмодернизма……..……..….21
1.1.2 Феномен постмодернизма в призме междисциплинарных исследований…….….27
1.2 Осмысление концептуальных основ постмодернистского дискурса в незападных обществах…….….39
1.2.1 Особенности изучения постмодернизма за пределами Запада: модификации и контексты……...…….…39
1.2.2 Специфика восприятия постмодернизма в социогуманитарном дискурсе постсоветского пространства (на основе результатов экспертных интервью)……...47
1.3 Постмодернистская категория в политической теории……..…….55
1.4 Деконструкция дискурса власти в рамках политической науки….....74

2 ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ИНДИКАТОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ НЕЗАПАДНЫХ ОБЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ АЗЕРБАЙДЖАНА, КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА)…….…..84
2.1 Кризис модернизации в постсоветских странах и индикаторы постмодернизма…….……84
2.1.1 Историко-политические вызовы модернизации в Азербайджане, Казахстане и Узбекистане…….……84
2.1.2 Постмодернистская динамика и неопатримониализм политического развития Азербайджана, Казахстана, Узбекистана……94
2.2 «Нация» как модерный политический проект в контексте постмодернизма……...……....101
2.2.1 Влияние постмодернизма на процессы национального строительства……...…101
2.2.2 Постмодернизм и устойчивость национализма в Азербайджане, Казахстане и Узбекистане: взгляд экспертов……...110
2.3 Политическая реальность с позиции постмодернизма: характер и направленность категории «пост-правда»…….……...…119
ЗАКЛЮЧЕНИЕ……..…….……..138
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ……..…….142

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В настоящей диссертации применяются следующие термины с соответствующими определениями:

Бинаризм – относится к концептуальной структуре, которая организует смысл с помощью противоположных пар, таких как мужское/женское, рациональное/иррациональное или культура/природа, в то время как постмодернизм стремится разрушить эти иерархии и выявить их нестабильность и взаимозависимость.

Власть – в концепции М. Фуко понимается не как фиксированное владение или иерархическая структура, а как всеобъемлющая сеть отношений, которая действует посредством дискурса, знаний и социальных практик. Власть не просто подавляет знание или контролирует его; скорее, она производит его. В свою очередь, знание укрепляет власть, формируя восприятие, идентичность и поведение отдельных людей, делая доминирование эффективным не через принуждение, а через нормализацию и усвоение общепринятых истин.

Деконструкция – это критический метод, разработанный Ж. Деррида, который направлен на выявление внутренних противоречий, двусмысленностей и иерархических оппозиций в текстах и концепциях, показывая, что смысл никогда не фиксирован, а постоянно откладывается и открыт для переосмысления.

Маргинальность относится к состоянию или положению индивидов и групп, обществ, существующих вне доминирующих социальных, культурных или политических структур. Маргинальность рассматривается не просто как исключение, но как пространство сопротивления и формирования альтернативной идентичности, бросающее вызов централизованным нормам и демонстрирующее плюрализм и фрагментарность постмодернистского общества.

Метанарратив (или великое повествование) – это всеобъемлющая, универсальная история или идеология, которая претендует на объяснение и легитимизацию знаний, истории или социального порядка. Теоретики постмодерна, в частности Ж.-Ф. Лиотар, критикуют метанарративы за то, что они подавляют разнообразие и альтернативные точки зрения, подчеркивая вместо этого множественность локализованных и фрагментированных нарративов.

Модерн – историческая и культурная эпоха, характеризующаяся верой в разум, прогресс и универсальные истиныэпоха, которую постмодернистская мысль критически деконструирует, обнажая ее скрытые властные структуры и ограничения объективности.

Модернизация – это процесс социальных, экономических, политических и культурных преобразований, посредством которого традиционные общества развиваются в направлении индустриализации, технического прогресса и создания современных институтов, основанных на рациональности, эффективности и прогрессе.

Незападные общества – это социальные и политические системы, историческое развитие, культурные ценности и институциональные структуры которых отличаются от западного мира. В политологии этот термин обычно относится к странам и регионам за пределами Западной Европы и Северной Америки, где политические институты, нормы и модели управления были сформированы различными цивилизационными традициями, колониальным опытом и социально-экономическими условиями.

Неопатримониализм – гибридная форма власти, которая стирает границы между формальными институтами и неформальными практиками, показывая, как авторитет, лояльность и личные связи конструируют политическую реальность за пределами универсальных представлений о рациональном управлении и институциональном порядке.

Пастиш – это стилистический прием, который имитирует или сочетает элементы различных жанров, стилей или исторических периодов без иронии или критики, отражая постмодернистское торжество гибридности, интертекстуальности и стирания границ между высокой и популярной культурой.

Политическая мимикрия – стратегия, с помощью которой политические субъекты или институты имитируют демократические формы, нормы и дискурсы, чтобы добиться легитимности или сохранить власть, в то же время на практике сохраняя авторитарные или клиентелистские структуры.

Постмодернизм – интеллектуальная и культурная парадигма, возникшая как реакция на модернизм, характеризующаяся скептицизмом по отношению к универсальным истинам, грандиозным нарративам и объективному знанию, подчеркивающая плюрализм, субъективность и социально сконструированную природу реальности.

Пост-правда – социально-политическое состояние, при котором объективные факты и рациональная аргументация теряют свое значение, в то время как эмоциональная привлекательность и личная вера становятся основными средствами формирования общественного мнения и политического дискурса.

Ризома – понятие, введенное Ж. Делезом и Ф. Гваттари для описания неиерархической, децентрализованной модели знания и социальной организации, где связи и смыслы увеличиваются во множестве направлений без фиксированного центра или линейной структуры.

Симулякр – концепция, разработанная Ж. Бодрийяром, обозначающая копию или репрезентацию, которые утратили свою связь с какой-либо оригинальной реальностью, став самодостаточным образом или знаком, создающим свою собственную версию истины и смысла.

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы. В настоящем исследовании представлен всесторонний политологический анализ постмодернизма как интеллектуального течения в контексте интерпретации социально-политических реалий в незападных обществах, с особым акцентом на модернизационные проекты, реализуемые в Азербайджане, Казахстане и Узбекистане.

Актуальность темы исследования. XIX-XX вв. стали временем качественных перемен, возникновения достаточно сложных и внутренне противоречивых общественных явлений. В данный исторический период (особенно со второй половины XX в.) началась реализация проекта «модерн» – обновленного варианта стандартной просвещенческой теории прогресса. Модернизация была основана на однонаправленном рационализированном конструировании мира, которая приводила к разным результатам и последствиям. На сегодняшний день многие страны с определенной долей продуктивности и с неравной скоростью переживают эти трансформационные сдвиги, что, безусловно, является объективным положением вещей с точки зрения социально-исторического развития. В одних случаях он ускоряет экономическое и социальное развитие, в других – порождает дестабилизацию отдельных институтов, в особенности, если это касается модернизации традиционных обществ без учета определенных факторов. Подобные отрицательные срезы, упущения в проекте «модерн» стали основанием подвергать крайней критике рациональный научно-технический прогресс и характеризовать его как явление, приносящее не только положительные эффекты.

Так, в отношении происходящих изменений сформировались запросы для их объяснения – и это произошло уже в рамках иного концептуального языка описания – «постмодернизма», начало которому было положено в 70-80-х гг. XX в. в западных странах, прежде всего в Западной Европе. Постмодернизм, его методология, как новое дискуссионное направление в науке, изучает системы, явления и процессы, происходящие не только в литературе, искусстве, популярной культуре, но и ориентирован объяснять изменения, статусы, вопросы правомерности тех или иных институтов, отношений, позиций в социально-политической сфере.

Если в западных обществах постмодернизм бросил вызов модернизму и поставил под сомнение наличию и функционированию метанарративов (больших обобщающих моделей повествования), то в незападных обществах вызов был брошен не «истинному» модернизму (поскольку, многие незападные общества стремились пройти западный путь модерна за короткий период в то время, как истинная модернизация, как и другой любой этап развития, потребовала столетия), а его подобию. В связи с этим, в настоящей диссертации ставится вопрос о целесообразности рассматривать влияние постмодернизма с помощью приведения аналогий с западным опытом, поскольку в

академическом сообществе и в идеологических установках политиков зачастую проступают отдельные попытки рассматривать модернизацию развитых стран и стран постсоветского пространства сквозь призму однобокости и выявления немногосложных причинно-следственных связей, и, определенно, не дающей ясной картины происходящего.

Отдельный крупный пласт исследований в данной работе посвящен национальным особенностям казахстанской, азербайджанской и узбекской социально-политической реальности, которые складывались под влиянием социалистического режима. Следует заметить, что такие передовые нарративы Нового времени, как гуманизм, рационализм, индивидуализм, активизация научных изысканий и просветительства, в силу ряда причин были выражены слабее, а то и отсутствовали вовсе. Следовательно, данная работа востребована необходимостью исследовать результаты более чем тридцатилетнего периода политической истории, в частности модернизации, Азербайджана, Казахстана и Узбекистана с точки зрения постмодернистской концептуализации.

В качестве основополагающей задачи диссертации выступает всесторонний анализ эволюции политической системы рассматриваемых стран в контексте перехода к совершенно новой парадигме социального развития, изучив роль институтов догоняющей модернизации и других факторов в политическом развитии стран в современных условиях. В данном контексте немаловажно определить те закономерности, которые стали катализатором принятия решения о целесообразности принятия модели «по западному пути», а не разработки и внедрения методов социально-политического и экономического управления, соответствующие условиям раскола Советского Союза и образования современных государств.

В этом контексте актуальность настоящего исследования заключается в попытке преодолеть концептуальный и методологический разрыв между западными теориями постмодернизма и реалиями незападных обществ, которые претерпели стремительные политические и социокультурные преобразования после распада Советского Союза. Растущая сложность глобальных взаимосвязей, распространение цифровых технологий и плюрализм политических дискурсов требуют новых подходов к интерпретации, выходящих за рамки линейной логики модернизации. Постмодернизм, с его акцентом на множественность, децентрализацию и скептицизм по отношению к универсальным нарративам, предоставляет продуктивную возможность для переоценки политических траекторий Азербайджана, Казахстана и Узбекистана. Таким образом, данное исследование не только способствует расширению теоретического поля политической науки в постсоветском контексте, но и подчеркивает необходимость разработки местных моделей модернизации и постмодернистской интерпретации, которые отражают гибридную природу этих обществ – одновременно традиционных, современных и постмодернистских. Поскольку исследуемый нами материал является по большей части новшеством для отечественной социально-гуманитарной науки,

некоторые закладываемые тезисы носят экспериментальный и гипотетический характер.

Степень научной разработанности проблемы. В западной научной литературе существует обширная совокупность теоретических разработок по теме постмодернизма. На сегодня постмодернистская парадигма оформилась в отдельные теоретико-методологические концепции целого ряда социально-гуманитарных наук.

Основателями, впервые обратившими внимание на происходящие изменения в обществе в 50-60 гг. XX в., труды которых на сегодня не менее актуальны для систематического познания постмодернизма, являются представители французской школы философии (однако это вовсе не подразумевает то, что про постмодернизм необходимо думать исключительно в контексте континентальной школы философии, а тем более в рамках французской философии – немало серьезных работ на данную тему имеется и у представителей аналитической школы философии).

Следует подчеркнуть, что модерн подвергался критике и со стороны консервативных мыслителей (в особенности представителей западного марксизма), но без каких-либо упоминаний о постмодерне. Впоследствии, разочарование в модерне привело к тому, что из числа западных марксистов начали разрабатывать и предлагать новые теории уже постмодернистского характера, связанных, в первую очередь, с недоверием к универсальным идеалам модернизма и необходимости их деконструкции.

Такие труды, как «Состояние постмодерна» [1] Жан-Франсуа Лиотара, «О грамматологии» [2] Жака Дерриды, «Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения» [3] Жиль Делёза и Феликса Гваттари, «Постмодернизм и потребительское общество» [4] и «Постмодернизм или культурная логика позднего капитализма» [5] Фредрика Джеймисона, «Символический обмен и смерть» [6] Жана Бодрийяра, «Политика постмодернизма» [7] Линды Хатчеон, «Истоки постмодерна» [8] Перри Андерсона, «Спор о постмодернизме» [9], «Философия и постмодернистская социология» [10] Зигмунта Баумана, «Культура постмодернизма» [11] Ихаба Хассана, «Философия и зеркало природы» [12] Ричарда Рорти и др. стали классическими исследованиями феномена постмодернизма в рамках философии и социальных знаний. В своих исследованиях авторы указывают на отличия постмодернизма от модернизма, постмодерна от модерна, а также обращают особое внимание на основные критические положения в отношении модерна сквозь призму постмодернистской методологии. В контексте философского обозрения так же следует особо выделить работу Кевина Харта «Постмодернизм» [13]. Так же и книга британского историка-марксиста П. Андерсона «Истоки постмодерна» является важной работой, которая дает лучшее для начального ознакомления представление о постмодернизме. Андерсон показывает, когда появилось слово, кто его употреблял, как определение из сферы искусства и литературы перешло к другим сферам, в том числе и в пласт социальных теорий.

В настоящей диссертации в целях изучения политической сферы в контексте постмодернистского прочтения автор неоднократно обращался к трудам известного французского мыслителя второй половины XX в. Мишеля Фуко. Несмотря на то, что Фуко не следует характеризовать в качестве исключительно политического философа, но так или иначе в своем творчестве он затрагивает проблему такой сложной социально-политической конструкции, как власть в ее современной, внутренне противоречивой, бинарной интерпретации, что позволило ученому отчасти посредством постмодернистской методологии раскрыть иную, более сложную природу власти.

В контексте теории международных отношений постмодернизму посвятили свои работы Р. Уолкер [14], Дж. Дер Дериан [15], А. Вендт [16] и др. Историческая наука рассматривает постмодернистскую парадигму сквозь призму теории конструктивизма, которые были оформлены в исследованиях Б. Андерсона [17], Э. Геллнера [18], Э. Хобсбаума [19] и др.

В отечественных источниках постмодернизм, зачастую, представляется сквозь призму французской, англо-американской и российской терминологии, что создает дополнительные проблемы для достижения корректности определения влияния постмодернизма на политические, социально-экономические и культурные процессы в условиях современного развития казахстанского общества. Так или иначе, огромная работа в данном направлении проделана казахстанскими философами Б.Г. Нуржановым [20], [21], [22], Ж.Х. Баймухаметовым, Г.Г. Соловьевой [23], [24], З.Н. Исмагамбетовой, А.Г. Карабаевой и др. В своих трудах Б.Г. Нуржанов изучает вопросы взаимосвязи и соотношения постмодернизма с различными явлениями, процессами и отношениями. Так, например, в статье «Постмодернистская религия» [25] философ разбирается в проблеме функционирования института религии в условиях модернизма и постмодернизма, сравнивает ее состояние и оценивает перспективы усиления религиозных догм в контексте ослабления «больших нарративов».

В Азербайджане важные идеи и положения, касающиеся разнообразных элементов постмодернистской концепции, представлены в научных трудах ученого Р. Рзаевой: «Постмодерн и мультикультурализм: междисциплинарный дискурс» [26], «Незападная современность в дискурсе постмодерна и культурной полифонии» [27]. В своих работах автор актуализирует проблемы незападной современности и диалога, рассматривает феномен постмодернизма сквозь призму глобальной парадигмы и тенденции; особое внимание уделяет социокультурным новшествам, связанных с религией, гендерной культурой в Азербайджане. Проблемы современности, в частности, которые могут быть в той или иной степени отнесены к постмодернистскому комплексу, встречаются в трудах азербайджанских исследователей А. Аббасова [28], А. Абасова [29], И. Мамедзаде, Р. Азимовой, С. Халилова, Ф. Мамедова [30], Р. Мирзазаде [31], Ф. Гурбанова, И. Рустамова, К. Буниятзаде и др.

В Узбекистане анализ постмодернизма и его вероятностных индикаторов в обществе и политике, в особенности применительно к не-Западу практически не осуществляется. Категория постмодернизма как литературное течение, его отличие от модернизма подробно рассматривается в работе У. Хамдам «Мировая литература: модернизм и постмодернизм» [32], в других обнаруженных автором литературных исследованиях постмодернизм усматривается идет в ряде перечислений критических неклассических направлений в литературе Узбекистана, имеющий отрицательный характер влияния [33], [34]. В большинстве своем, критические работы в том же постмодернистском ключе, подвергаются критике. Так, взгляды подобные взглядам исследователя-литературоведа У. Норматова – «По инициативе нашего президента сейчас у нас идет процесс модернизации всей страны, и в этом отношении до уровня, соответствующего мировым стандартам поставлена задача подняться и учитывать все современные направления, литературоведы не должны оставаться в стороне от этих процессов» [35] – вызывают большие споры в обществе.

Так или иначе, философия постмодернизма рассматривается узбекскими исследователями и в рамках этнологии, в контексте изучения проблемной для многих постсоветских обществ – национальной идентичности в стране, а также западного опыта межэтнических процессов, и взаимодействия между социальными группами. Так, авторы приходят к мнению, что в последнее время этнология, «обогащенная идеей постмодернизма, уделяет больше внимания этническим культурам и их локальным особенностям, а также повседневному образу жизни людей» [36].

Особый вклад в анализ особенностей дискурса постмодернизма в современную эпоху привнесли российские ученые: М. Эпштейн, А.В. Павлов, Т.А. Алексеева [37], А.Г. Дугин, Л.К. Зыбайлов, И.П. Ильин [38], С.А. Кравченко [39], О.А. Митрошенкова, В.О. Рукавишникова и др. Направление «постмодернизм в политике» легло в основу научных изысканий таких авторов, как О. Шабров, Ю.В. Ирхин [40], П.Г. Лощило П.Г. [41] и др. Так, в своих работах О. Шабров указывает на снижение уровня эффективности представительной демократии под влиянием постмодернизма, а также на ослабление института выборов путем превращения данного инструмента волеизъявления народов в «механизм манипулирования общественным сознанием и способ легитимации политической власти» [42].

Как известно, постмодернистская парадигма возникла как негативная и положительная репрезентация модернистского проекта, следовательно, осмыслить один из первостепенных вопросов – что из себя представляет постмодерн и постмодернизм – поможет изучение природы собственно модерна. Так, в концептуализации основных постулатов и реконструкции базовых положений модерна сыграли труды Ф. Ницше, М. Хайдеггера, Э. Гуссерля, Л. Витгенштейна, критическая теория модерна представителей Франкфуртской школы – Т. Адорно, М. Хоркхаймера [43], Г. Маркузе [44], Ю. Хабермаса [45], Э. Фромма, В. Беньямина и многие другие. В частности,

современные ученые Ю. Хабермас, У. Бек, А. Вельмер, Т. Маккарти утверждают, что некоторые выдвигаемые постмодернистами тезисы не имеют под собой серьезной аргументации и потенциал модерна еще не исчерпан, поскольку «проект модерн еще не завершен» [45, С.63].

Сборник работ по «философии кризиса» под наименованием «Кризис сознания» [46] имеет не менее удачное соотношение с политическими, социальными, культурными трансформациями, происходящими на пространстве постсоветского пространства в настоящее время в контексте постмодернистской парадигмы: «на опыте кризиса западных стран следует учиться» [46, С.11] – заявляют ученые и мыслители XX века, глубоко и проницательно ощущавшие проблемы своего времени. Такие авторы, как К. Манхейм, Р. Мертон, Ж. Делёз в своих известных статьях показывают – насколько построенный веками человеком мир, с его идеями, идеалами, системами, институтами, механизмами, превращается в нечто иное, что в большей степени имеет деструктивный и иррациональный характер, не предлагающий в результате своей масштабной критики всего и вся никакой модели, ни одной полноценной и конкретной конструкции развития мира. Сам феномен деструктивности, отчего он обретает негативный окрас, заключается совсем не в том, что условия нынешнего исторического этапа сложились наилучшим образом для движений и групп, у которых иррациональные импульсы находились в латентном состоянии, и сейчас они открыто о них декларируют, а в том, что другие группы, которые могли бы препятствовать размножению данных импульсов, не противятся и «все как заодно» потеряли веру в формирующую общество власть рационализма, господство разума, что неминуемо сподвигло постмодернизму утвердиться в западных обществах.

При написании диссертации был так же проанализирован ряд научных трудов И. Риттера [47], Г. Люббе [48], О. Маркварда [49] – основоположников теории компенсации, направленной на глубокое понимание и изучение процессов, которые сопровождают проект модернизации в той части, когда усиление рационализма в определенных случаях ведет к росту иррационального. О соотношении рациональных и иррациональных эффектов в современных социально-политических процессах, реконструкции архаичных элементов в эпоху модерна, их политизированности подробно рассматривает в своих трудах Ю. Хабермас [50], [51].

Касательно методологии зарубежных исследований постсоветского региона, в частности Азербайджана, Казахстана и Узбекистана, если до 90-х гг. данные страны в контексте политического, цивилизационного и национального развития исследовались с точки зрения периферийных обществ, то постепенно с процессов, связанных с крушением Советского Союза, методология начала сменяться на посколониальный дискурс, во многом это – постструктурализм, конструктивизм, постмодернизм. Научные изыскания в рамках данных направлений в изучении постсоветского пространства изложены в трудах ученых-исследователей, таких как: Ч. Курзман, Р. Ханкс, А. Куру, Э. Шац, М. Ларуэль, С. Камингс, Л. Адамс, М. Омеличева, А. Хаген, Ш. Акинер и др.

Таким образом, феномен «постмодернизм» в рамках анализа современной социально-политической реальности в Азербайджане, Казахстане и Узбекистане до сегодняшнего дня не применялся. В рассматриваемых обществах чаще всего понятие «постмодернизм» используют для выявления содержания процессов в сфере литературы, искусства, философского осмысления проблемы, нежели в целях изучения социально-политических индикаторов.

Для политической науки в качестве одной из актуальнейших задач является необходимость поиска соответствующих современной эпохе подходов и инструментов политического менеджмента, в том числе и критических подходов, и инструментов анализа политических вопросов.

По мнению автора работы, дефицит серьезных работ по вопросу постмодернизма в постсоветских странах связано с тем, что социально-гуманитарные науки здесь развивались весьма своеобразно. Теория марксизма, несмотря на обретения независимости, все еще имела огромное влияние на общественные и политические институты, что не позволяло не только сформироваться новым парадигмам, но и заручиться поддержкой и признанием в академической среде. Безусловно, не утверждается факт наличия застоя общественно-политической мысли 90-х гг., а отмечается определенная ее неспособность и закрытость оперативно адаптироваться и перестраиваться на принципы рыночной системы.

В тот момент, когда в XX веке в западных странах общество, политика и культура преобразовывались под влиянием интеллектуальных традиций западного марксизма, неомарксизма, постмодернизма, отличительной особенностью которых выступила: 1) эмансипация (принцип освобождения всего того, что может быть освобождено) и 2) необходимость перехода от конструированной социальной видимости к реальности, СССР все дальше расширял и углублял свою официальную доктрину «марксизма-ленинизма», а свобода слова и ее гласность в середине 80-х гг. XX в. рассматривались не как избавление от идеологических конструкций, а как командный призыв к их критике всеми возможными методами.

Совместными усилиями перезапустить историю, «запрещенную» большевиками, политическая и интеллектуальная элита союзных республик привела в действие необратимый процесс, взявший обороты в наши дни. Распавшись на суверенные политические образования, каждое из которых пытается показать свою историю, культуру как исключительность и абсолют.

Целью диссертации является политологический анализ постмодернизма в качестве актуального языка описания социально-политической реальности в незападных обществах, преимущественно в контексте реализации проектов модернизации в Азербайджане, Казахстане и Узбекистане. Исследование направлено на изучение постмодернизма в качестве одного из важных показателей современной социально-политической трансформации; предпринимается попытка истолковать постмодернизм в рамках общественно-

политических процессов и проанализировать с точки зрения выявления практической значимости.

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**:

1) Обзор теоретико-методологических аспектов исследования феномена «постмодернизм»: уточнение понятийно-категориального аппарата термина «постмодернизм», предпосылок и особенностей его возникновения, выявление связи между постмодернизмом и социальной теорией, раскрытие сущности и характерных признаков постмодернизма в рамках социально-гуманитарной мысли.

2) Рассмотрение ключевых вопросов, о которых постулирует постмодернизм в рамках социальных знаний (в частности, политической науки). Данную задачу автор пытается решить по всей линии диссертационной работы, однако более содержательно проблема постмодернизма, его связи с политическим, властью, государством изучены в подразделах 1.3 и 1.4.

3) Выявление основных причин и факторов возникновения и развития концептуальных исследований постмодернизма по траектории незападного мира – выяснить в связи с какими обстоятельствами постмодернистский язык описания социально-культурной, политической реальности стал подходить к незападным обществам.

4) Определение особенностей проявления постмодернистской парадигмы в Азербайджане, Казахстане и Узбекистане. Эта задача видится автором в качестве одной из основополагающих ввиду того, что данный феномен как сторонниками, так и критиками постмодернизма признается в качестве серьезного фактора, повлиявшего на глубокие трансформационные сдвиги в западных обществах на протяжении последних несколько столетий.

5) Уточнение и обобщение совокупности постмодернистского инструментария – собственно научных методов исследования постмодернизма, а также критического анализа и других социально-исторических методов, которые могут быть применены в социальной теории, прежде всего, в политологии. В частности, проанализировать специфику и возможности использования постмодернистских подходов дискурс-анализа и деконструкции с учетом социально-политической реальности бывших советских стран. Следовательно, необходимо изучить связь постмодернизма и политической науки, а также раскрыть степень актуальности постмодернистских методов исследования (в большинстве своем, дискурс-анализа и деконструкции бинарных оппозиций) в изучении социально-политических явлений и процессов.

6) Изучение тех элементов социально-политической реальности в бывших советских республиках, которые начинают трансформироваться под влиянием постмодернизма.

Объектом исследования выступает постмодернизм как комплекс концептуальных подходов к изучению социально-политической реальности, а **предметом** – его имплементация в политическом развитии незападных обществ на примере Азербайджана, Казахстана и Узбекистана.

Научная новизна исследования. Предпринятая автором попытка изучения степени проявления признаков постмодернизма в политической сфере в незападных обществах представляет собой исключительно новое для отечественной науки проблемное поле для исследования современной социально-политической реальности, и включает в себя следующие пункты:

1) В исследовании показана противоречивость отношения к политическому в постмодернизме, заключающаяся в признании важной роли политической проблематики при отсутствии единой политической теории в изучении постмодерна – постмодернизма. Изучение совокупности теоретико-прикладных разработок (как зарубежных, так и отечественных работ) по теме постмодернизма в рамках социального научного направления способствовали выявлению и пониманию предметного содержания, сущности, признаков, истоков и перспектив данного явления в незападных обществах.

2) В работе представлены теоретико-методологические аспекты критики постмодернизма в отношении природы власти, ее установленному дискурсу иерархичности, функционирования политических институтов и развития самой политологии. Так же анализируются структурно-содержательные изменения в проблеме определения субъектности во властных отношениях под влиянием постмодернистской мысли.

3) Объектом обстоятельного и всестороннего рассмотрения являются постмодернистские индикаторы в незападных обществах, их отражение в современной социально-политической реальности как маркера трансформации данных обществ. Проведено исследование особенностям, причинам и факторам преемственности и развития основных концептов и идей постмодернизма в разрезе незападных обществ, и в качестве примера сделана попытка анализа теоретических разработок по постмодернизму не только в первооткрывателях постмодернизма в незападном мире – в Японии и Китае – но и на постсоветском пространстве – в Азербайджане, Казахстане, Узбекистане.

4) В работе автор раскрывает особенности формирования новой системы политических ценностей в обозначенных странах, изучены особенности вопроса, того – в какой мере глобализация имеет возможность приблизить незападный мир к западному, несмотря на сложности во временных исторических этапах развития, и вносит ли свои коррективы в данных процессах постмодернизм. Следовательно, автором были взяты несколько примеров того, как меняется под влиянием постмодернизма проблема идентичности в рассматриваемых обществах, а именно изменения, связанные с политико-идеологическим проектом модерна – «нация». Другим примером стало рассмотрение метаморфоз современной политической реальности сквозь призму таких феноменов, как «пост-правда» и «симулякр».

5) Проведен историко-политологический анализ ряда постмодернистских текстов западных и незападных (в частности, постсоветских) авторов; показана правомерность включения текстов данных мыслителей и ученых в предметное поле истории политических учений. Опираясь на этот фундамент, исследование далее исследует, как различаются интерпретации идей постмодернизма в

разных культурных и геополитических контекстах. Особое внимание уделяется тому, как постсоветские интеллектуальные традиции адаптировали и переосмыслили западные постмодернистские концепции, создавая уникальные сочетания, отражающие местный исторический опыт, социальные преобразования и политические реалии. Такая сравнительная перспектива позволяет получить более полное представление об эволюции постмодернистской политической мысли в глобальном масштабе.

6) Современная ситуация констатируется как конвергенция (схождение) модерна и постмодерна; для незападных обществ, в том числе, азербайджанского, казахстанского и узбекского обществ, эта ситуация усматривается в наличии конституирующего модерна наряду с постмодерном и премодерном, обусловленном сложными одновременными процессами глобализации и глокализации. Следовательно, в своей работе автор исключает приоритет в данных обществах одной парадигмы, согласно которой можно было бы причислить их лишь к одной фундаментальной категории – традиционному обществу, либо обществу Нового времени, либо индустриальному, постиндустриальному обществу. Этим в работе принципиально отвергается идея о кардинальной смене парадигм.

Выдвинутые **гипотезы** и тезисы, которые легли в основу результатов и выводов настоящего исследования:

а) современное общественное состояние как в западном, так и незападном мире не является эпохой постмодерна, и таковой быть не может – постмодерн не преодолевает модерн, а продолжает модерн, осмысливая и критикуя определенные его положения;

б) всякое традиционное общество, преступившее к проекту «модерн», в конечном итоге предусматривает определенную долю присутствия постмодернистских тенденций, вопрос лишь в том – насколько они выражены и какова степень их бесконтрольности;

в) модернизация традиционных обществ, как правило, происходит в одной из двух существенно отличающихся друг от друга модальностях – это: 1) коренные преобразования, связанные, прежде всего, с изменением методов распространения и применения власти (в частности, насилия) государства в отношении человека; 2) модернизация политических, экономических, социально-культурных институтов в обход модерну – различным институтам и отношениям придаются черты модерна, однако сохраняются традиционные механизмы государственного принуждения; модальность модернизации практически полностью предопределяет траекторию постмодернизма.

Таким образом, автор попытался проанализировать важный проблемный вопрос о том, можно ли говорить о наличии постмодернистских тенденций в незападных модернизирующихся обществах, т.е. можно ли говорить о постмодерне без предварительного модерна на фоне интерпретации постмодерна как «следующей после модерна» тенденции и утверждать, что премодерн, модерн и постмодерн выражают только историчность, а также осмыслены исходные моменты, послужившие посылками их сосуществования.

Теоретико-методологические основания диссертационного исследования. Настоящая работа предполагает применение междисциплинарного подхода, указывая на бесперспективность исследования постмодернизма в рамках монополии какого-либо одного научного знания.

В целом, характер диссертационного исследования так или иначе носит ни прикладную, ни онтологическую (в том плане, что постмодернизм не представлен в качестве объективной и закономерной реальности современного общества, особенно незападного), а теоретическую составляющую вопроса о феномене постмодернизма.

Нельзя не отметить, что тот же теоретический обзор и анализ понятия «постмодернизм» стало для автора трудоемкой задачей, поскольку требовало особого погружения и детализации вопроса сквозь призму разных научных направлений и, прежде всего, философии. И в данном контексте не менее сложной оказалась проблема рассмотрения постмодернизма не как объекта структуралистской и постструктуралистской философии, а в контексте социологического использования термина.

В свою очередь в гуманитарной науке прочно укрепляются позиции методологии дискурс-анализа, которая становится важной составляющей в интерпретации индикаторов постмодернизма: «Теория дискурса представляет собой комплексную, разнородную дисциплину, сложившуюся на пересечении лингвистики, социологии знания, когнитивной антропологии и современных критических исследований культуры» [52]. Его применение в рамках критического подхода, позволил раскрыть вопрос о том, как постмодернистские установки стремятся к «разоблачению» социально-политических, культурно-психологических факторов, влияющих на то, как общество и государство коммуницируют – почему они взаимодействуют друг с другом именно так. И в качестве яркого критического интерпретатора дискурсов автор работы указывает на творчество французского ученого М. Фуко в контексте его ключевого вопроса: почему в определенный исторический момент в определенных социальных обстоятельствах появляются именно те высказывания, которые появляются, а не какие-либо другие, и как это связано с властью? Однако следует подчеркнуть, что работы «мастеров сомнения» в постмодернистском направлении (Р. Барта, Ж. Лакана, Ж. Дерриды, Ж. Бодрийяра и др.) характерно невнимание собственно к текстам и стремление объять систему в целом. Следовательно, прикладной анализ при таком подходе зачастую оказывается затруднительным.

Наравне с дискурс-анализом постмодернизм применяет и техники деконструкции – оба направлены на изучение текстов, специфики объяснения явлений. Причем выявленные противоречия не обязательно «снимаются» или «разрешаются»: по большому счету важна лишь работа с ними. А эта работа неизбежно оказывается работой политической. Дискурс-анализ в качестве основной методологии постмодернизма позволил прийти к выводу о том, существующие в течение веков дискурсы являются намеренно или ненамеренно сформированными конструктами, которые в зависимости от

позиции определенной социальной группы могут скрывать в себе манипулятивные намерения. И в рамках настоящей диссертации изучены наиболее подходящие к социально-политической категории дискурсы (ярко выражающие себя в модерне), которые изобличает постмодернизм – это дискурс «субъект-объектных отношений» (в рамках политологии – противопоставление элиты и массы/толпы), а также дискурс «идеологии» (в диссертации проанализирована постмодернистская и конструктивистская точка зрения на возникновение и особенности функционирования идеологии национализма).

Методика исследования: Изучение категории постмодернизма базируется на междисциплинарном подходе, включающий в себя оценку и анализ рассматриваемой проблемы на стыке философии, социологии, антропологии, истории, политологии и других социально-гуманитарных знаний, а в качестве своего рода языка описания работы использован язык политической философии. Настоящее исследование во многом основывается на теоретико-концептуальном обобщении, систематизации и классификации знаний о постмодернистской парадигме. В диссертации выдвинутые задачи раскрываются путем применения историко-системного подхода к определению сущности, характерных черт постмодернизма, в том числе в рамках социальных наук, а объяснение его возникновения связано с теми или иными факторами, повлиявшими на ход исторических событий, как в западных, так и незападных обществах. Теоретико-методологическая основа к исследованию постмодернизма включает в себя теорию и методологию оценки и анализа постмодернизма в социально-политическом и культурном контексте.

Наряду с этим, согласно мнению английского социолога Э. Гидденса, «переосмысление природы современности должно осуществляться вместе с основными посылками социологического анализа» [53]. Одним из главных каркасов теоретико-эмпирической части диссертации составили первичные социологические исследования. Так, в частности при возникновении вопросов, требующих прояснения, критической оценки, проверки гипотез и наполненности смысловых значений и понятий, автор работы посчитал наиболее корректным для изучения данной проблематики применить метод экспертного интервью. Данный опрос экспертов проводился в период с 5 октября 2022 г. по 15 февраля 2023 г.; в нем приняло участие 13 экспертов из Азербайджана, Казахстана и Узбекистана. Респонденты отобраны из числа ученых (государственных и частных научных сотрудников, имеющие ученые звание, степень), преподавателей вуза, независимых аналитиков, квалифицирующихся по таким направлениям, как философия, политология, история и культурология, в частности опубликовавших работы по вопросам модернизации (политической, социальной, культурной); реализации реформ модернизации в традиционных обществах, на постсоветском пространстве; особенностей развития западной и восточной цивилизации. Ниже представлена краткая информация по градации исследовательских направлений, возрастным, половым категориям опрошенных экспертов:

Эксперт 1: мужчина, 54 года, философ, публиковался главным образом по вопросам модерна и процессов модернизации, автор 4 публикаций.

Эксперт 2: мужчина, 47 лет, политолог, исследовал социально-политические аспекты модернизации, автор 5 публикаций.

Эксперт 3: мужчина, 62 года, социолог, автор 7 публикаций по модерну и постмодерну в контексте общественных трансформаций.

Эксперт 4: мужчина, 50 лет, культуролог, исследовал культурные изменения в эпоху модернизации, автор 4 публикаций.

Эксперт 5: мужчина, 55 лет, философ, среди 8 публикаций 2 опубликованы по постмодернизму, остальные – по модерну и модернизации.

Эксперт 6: мужчина, 38 лет, философ, исследования по фрагментарности в постмодернизме, автор 3 публикаций.

Эксперт 7: мужчина, 43 года, политолог, специализировался на модернизации политических систем, автор 6 публикаций.

Эксперт 8: мужчина, 60 лет, культуролог, автор 7 публикаций о традициях модерна в национальной культуре.

Эксперт 9: мужчина, 48 лет, философ, автор 2 публикаций по теории постмодернизма.

Эксперт 10: мужчина, 52 года, культуролог, исследовал воздействие технологического прогресса на модернизацию культуры, автор 5 публикаций.

Эксперт 11: мужчина, 45 лет, социолог, 5 публикаций посвящены социальным процессам модернизации.

Эксперт 12: женщина, 40 лет, культуролог, публиковалась в области культурных аспектов постмодернизма, автор 2 публикаций.

Эксперт 13: женщина, 37 лет, философ, автор 3 публикаций о модерне и модернизации.

Процедура проведения глубинного интервью – индивидуальная, в очной (с зарубежными респондентами) и заочной (с отечественными экспертами) форме. Все вопросы, заданные респондентам, подготовлены интервьюером заблаговременно на основе предварительно составленного опросника. В результате исследования было записано 67 страниц конспектов. Продолжительность интервью варьировалась от 45 до 150 минут.

Основные положения исследования:

1) Объяснение категорий «постмодерн», «постмодернизм» задает немалые терминологические трудности. Важно подчеркнуть, что сам термин «современность/модерн» допускает двоякое понимание. С одной стороны, оно выражает идею *одно*временности, совпадения по времени того, о чем идет речь. С другой стороны, то же самое слово содержит идею совпадения с ныне текущим временем – т.е. с сегодняшним днем, когда говорят или дают оценку, а значит, с началом XXI в. Следовательно, на сегодня неясность и многозначность самих понятий «модерн», «модернизация», «постмодерн», «постмодернизм» затрудняют выработку *критериев* их определения и применения в политологических исследованиях.

2) В настоящей работе автор не стремится представить постмодернизм в качестве доминирующего языка описания современности, напротив, признавая постмодернизм как один из способов понимания и объяснения текущего состояния социума, мы в значительной степени учитываем и другие языки аналитического описания. Следовательно, в качестве рекомендательного характера для вероятных будущих исследований и в целях полноты рассмотрения проблемного вопроса, постмодернизм в рамках социальных знаний (в частности, политической науки) следует рассматривать вкупе с другими концепциями, такими как, теории глобализации, предглобалистики, постколониальные исследования, постсекуляризм, постразвитие и др. Необходимо подчеркнуть, что упомянутые альтернативы, так или иначе, тесно взаимодействуют с постмодернизмом.

3) В ходе обзора литературы на тему постмодерна и постмодернизма выявлено, что практически все теории и концепции, которые определенным образом подпадают под понятия «постмодерн» и «постмодернизм», направлены на раскрытие вопросов, связанных с философией, культурой и их направлениями; постсоветские источники социальных наук (главным образом, в Азербайджане, Казахстане и Узбекистане) не содержат в своих трудах исследования по теме постмодернизма и категории политического. Политические вопросы в рамках постмодернизма освещались по большому счету пока лишь западными авторами (прежде всего, Ф. Джеймисоном и М. Фуко).

4) С точки зрения постмодернизма линейная логика развития не может быть универсальной для любого общества. Согласно постмодернистам, для тех обществ, которые недавно (если рассматривать в общем историческом контексте) приступили к модернизации, заимствовать, без оценки и учета всех факторов, политические, культурные, экономические и др. институты и ценности индустриальных (в чистом роде) и постиндустриальных стран не всегда приводят к необходимым результатам, а то и рождает отрицательные последствия. В социально-гуманитарных науках подобные явления рассматриваются в качестве политической, культурной мимикрии, что подразумевает под собой демонстрацию демократических институтов и процедур в подвергающихся проекту модерн обществах. В случаях, когда развитие общества и государства осовременивается быстрее, чем условия объективные, то есть вероятность, что в данных обществах в политико-властных отношениях может развиваться неопатримониальный тип господства. В этом отношении отрыв означаемого от означающего – одна из ключевых интерпретаций постмодернизма.

5) Одной из главных характерных признаков постмодернизма является признание релятивизма (относительности) и переоценки всех существующих понятий, парадигм, нарративов, которые, по мнению постмодернистов, конструируют и тем самым искажают реальность. Вследствие этого открывается дорога принципу многообразия. В своей работе автор показывает, как изначально направленный на положительно характеризуемый

постмодернизм, может стать действенным инструментом к действию и привести к крайне негативным последствиям. В диссертации объясняется – как эти признаки раскрываются в политической жизни. Сегодня существует многообразие политических сил, многообразие выражения интересов этих политических сил, мародерство, которое пытаются оправдать разнообразными политическими и экономическими интересами; защита государственности, которую другая часть так же хотят оправдать высшими патриотическими интересами – обе эти силы апеллируют к патриотизму.

6) В рамках постмодернизма всякая идеология, в том числе и национализм, представляет собой определенный конструкт, состоящий из специально отобранной системы убеждений, за которой стоят заинтересованные субъекты. Постмодернистская критика идеологий сводится к тому, что они контролируют общность социальных убеждений путем дискурса, т.е. с помощью устного и письменного коммуникативного взаимодействия – определенных языковых конструкций. Одним из дискурсивных структур и стратегий идеологии выступает местоимение «Мы», которое используется говорящими для прямой ссылки на внутригрупповую солидарность – подобный бинаризм и поляризация с обратным местоимением «Они» состоит во главе критики постмодернизма. Характер дискурсивного анализа задает достаточно четкие рамки для обозначения идеологий как дискурсов и социальных практик господствующих и подчиненных, обозначающих свои притязания на доминирование и сопротивление, соответственно.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическое значение данной работы заключается в том, что она позволила углубить: понимание специфики современных тенденций, так называемых «вызовов современности», в том числе, постмодерна – постмодернизма, и ответов на них в незападных обществах, в частности азербайджанском, казахстанском, узбекском; выявить противоречия и особенности этих процессов. Результаты исследования могут быть использованы при чтении лекционных курсов по политологии, социальной философии, культурологии, в научных разработках по проблемам политического и социального прогнозирования, а также при проектировании моделей и систем общественного развития.

Апробация результатов диссертационного исследования.

Результаты диссертационного исследования обсуждались на научно-методических семинарах докторантов и заседаниях кафедры политологии и политических технологий КазНУ имени аль-Фараби. Основные идеи и выводы диссертационной работы нашли отражение в 8 научных работах, из них 3 – в изданиях, рекомендованных Комитетом по обеспечению качества в сфере науки и высшего образования МНВО РК, 4 – в сборниках материалов международных конференций, 1 – в научном журнале «Sociological Studies», индексируемом в базе данных компании Scopus.

Опубликованные научные труды:

1. Occultism in consciousness of the Kazakhstan city dwellers // Sotsiologicheskie issledovaniia. 2021. Vol. 2021, Iss. 9. Pp. 137-142. DOI: http://dx.doi.org/10.31857/S013216250013752-0

2. Дискурс модерна и постмодерна в теориях Ю. Хабермаса // Вестник Казахского национального педагогического университета им. Абая. Серия «Социологические и политические науки», 2020. - №3(71). – С. 132-137. DOI: https://doi.org/10.51889/2020-3.1728-8940.20

3. Особенности возрастания интереса к традиции в современных обществах и теория компенсации // Вестник Казахского национального педагогического университета им. Абая. Серия «Социологические и политические науки», 2020. - №2(70). – С. 114-118. DOI: https://doi.org/10.51889/2020-2.1728-8940.16

4. Трансформация устойчивости политических процессов под воздействием бифуркаций: теоретический разбор // Вестник Казахского национального педагогического университета им. Абая. Серия «Социологические и политические науки». Декабрь, 2019. -№4(68). – С. 164-167. bulletin-socpolit.kaznpu.kz/index.php/ped/issue/view/10/19

5. Об определенных реакциях и последствиях модернизации // Сборник материалов Международной научно-практической конференции на тему «Наука и инновации: Республика Казахстан и международные тенденции». Апрель, 2020. – Нур-Султан. – С. 169-171.

6. Политическое настоящее в рамках теории постмодернизма // Материалы международной научной конференции студентов и молодых ученых «Фараби әлемі», Алматы, Казахстан, 02-11 апреля 2019 г. Т.2. – Алматы: Қазақ университеті, 2019. – С. 209-212.

7. О некоторых вопросах реализации проекта модернизации в Казахстане // Сборник материалов Конгресса политологов Казахстана. – Алматы, 2019. – С. 258-263.

8. Особенности модернизации традиционных обществ // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Новые горизонты современного гуманитарного знания и науки в свете модернизации исторического сознания», Алматы: ҚР БҒМ ҒҚ Философия, саясаттану және дінтану институты, 2018. - 500 с. – С. 397-402.

Структура и объем диссертационной работы. Диссертационная работа изложена на 157 страницах машинописного текста и состоит из введения, двух глав и заключения. Список использованной литературы включает 293 наименований.

1 ПОСТМОДЕРНИЗМ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

1.1 Постмодернизм: концептуальные основы, исторические предпосылки и сущностные характеристики

1.1.1 Истоки и понятийный анализ постмодернизма

В 1970-х гг. западная философская и социальная мысль была озадачена появлением качественно новых элементов, изменений в социуме, прежде всего, в сознании западных обществ. Новые проявления выразились в контексте критического осмысления прошлого и настоящего – роль субъекта и объекта, вопросы их разграничения, интеграции и подчинения, их нынешний статус, произошедшие события с точки зрения исторической объективизации, проблемы центризма, легитимации универсальных идей, проектов и моделей, а также другие не менее важные вопросы, касающиеся фундаментальных порядков, на которых построен современный мир. В процессе своего развития (изначально в культуре, позже – в социально-политической сфере) феномен приобретает пусть и не точные, но двусмысленные концептуальные черты и рамки, а в качестве понятия предложено слово «постмодернизм», на первый взгляд связанное с объяснением нового исторического этапа развития западного общества.

Несмотря на достаточно долгую историю существования понятия (уже без малого шесть десятилетий), многоаспектность его значений, недостаточная изученность проблематики доставляет определенную сложность в его интерпретации. Первая и весьма важная задача в данном контексте – разобраться, чем является постмодернизм, когда и где он начинается, каковы его ключевые характеристики.

Современная научная литература и публицистика изобилует работами, посвященных теме постмодернизма. Ученые, различные специалисты из таких сфер, как архитектура, искусство, художественная литература, философия, социально-гуманитарные знания вкладывают свое строго очерченное предметной областью понимание постмодернизма. Однако несмотря на некую разрозненность и широкое его объяснение, основные идейные постулаты постмодернизма, к примеру, в живописи и социальных теориях не всегда и полностью, но могут совпадать [54]. Так или иначе, в работе не ставится задача преодолевать споры по поводу его проявления в различных сферах. Весьма серьезным является тот вопрос о том, как сторонниками, так и критиками феномен постмодернизма рассматривается в рамках социальной теории в качестве одного из ключевых факторов, влияющих на происходящие изменения.

Придерживаясь системы и логики исследования проблемы, для начала следует заострить внимание на определении понятия «постмодернизм». В

общих чертах постмодернизм – это интеллектуальное течение в научной мысли, сторонники которого проявляют солидарность с основополагающими принципами и идеями постмодерна, социокультурного состояния стран Западной Европы в конце XX в. [55]. В буквальном смысле термин «постмодерн» обозначает «то, что возникло после модерна» [56]. За самой приставкой «пост» можно усмотреть сложную и многозначную концептуальность. Надо полагать, что термин коррелирует с понятием «модерн» и, прежде всего, верно указывает на конфронтацию с последним. Таким образом объясняется его прямая генетическая связь с модерном по части отличий в содержательных аспектах и критики постмодернизма идейных установок модерна [57]. Вместе с тем, данная приставка одновременно используется и в качестве уточнения на продолжение, следствие и преемственность [58], т.е. в данном случае добавление приставки «пост» – «после» понимается не в рамках прямого перевода, и не подразумевает абсолютную завершенность модерна, а связано с фиксацией изменений, новых тенденций и бифуркаций в социуме, с которыми он столкнулся.

Вопрос о завершении модерна на сегодня имеет открытый, дискуссионный характер. Авторы, затрагивающие современные политические и социокультурные реалии, зачастую, ссылаются на мнение о завершенности модерна: «Постмодернистское умонастроение несет на себе печать разочарования в идеалах и ценностях Возрождения и Просвещения с их верой в прогресс, торжество разума, безграничность человеческих возможностей» [59]. Некоторые вовсе не согласны с подобным выводами (представители Франкфуртской школы, Ю. Хабермас, У. Бек, Д.А. Узланер и др.).

Касательно самой истории возникновения слова «постмодернизм», то по мнению английского искусствоведа Б. Тэйлора, авторами данного понятия являются историки Л. Стейнберг и Ч. Дженкс [60]. В 70-х гг. XX в. исследователи вне зависимости друг от друга в целях описания определенных стилевых направлений начали использовать термин «постмодернизм» в своих художественных трудах. Так, в 1972 г. Стейнберг, оценивая работы художников Э. Уорхола и Р. Раушенберга, подчеркнул, что их картины можно охарактеризовать в качестве далекого от реальности *образа образов* [61].

В сфере архитектуры одним из первых зачинателей постмодернизма является американец Р. Вентури. В своей работе «Сложности и противоречия в архитектуре» он предлагает дефиницию, которая впоследствии была взята гуманитариями за основу построения постмодернистских концепций в рамках собственных научных концепций: «В архитектуре мне нравятся сложность и противоречия… Гибридные элементы мне нравятся больше, чем “беспримесные”, компромиссные больше, чем “цельные”, искривленные больше, чем “четкие”… вмещающие в себя больше, чем исключающие, чрезмерные больше, чем простые… противоречивые и двусмысленные больше, чем прямые и ясные. Я за беспорядочную жизненность, а не за очевидное единство. Я признаю непоследовательность и провозглашаю двойственность» [62]. Подобная эстетика парадоксов, разрушения и противоречивости

последовательно стала входить не только в человеческую повседневность, но и при реализации государственных дел, а также в науку [63].

Существует и другая версия по части зарождения термина. Считается, что английский историк А. Тойнби в своем именитом труде «Постижение истории» (1947) одним из первых среди мыслителей обозначил «post-Moderne» в качестве нового исторического этапа после модерна [64]. Тойнби – тот ученый, который задолго до многих авторов заметил принципиально новые неяркие и мелкие проявления в культуре и обществе, что стало основанием для его выводов и артикуляций о новом состоянии социума еще с конца XIX в.

Наиболее значимый статус в категории социальных знаний термины «постмодерн» и «постмодернизм» обрели благодаря французскому ученому Ж.-Ф. Лиотару, который заявил о трансформациях в западных обществах: «Предметом этого исследования является состояние знания в современных наиболее развитых обществах. Мы решили назвать его “постмодерн”. Это слово обозначает состояние в обществе после трансформаций, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве в конце XIX века» [1, С.48].

Ж.-Ф. Лиотар одним из первых в интеллектуальном плане указал на новые трансформации в обществе. К другим темам, в частности и к сфере политики, он обратился в своей более поздней книге «Постмодернизм в изложении для детей»[65]. Как правило, с его именем связана именно первая книга Лиотара, где он произнес главные тезисы, с которыми связывают постмодерн и постмодернизм. Однако и в этой работе рассматривается целый ряд смежных вопросов постсовременности – уточнение понятий, дополнения и корректировки к ранее написанным текстам по постмодернизму, оценка соотношений политических режимов (в работе это – паттерн тоталитаризма и демократии в контексте проекта модерн) с республикой и др.

Для Лиотара постмодернизм воспринимается, прежде всего, с позиции распада и исчезновения так называемых «великих» универсалистских идейных моделей – *метанарративов*, которые зачастую переводятся как большие рассказы. Метанарративы – это большие повествования, большие объяснительные схемы, которые помогают объяснить мир в целом, например, религия, капитализм, марксизм. Автор связывает возникновение постмодернизма со следствием ослабления и разрушения ключевых основ, на которые опирался модерн – рационализма, универсализма и линейности. В данном ключе следует учесть то, что во многом при определении постмодернизма учитывают и за основу берут именно этот вариант толкования. Так, утверждается, что всякие идеологические концепции упускают из виду разнообразие социального мира и даже подавляют некоторые его элементы [66]. Критика метанарративов является фундаментальной для неприятия постмодернистами проекта современности, который представляет собой «грандиозное» повествование, заданное определенным кругом лиц для всего остального мира.

В рамках такого понимания предпосылкой возникновения постмодернистского интеллектуального течения стало признание о завершении или близкого к состоянию неминуемого завершения человеческой эпохи, в которой превалировали: вера в абсолютную истину, прогресс, линейное развитие, рациональное разрешение всех вопросов; господство одной идеи или совокупности идей, политических идеологий; триумф массового стандартизированного производства и потребления знаний, товаров, услуг. Забегая вперед, отметим, что в Азербайджане, Казахстане, Узбекистане под постмодерном подразумевают лиотаровское представление, как о состоянии общества.

Особый вклад в понимание основных вех развития истории постмодернистской мысли заложил британо-американский историк П. Андерсон в своей работе «Истоки постмодерна» (1998 г.). Следует отметить, что одним из основополагающих целей написания «Истоков постмодерна» Андерсоном стало обсуждение и анализ работ американского теоретика-марксиста Ф. Джеймисона, посвященных концепции постмодернизма. Книга представляет собой настоящую кладезь знаний по постмодерну и постмодернизму (особенно для тех, кто впервые знакомится с этим феноменом) – автором проводятся попытки объяснить природу и этимологию понятий, а также их сущность в исторической ретроспективе. Рассматривая все направления деятельности, с которыми работает постмодернизм, Андерсон указывает на те изначальные условия влияния интеллектуального течения на социальные науки, а так же изучение его не в контексте идеи, а явления.

Не последняя роль была отведена Андерсоном и сфере политической. Анализируя труд Джеймисона «Политическое бессознательное» (1981 г.), автор оценивает это книгу, как «наиболее систематизированную теоретическую работу» о политике с точки зрения постмодернизма [8, С.155]. Джеймисон усматривает политику в качестве первоисточника и конструкта всех существующих категорий, установок и условий: «нет ничего, что не является социальным и историческим: более того, “в конечном счете” все является политическим» [67]. Джеймисон обрисовывает грандиозные изменения в социокультурном плане, выявляет связи между марксизмом, социализмом и неолиберализмом в эпоху постмодерна, однако по поводу калибровки и расшифровки по линии того, каковы будут политические следствия новых преобразований, автор предпочел оставить открытым. Важно так же отметить, что для Ф. Джеймисона (как и для многих авторов) характерно мнение, что постмодернизм вырастал на лоне модерна, и первым шагом на пути к освобождению от него стала политика эмансипации, а позже произошла «колонизация реальности, как правило, при помощи пространственных и визуальных форм» [68].

Для дальнейшего обстоятельного теоретического анализа приведем примеры того, как другие авторы понимают феномен постмодернизма. Так, историк Д. Уэст в своей работе «Континентальная философия: введение» обращает свой взор на постмодернизм, определяя его с точки зрения

нескольких направлений [69]. Согласно Уэсту, своему зарождению постмодернизм обязан таким философским течениям, как структурализм и постструктурализм (М. Фуко, Ж-Ж. Деррида). Другая его интерпретация связана со всесторонней критикой модерна и, прежде всего, речь идет о его негативных последствиях – формальность рационализма в контексте модернизации, отход к тоталитарным режимам, массовый геноцид, появление концентрационных лагерей. Данное обстоятельство историк во многом связывает с разочарованием западных интеллектуалов в марксизме: «… марксизм, вероятно, является наиболее частой, хотя и не всегда открыто заявляемой, целью постмодернистской критики модернизма» [69, С.330]. Следующее представление о постмодернизме касается его понимания как нового течения в искусстве, пришедшего как ответ на вопросы, которые ставит перед собой искусство позднего модерна [70], [71]. И в завершении Уэст рассматривает постмодернизм в качестве применения исторического и социального термина, и в данном ключе Ч. Миллз и А. Тойнби, согласно исследователю, сыграли немаловажную роль. Следует подчеркнуть, что Д. Уэст в сравнении с авторами постсоветских республик, с осторожностью относит Лиотара к постмодернистам, аргументируя свои выводы тем, что последний не раз менял свои позиции и подходы к данному интеллектуальному течению.

Таким образом, не претендуя на последнюю инстанцию правды, представим рабочий вариант определений терминов «постмодерн» и «постмодернизм»: «постмодерн» – это историческое социокультурное состояние западных стран, а так же инструмент описания его проявлений; «постмодернизм» является интеллектуальным течением в искусстве, архитектуре, литературе, а так же в социальной теории.

Итак, постмодернизм можно интерпретировать как отказ от прогрессивной политики. Возвеличивая разнообразие, плюрализм и упадок метанарративов, постмодернизм также отвергает представление о том, что социальные науки могут обеспечить универсальные, прочные основы, на которых можно обосновать политическую теорию и методы к ее действию. Однако скептицизм по отношению к метанарративам и заявлениям об истинности не обязательно должен приводить к их отвержению. Этот элемент постмодернизма может быть полезен для критического анализа. Вместо того чтобы предполагать отказ от метанарративов, постмодернистский подход можно рассматривать как способ подвергнуть сомнению нарративные формы знания и дать возможность высказаться тем, кто был исключен.

Необходимо подчеркнуть, что постмодернизм не возникает из ниоткуда – ему предшествовали философские мысли Ф. Ницше, Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. Однако их воззрения с методологической точки зрения более обстоятельны и структурированы. Так, сторонники школ феноменологии и экзистенциализма подобным же образом выступали против идей Просвещения (однолинейного развития и универсального знания и др.), отдавая предпочтение акцентировать внимание на субъективном начале в решении повседневных вопросов [72]. Многие положения из этих концептуальных школ

отражены на сегодня в постмодернистских текстах: отказ от универсалистских теорий, акцент на субъективности и сосредоточенность на раскрытии скрытых мотивов. Однако они были разработаны постмодернистами для того, чтобы подвергнуть сомнению дискурс языка, историю и культуру и поставить под сомнение обоснованность заявлений об открытии универсальной Истины.

Однако западные социологи конца XX в. (в частности, Ф. Джеймисон, С. Лэш, Дж. Урри) не описывают в своих работах исторические предпосылки постмодернизма, и лишь один из немногих – англо-американский социолог, географ, представитель теории марксизма Д. Харви – в своей книге посвящает целый раздел на обстоятельный анализ причинно-следственной связи модерна и постмодерна. Согласно Харви, динамика современного общественного устройства проявляется не в разрыве постмодерна и модерна, а в их логической и последовательной связи – одновременном процессе развития. В свою очередь социолог Ф. Уэбстер, известный в академических кругах строгим критическим отношением ко всем современным теориям, в своей работе «Теории информационного общества» дает положительную оценку доводам и аргументациям Харви, делая акцент на выгодное для социально-политических выводов обоснованное использование эмпирических материалов: «Эти взгляды на возникновение культуры постсовременности мне представляются убедительными. Они анализируют исторические события и основываются на большом количестве эмпирической информации. Но, конечно, убежденный сторонник постмодернизма сочтет их еще одной претенциозной попыткой создать “великое сказание”, тем более что Харви объясняет возникновение постсовременности в рамках внутренней логики развития капитализма, а Белл стоит на позициях Нового времени, рассматривая постсовременность как результат деградации предшествующей культуры» [73].

Следует добавить, что в качестве оптимальной датой начала имплементации постмодернистской мысли стали выступления леворадикальной студенческой молодежи в Париже в мае 1968 г. под названием «Красный май», в результате чего ушел в отставку глава Франции Шарль де Голль и произошли крупные изменения во французском обществе. Изменения кроются, прежде всего, в восприятии общества социальных и политических кризисов. Если до этих массовых выступлений, протестные настроения, так или иначе, носили марксистский окрас, то именно этот год стал переломным моментом в контексте появления новых интеллектуальных палитр в объяснении общественных противоречий. По мнению исследователей, даже если «майские события» не носили абсолютно постмодернистский характер, они во многом сыграли значительную роль в попытках найти альтернативную марксизму модель понимания нового сознания молодежи [74]. Особенность выступлений состояла в том, что они не носили пролетарский характер. Французские студенты, участвовавшие в протестах, в большинстве своем представляли средний и высший класс буржуазии. Подвергнув риску свой статус в престижных университетах, они заявили о других ценностях и

вариациях свободы, равенства и справедливости, отвергая идеалы Просвещения и те идеи, которые заложили основу модерновой республики во Франции.

1.1.2 Феномен постмодернизма в призме междисциплинарных исследований

Важно подчеркнуть, что постмодернизм и его понимание наилучшим образом раскрывается в контексте междисциплинарной связи не только с философией, но и с историей, социокультурными концепциями, теориями международных отношений и др. Так, в методологический инструментарий постмодернизма, кроме общеизвестного критического подхода, вошел внедренный Кембриджской школой интеллектуальной истории подход, часто используемый в области истории, культуры и социального познания, – «контекстуализм» [75]. Интеллектуальные возможности данного метода кроются в возможностях объяснить различные термины, концепты, категории в рамках контекстов, существующих в тех или иных историко-социальных, культурных и политических условиях. Для постмодернистов особо важно вписать нынешнее состояние общества в контекст, который будет гармоничен именно в этот исторический момент.

Британский историк К. Скиннер, используя новое понятие «политический язык», выступал против того, чтобы называть определенные исторические события, процессы и явления логичными или закономерными [76] (постмодернизм так же отторгает подобную парадигму). По его мнению, сложившийся тот или иной политический канон есть следствие влияния отдельных контекстов, которые необходимо учитывать при анализе политического языка записанных текстов мыслителей прошлого. Такой подход оценивается, как расширение возможностей приближения к реальности исторических событий, а также как получение новых политических интерпретаций в современной научной дискуссии.

Начиная с Лиотара и его последователей, постмодерн характеризуется, как определенное состояние общества с качественными изменениями его сознания. Однако широко используется и другая трактовка, применяемая в рамках периодизации всемирной истории – это классификация истории человечества на три большие эпохи: премодерн (Древний мир и Средние века), модерн (Новое время) и постмодерн (Новейшее время). Для каждого из них присущи свои особенности развития в политическом, экономическом и социокультурном плане. Так, общая система регуляторов в премодерне, предшествующей модерну, носит традиционный, религиозный, сословный, коллективный характер с преобладанием аграрного сектора экономики. Модерн же полностью отвергает идентичность обществ, основанных на традиционализме, религиозности, империализма. Согласно А. Дугину, постмодерн иначе постулирует свои идеалы: «глобализация – вместо классических государств, планетарного космополитизма – против наций, полного индифферентизма или индивидуального мифотворчества в контексте

неоспиритуализма – против строгой установки на секулярность, произвольность утверждения абсолютным индивидуумом своего отношения к «другим» – против гуманистической стратегии “прав человека”» [77]. Таким образом, трактовка, рассматривающая постмодерн как историческую эпоху, связана с утверждением о смене одной социально-политической, экономической и культурной формации на другую, направленной на глубокие преобразования ключевых систем, кодов и ценностей.

С постмодернизмом тесно связана и новая историческая школа, зародившаяся во Франции в XX в. (в некотором роде вдохновленная идеями М. Фуко), и повлиявшая на весь ход написания мировой истории – Школа «Анналов», основателями которых являются Л. Февр и М. Блок. До четвертого поколения представителей «Анналов» исследования публиковались в большей степени в положительном русле. В сравнении с предшественниками четвертое поколение выдвинуло лозунг в некотором роде пессимистического характера – «Движение от центра к периферии» [78]. Они так же, как и постмодернисты, начали подвергать сомнению изучение макро исторических по длительности событий, и сконцентрировались на исследовании микро-событий, уход в прошлое и рассмотрение не действий крупных политических фигур, а коллективного сознания и поведения, мотивы принятия тех или иных решений. Как можно заметить, идеи Школы «Анналов» тесно перекликаются с рассмотренной теорией контекстуализма.

На сегодня историческая Школа «Анналов» одна из тех немногих научных и интеллектуальных направлений, которые не опровергают основные положения постмодернизма, а более того признают его роль в переосмыслении социальной реальности. Неким подтверждением усиления и поворота в сторону категории субъективности является ряд исследований современного представителя школы Ж. Ревеля («Микроанализ и конструирование социального» [79], «История и социальные науки во Франции» [80]). В ходе разработки микроистории Ревелем был введен в научный оборот понятие «реконструирование». Речь идет о реконструировании, прежде всего, методов познания исторических событий. Так, постмодернизм становится для новой исторической науки серьезным теоретико-методологическим базисом: использование исключительно классических методов понимания истории, заимствованных у точных наук, стало объектом критики. Вместо этого предлагалось синтезировать знания из различных сфер и разбавлять социологизмом, антропологизмом, плюрализмом, лингвистикой, а так же в постмодернистском ключе устранялась иерархичность в системе подходов: «Ни один из подходов не может исключаться или получать приоритет над остальными. Чем многообразнее ракурс, тем основательнее анализ»[80, С.80].

Постмодернизм так же оказал значительное влияние на практику написания политической истории в Азербайджане, Казахстане и Узбекистане. Он способствовал пересмотру доминировавших в течение длительного времени традиционных политических идей, идеологий, децентрализации власти и интернационализму, а также учета множественности и многообразия при

изучении прошлых событий. В историографии постмодернизм поставил под сомнение объективность, подчеркнул важность маргинализованных голосов и расширил спектр используемых источников. На историческое сознание постмодернизм повлиял, подчеркнув роль коллективной памяти, пересмотрев исторические мифы и признав правомерность множественных интерпретаций прошлого.

Влияние постмодернизма на написание истории Азербайджана, Казахстана и Узбекистана можно рассматривать с нескольких ракурсов.

Первый аспект – это изменение методологии и подхода к историческим источникам. Постмодернизм открывает новые возможности для интерпретации истории, подчеркивая историографическое разнообразие и комбинирование различных видов исторических источников (даже если с точки зрения науки эти источники носят двусмысленный характер). В контексте рассматриваемых стран, это может означать переосмысление традиционных подходов к анализу истории страны, включая рассмотрение исторических событий через призму различных культурных и социальных перспектив. Традиционные исторические нарративы, часто используемые в политических целях, подвергаются критике. Это постепенно привело и приводит к пересмотру роли и образа национальных лидеров, а также к новому взгляду на события XX века. Так, политика памяти, связанная с репрессиями, коллективизацией, голодом, со Второй мировой войной, постепенно обретает характер литературной повествовательности и секьюритизированности (т.е. понимается как область категории безопасности). Согласно постмодернизму, «всякая реальность проявляется через посредничество языка и текстов, значит, всякое историческое исследование зависимо от рефлексии о дискурсе» [81], что поставило под сомнение устоявшееся научное описание и анализ минувших событий. Недоверие к текстам, написанных под влиянием определенного дискурса, и историку, который подвергает их собственным субъективным интеллектуальным умозаключениям, стали основной причиной усиления заинтересованности жизненного опыта отдельных людей, и угасания исследований таких макро категорий, как структура и институты общества, государства.

Второй аспект – это подчеркивание множественности исторических нравственных идеалов. Постмодернизм открывает возможности для анализа истории Азербайджана, Казахстана и Узбекистана через призму различных идеологий и ценностей, которые формировались в разные исторические эпохи. Это позволяет избежать упрощения исследования истории и более точно передать многослойность исторического процесса.

Третий аспект – это обращение к маргинализированным историческим группам и личностям. Постмодернизм акцентирует внимание на тех исторических акторах, которые были ранее игнорированы или искажены в традиционных исследованиях. В случае с изучаемыми странами, это может означать изучение истории различных национальностей, религиозных групп и социальных классов, которые вносили свой вклад в формирование и развитие страны.

Четвертый аспект – это идеи, приводящие к поиску новой национальной идентичности, которая бы учитывала, как традиционные ценности, так и современные реалии. Это может проявляться в более толерантном отношении к национальным меньшинствам, в переосмыслении роли ислама в обществе и в поиске новых форм культурного выражения.

Наиболее подробно постмодернизм изучен в рамках социокультурного контекста. В общих чертах речь идет о постмодернистском взгляде на реальность общества, которое пережило НТР и сделало переход на постиндустриальный этап развития с характерными для него новыми технологиями (компьютер, Интернет, ИИ), задающие совершенно иные формы и способы коммуникации, управления и взаимодействий, соответственно меняя образ мышления и действий современного человека. Социологи и антропологи неоднократно отмечают, что постмодернизм с большой долей сомнения относится к постижению и осмыслению мира с помощью одного лишь рацио, а также скептически воспринимает идею прогресса, которая может быть реализована благодаря разуму, науке, логично отобранным схемам и механизмам [82].

Заметим, что социальные теоретики постмодернизма преимущественно говорят о западном обществе – в 70-80 гг. XX в. понятие применялось исключительно по данной траектории. Довольно значимыми и интересными стали новейшие социологические исследования, которые с конца 80-х и начала 90-х гг. XX в. рассматривают постмодернистскую интеллектуальность как состояние, не имеющее ограничений в географическом и временном контексте. Другими словами, сложности вызывает точная фиксация места и датировки зарождения постмодернистского состояния ума, поскольку оно одновременно развивалось в разных частях Света. Постепенно публикуются исследования о постмодернизме в Японии, Китае и странах Латинской Америки. Следовательно, раз за разом формируется, далеко не устойчивое, но не менее актуальное мнение о том, что постмодернизм, его язык описания может быть так же применен в отношении современных незападных обществ. В начале 90-х гг. начались обсуждения о возможных взаимодействиях между постмодернизмом и исламом [83].

В середине 80-х гг. Ф. Джеймисон отправился в Китай и в ходе своих лекций познакомил китайское научное сообщество и студенческую молодежь Пекина с основными постулатами постмодернистской концепции. И уже начиная с 1989 г. в стране начали публиковаться его лекции на китайском языке, что в дальнейшем повлияло на формирование принятия и понимания современных процессов, на которых повлиял постмодернизм, и во многом нейтрального отношения к нему. По сей день лекции Джеймисона в рамках изучения постмодернизма являются часто цитируемыми и авторитетными в Китае [84]. Данный вопрос все еще остается открытым для дальнейших научных происков. Так или иначе, французский ученый Ж. Деррида указывал, что в современном мире самым постмодернистским обществом является не западное, а японское общество [82, С.178].

Использование же этого понятия касательно стран постсоветского пространства на заре обретения их суверенности вызывало некое сомнение и отторжение, поскольку считалось, что постмодернизм – это лишь культурная формация и возникающая лишь в условиях позднекапиталистического, высокотехнологичного и постиндустриального общества. С одной стороны, сама постановка вопроса вызывает концептуальную дерзость, требующая серьезной теоретико-прикладной конструкции для его объяснения; с другой – по субъективному мнению автора, недостаточно изучать новые трансформации и объяснять их характер лишь сквозь призму классических концептуальных школ. Новые явления, процессы и изменения в политической и социокультурной реальности порой требуют иные инструменты, иную модель понимания и описания.

Одним из видных фигур в рамках изучения постмодернизма является американский социолог Д. Белл, который причислил постмодерн в ряд значимых типологий цивилизации, прослеживая схожие аналогии между ним и постиндустриальным обществом (а модерн – с индустриальным обществом). Более того, в своих трудах Белл не делал между постмодернизмом и постиндустриализмом особых различий. Социолог считал, что нынешнее состояние общества оценивается как множественное, разнообразное, многоликое, соответственно, сложное с ярко выраженным (даже исчерпывающим) плюрализмом [85]. Белл подчеркивает, что это принципиальное отличие модерна (индустриального общества) от постмодерна (постиндустриального общества). При этом, вышеуказанные качества характерны, как для целого общества, так и для отдельных индивидуумов, имеющих разные идентичности. Зачастую, идентичностей насчитывается так много, что то и дело возникают противоречия и конфликты внутри социума и отдельной личности. Необходимо так же понимать, что под воздействием постмодернизма человек не только сталкивается со множественными проявлениями в его окружающей среде, но и сам (вероятно, и не осознавая в полной мере) практикует эту разнородность. Этот аспект весьма серьезен, потому как именно он предопределяет развитие плюрализма в социуме, а также устраняет центрированность и тотальность одного мировоззрения, одной идеи, одних ценностей, следовательно, ограничивает возможность в оценке рациональности и необходимости тех или иных норм и ценностей.

Белл выделяет и другие немаловажные критерии, по которым можно причислить общество к постмодернистскому. Так, в качестве одной из главных черт постмодернизма выступает непризнание с давних времен укоренившихся социально-политических институтов: нуклеарной семьи, стандартной системы образования, иерархически организованных корпораций, профсоюзов, национального государства и др. Вопреки ожиданиям проекта модерн, стремившийся к стандартизации всех институтов во всех обществах и государствах, современный социум под влиянием концепций постмодернизма пытается сохранить свои социокультурные особенности [82, С.148-149].

Схожим образом определяет современное общество английский социолог Э. Гидденс. Он акцентирует свой взор на «нелинейную социокультурную динамику реалий постмодерна, их качественной неопределенности, потенциале самоорганизации, проблемах рисков, порядка и хаоса в глоболокальном социуме»[86]. Как и Белл, Гидденс пишет о «разрывах в познании, увеличении центробежности и беспорядочности в социальных трансформациях, фрагментарности самоидентификаций, контекстуальности истины, ограниченных возможностях координации политических действий» [87].

Ученые отмечают о сложностях анализа современного социума вследствие трудностей определения сущности и характера происходящих трансформаций, а так же выбора исправной методологии и методов для его изучения: «… Для нелинейной социокультурной динамики естественным являются разрывы социума и ризомное развитие, что, по существу, способствует концу знакомого мира и созданию мира нового с новым представлением о порядке и хаосе» [88]. И в данном отношении ряд социальных теоретиков отмечает, что логика постмодернизма по переосмыслению социальной жизни, совокупность его концептуальных учений, по-иному фиксирующие и интерпретирующие новые проявления в социуме, наряду с классическими методами могут выработать оптимальную модель для выхода общества из кризиса.

В рамках социокультурного анализа постмодернизма так же небезынтересно положение о символизации реальности современного общества по аналогии с театром. Социуму в данном аспекте характерны развлечения и маскарады. Такие социально-политические институты, как семья, религия, правительство, политическая партия, выборы предстают в качестве выдуманного конструкта, присутствующие, но функционирующие лишь формально. Общеизвестно, что театр представляет собой художественное олицетворение жизни общества. Выступая в качестве посредника между социальной реальностью и культурным вымыслом, именно в театре наиболее показательно демонстрируется связь между означающим и означаемым, а также единство духовного и телесного. Следовательно, театр – то социально-культурное метафорическое поле, где всесторонне показывают очевидные жизненные вещи и все стороны общественных процессов.

Подобный ход рассуждений характерен зачинателю теории перформативного поведения С. Мелроузу [89], а также французскому мыслителю Ги Дебору. Так, и Мелроуз, и Дебор отождествляют игру актеров в спектаклях и поведение индивидов в обычной жизни: «Понятие спектакля объединяет и объясняет огромное множество видимых явлений. Их различия и контрасты являются мнимостями этой социально организованной видимости, которая сама должна быть признана в своей всеобщей истинности. Спектакль, рассматриваемый согласно его собственной организации, есть утверждение видимости, утверждение всякой человеческой, то есть социальной жизни как видимости» [90]. Для Дебора спектакль так же понимается как деятельность, где люди, взаимодействуя с обществом и созерцая их жизни, отчуждаются от

собственной жизни, от своих желаний, теряют истинный смысл своего существования. Согласно мыслителю, человек, живущий в обществе спектакля, отчуждается от возможности создавать себя, как личность. Категории идентификации и социализации видятся как сконструированный интеллектуальный дискурс.

Наряду с анализом социальной сферы, Дебор уделяет особое внимание политическому устройству общества. Соглашаясь с К. Марксом о том, что в современную капиталистическую эпоху у человечества наконец возникла возможность справиться с социальной несправедливостью, ключевым двигателем для Дебора станет не пролетариат, как полагал Маркс, а его антагонизм – буржуазия. В своих следующих суждениях Дебор размышляет в постмодернистском ключе, ставя под сомнение авторитет идеи марксизма: «Вся теоретическая недостаточность научной защиты пролетарской революции может быть сведена, как по содержанию, так и по форме изложения, к отождествлению пролетариата с буржуазией с точки зрения революционного захвата власти. Линейная схема упускает из виду, прежде всего, то, что буржуазия является единственным революционным классом, оставшимся непобежденным, и в то же время она – единственный класс, для которого развитие экономики стало причиной и следствием ее господства над обществом» [90, С.55]. В стиле постмодернизма Дебор выдвигает так же идею об идеологической и политической ангажированности знания и науки – их логика пронизана признаками общества спектакля, поскольку поддерживает и оправдывает функционирование подобного общества.

Радикальные постмодернистские концепции о знаковом, символическом и симулятивном характере современной реальности общества, и всех существующих политических, культурных, социальных и экономических институтов, были предложены не только Ги Дебором, но и самими родоначальниками постмодернистской мысли (даже если к постмодернистам они себя не причисляли) – Ж. Дерридой, Ж. Делёзом, Ф. Джеймисоном, Ж. Бодрийяром и др. Так, Бодрийяр в своем труде «Симулякры и симуляция» [91] использует слово «симулякр», взятого на вооружение у античных философов (от лат. *simulacrum* – подобие, копия), которые понимали под ним подобие того, чего на самом деле нет; и относилось оно к довольно низкой категории человеческого сознания, его деградации и искажению. Позже авторы приблизительно в одно время декларируют о наличии за этим понятием и другой трактовки. Симулякр – уже не просто подобие подобия, которая находится от подлинника далеко позади, а видимость и иллюзия того, что это подобие имеется на самом деле. Симулякр стал олицетворением того же спектакля, где изменение реальности намеренно становится инструментом влияния и управления.

Центральной категорией данной теории становится роль и положение «знака» как явления, умело конструирующее действительность. Базовая семиотическая основа знаков предполагает, что они довольно самодостаточны в формировании смыслов и значений. Неклассическая постмодернистская

мысль включает в эту сложившуюся интерпретацию еще одно немаловажное дополнение – знаки не только дают информацию о предмете, но создают *эффект* о подлинности данной информации, что оно якобы несет какой-то смысл (в отдельных случаях искажения даже и не скрываются) [92]. Следовательно, в контексте постмодернизма симулякр понимается, как знак, целенаправленно утративший референта, вследствие чего и были уничтожены какие-либо органичные связи с реальностью, которую он изначально должен был значить. Постмодернизм не ставит рациональную конструкцию реальности в качестве единственной модели понимания мира. Следовательно, и иррациональному, и воображаемому, и нетипичному, и формальному имеет место быть в современном обществе. Вопросы истинности или ложности информации, которую предоставляют государства, СМИ, иные негосударственные организации, с точки зрения Бодрийяра не существенны – приоритетным как для государства, так и самого социума становится лишь аспекты восприятия и «гиперреальность» (т.е. исчезновение реальности) [91, С.34].

В контексте постмодернизма особое место занимает малоизвестная на постсоветском пространстве социальная теория компенсации, которая делает попытку выявления роста компенсаторных реакций на стремительные масштабные трансформации, на усиление сомнений в отношении модернизации, а также по части активизации иррациональных тенденций и, прежде всего, в политической сфере постсоветского пространства. Так, в конце XX – начале XXI вв. всплеск иррационализма в современных обществах, особенно в странах полупериферии и периферии, объясняется глубоко укорененными проблемами формирования новой реальности, связанных с реализацией проекта «догоняющей» модернизации [93], [94], [95].

Постмодернизм постулирует об усиливающихся трендах, в основе которых лежит недоверие к определенным основополагающим принципам, нормам, ценностям, требовавших некогда строгого соблюдения, но в нынешнюю эпоху, не рассматривающихся как безусловность. К примеру, проявление интереса у массы к оккультизму объясняется попыткой обыгрывания историй о ведовстве, демонах в литературе, кино и музыке [96]. Всплеск эзотеризма в XIX в. рассматривался как «неожиданная реакция против методов, которые принесли человечеству успех, диким возвращениям к архаичным формам верований и, среди интеллектуалов, внезапным обращением к суевериям, которые, казалось, были уже окончательно похоронены» [97].

Влияние деструктивных элементов за последнее время стало возможным не потому, что определенные группы людей, у которых и ранее прослеживалась тяга к иррационализму, и теперь они об этом открыто декларировали, а поскольку другая социальная группа, которой бы удалось оказать сопротивление иррациональным импульсам, но в силу неверия в создающееся общество разума, стали претерпевать такие кризисы: «...мы наблюдаем постоянные массовые проявления иррационализма, которые фиксируются как

во множестве сегментов жизненного мира, так и в больших структурных образованиях» [98]. Подобные размышления о своем бессилии и сомнениях стали паразитировать умы тех групп, которые играли роли ведущих акторов, тех, кто как минимум задавал тон и направление обществу.

Во второй половине XX в. немецкими учеными в лице Г. Люббе [99], И. Риттера, О. Маркварда [100] была предложена теория компенсации, которая сводится к базовому описанию современного общественно-исторического процесса.

Как известно, модернизация предполагает гомогенное прогрессирующее развитие неоднородных обществ с расширением пространства рациональности в самых различных ее формах – финансовая, научная рациональность, секуляризация и т.д. Теория компенсации призвана учитывать и объяснять эффекты этих процессов, реакции обществ на сложность и динамичность изменений в современном мире, которые, в конечном счете, порождают неопределенность последующей ориентации. Важно отметить, что теория модернизации не описывает глубже эти феномены. Эффекты, которые проявляют общества в подобном состоянии, могут быть самыми разными: активизация на поиски себя, своего происхождения, актуализация социально-гуманитарных знаний (история, психология, философия и др.). Иными словами, современный человек, компенсируя сложности, связанные с усилением рационализма, может обращаться к культурно-гуманитарному, историческому знанию, поддерживать традиционные ценности: «Прогрессистская направленность на преодоление традиции приводит не к отказу от памяти, а к формированию исторического сознания, историзации всех сфер культуры, появлению и бурному распространению музеев, расцвету исторических гуманитарных наук, включая историзацию философии, и т.д.» [101]. В русле постмодернизма и постколониализма, в компенсаторной теории делается акцент на том, что с одновременным развитием и совершенствованием науки, инновационных технологий, информационных коммуникаций, в обществе прослеживается возрождение к архаичным, традиционным практикам, которые успешно адаптируются под современные реалии, несколько меняя свои формы и содержание. С идеализацией прошлого в современных модернизирующихся обществах связано и так называемое обращение к конструкту[1] «традиционные ценности».

Следует подчеркнуть, что среди исследователей популярна тенденция объяснения компенсаторных феноменов другими парадигмами, в частности, цивилизационной теорией. В случаях, когда возникают определенные иррациональные явления, то их начинают приписывать на особое цивилизационное развитие, специфичную ментальность, евразийскую идентичность и т.п. Подобная практика, по мнению автору опасна, поскольку

[1] Употребление термина «конструкт» основывается на том, что является весьма сомнительным существование определенного неизменного комплекса «традиционных ценностей». Можно говорить о каких-то моделях поведения, но не о «ценностях». В качестве «ценностей» эти модели начинают восприниматься ретроспективно, сквозь призму тех сокрушительных изменений, которые несет в себе модерн, и с точки зрения тех преобразований в сознании, которые являются порождением культурной динамики модерна

из теоретической концепции она может превратиться в политическое руководство к действию – закрыться в своем культурном пространстве и выбрать путь изоляционизма. Обозначенные тенденции так же неизбежно возникали в процессах реформирования практически всех современных обществ, включая и наиболее развитые страны Европы.

Под влиянием постмодернизма актуальными стали споры вокруг проблемы идентичности и того, что подразумевается под этим понятием в контексте нынешних условий как в западных, так и незападных обществах. Поскольку постмодернизм утверждает, что ни один источник или совокупность знаний не могут легитимировать себя в качестве универсальной истины, он так же критически относится к теоретизированию общества сквозь призму однородных идентичностей, которые вследствие своей властно-тотальной природы могут трансформироваться в «великие» идентичности.

Социально-политические категории идентичности определенно исходят из самоидентификации личности. В случае кризиса и постоянной ее трансформации, идентичность тех или иных социальных групп, а то и всего общества становится открытой и начинает подвергаться сомнению и оспариванию, потому как конечный референт (рациональное, наука, истина, Бог, идеология и т.д.), который играл роль поддержки и легитимации, приобретает текучий и посильный характер. Постмодернистский взгляд прикован к тому выводу, что основа идентичности не может быть стабильной, поскольку состояние общества зависит от того, где это общество находится в данный исторический период времени и как оно себя позиционирует в культурном плане. Подобный тезис, по мнению Лэнтли, опасен для индивида и общества тем, что явления и вещи, актуальные для определенных исторических обстоятельств, как правило, условны и изменчивы, следовательно, общество будет иметь дело с постоянными метаморфозами правил, норм, ценностей и установок [102].

В терминах постмодернизма упадок больших нарративов влечет за собой возникновение малых нарративов, которые имеют такое же право на существование и не менее подходит логике современности, чем другие. И в данном понимании постмодернизм, несмотря на широкие возможности переосмысления действующих порядков в обществе, парадоксально, но диктует новые правила. Во-первых, следует признать вероятность непоследовательности постмодернизма в свете того, что идея о необходимости сокрушения больших нарративов в своей сути такой же метанарратив. В данной плоскости критики постмодернизма так же обращают внимание на попытки постмодернистов переосмыслить сущность идентичности в части того, что они заявляют об ее изменчивой и непостоянной природе. Следовательно, постмодернистская теория помещают сущность идентичности в жесткие рамки, характеризуя ее сугубо нестабильной. Исходя из этого, постмодернизм выполняет две противоречащие друг другу функции – освобождает от диктата той или иной социальной теории, и одновременно указывает на их

сомнительную природу и ограничивает их практическую реализацию, что еще более запутывает и создает условия для текучести категории идентичности.

Вопрос развития и сохранения национальной идентичности, являющийся связующим звеном между государством и гражданином. Существует несколько причин, которые, как и воздействие транснациональных корпораций, имеют масштабный глобальный и неисправный характер. Именно за счет принципа «воспроизводства образца» у населения складывается ощущение принадлежности, идентичности к целому, общему социально-политическому организму – народу. В зависимости от тяжести потери социально-политической памяти, народ преобразовывается в сумму индивидов, которая в своих действиях, в частности в своем политическом поведении, будет руководствоваться по большей мере конъюнктурными интересами и требованиями; индивиды становятся аполитичными, и менее ответственными за будущее развитие, им не будут характерны стратегические умозаключения. Источником власти постепенно становится население (вне зависимости от степени его активности), а институт выборов превращается из принципа волеизъявления народа в обычное голосование индивидов, которые проживают на этой территории, обладающих правами на гражданство, но стремящихся разрешения своих проблем и вопрос «здесь и сейчас».

Утрата связующего звена – национальной идентичности – приводит к нарушению общественных отношений, тормозит работу интегративной функции политической системы: «Даже неполная потеря национальной идентичности подменяется другими видами идентичности и уже с формами более низкого содержательного и качественного порядка: этническими, конфессиональными, корпоративными, клановыми, местечковыми»[103]. Для кризиса национальной идентичности характерно не только нарушение связей и интеграции между индивидами, и группами индивидов, но и кризис личности, и его сознания, главного действующего механизма представительной демократии, потому как именно интересы и требования личности представляет собой устойчивую и незаменимую основу в системе политического представительства, в системе тех стран, где функционирует представительная демократия.

Отрицательное влияние резких изменений общественно-технологического уклада на усваивании ценностей, норма зачастую усугубляется усилиями власти, интеллектуалов или отдельных групп социума «уничтожить» из исторической памяти либо реанимировать, или же воздать неоднозначной формулировке опыт предыдущих поколений, что мы можем увидеть на примере современного Азербайджана, Казахстана и Узбекистана.

Утрата ценностного фундамента национальной идентичности нарастает под воздействием типичного для постмодерна усиления информационного выброса. С возникновением условий и возможностей всячески преодолевающего национальные границы информационного обмена через инновационные технологии коммуникаций прогрессируют и процессы обмена ценностями. Известный американский ученый Дж. Най сконструировал на

данном основании концепцию «мягкой власти» («soft power»), которая направлена на признании и принятии другими субъектами конкретных ценностей стороны, претендующей на политическую власть [104]. Тем временем, Най довольно объективно определяет политическую власть, как возможность «влиять на поведение других с целью достижения результатов, которые желает получить тот, кто владеет властью» [104, С.26]. В данном процессе обнаруживается и другое проблемное обстоятельство в обеспечении политического представительства: при голосовании не только гражданин не имеет фактической возможности проявить свое политическое волеизъявление, но и чиновник, который был избран в интересах и по требованиям избирателей, не всегда принимает необходимых для них решений: добровольно или нет, обе стороны действуют во власти третьей стороны – субъекта «мягкой силы».

Таким образом, в ходе изучения основ, понятийного аппарата, истоков и характерных черт постмодерна и постмодернизма, автор исследования соглашается с выводами западных ученых и интеллектуалов по части того, что постмодернизм как интеллектуальное течение явилось логическим и неизбежным следствием и реакцией на осуществление проекта модернизации в западных и незападных обществах, начало которому было положено еще в конце XVIII в.

В результате изучения различных концепций к выявлению особенностей возникновения и развития постмодернизма указывается многогранность и множественность его толкования. В целом же его ключевым предметом анализа и оценки, как интеллектуального течения с набором принципов, установок и доводов относится к неклассической школе, и является не отдельным, а привязанным к модернизму феноменом. Другими словами, вся картина мира начиная с XVIII столетия с его институтами, нормами, нарративами, идеями, дискурсами в политической, социальной, экономической и культурной плоскости подвергается радикальному переосмыслению.

Несмотря на широкий круг задач, которые ставит перед собой постмодернизм – начиная от анализа факторов усиления на международной арене транснациональных корпораций (серьезных групп влияния, помимо государств), либо потребительского и символического общества, либо расщепление идентичности личности, гибридизации ее сознания, и заканчивая развенчанием общепринятых истин, знаний, практик – постмодернистская концепция неизменна в вопросах применения своих концепций, методов (если даже и признаются недостаточно достоверными, проверенными и научными).

Важным сравнением от предыдущих теорий, пытавшихся подвергнуть критике модернизм, объяснить причины кардинальных преобразований и кризиса в социально-политической и культурной сфере, является то, что постмодернизм не ставит перед собой цель возвести одну идею над другой, не стремится оказать влияние на выборе только одной нормы или установки, не делит общества на центр и периферию и т.д. Основная причина того, что постмодернизм не делает бескомпромиссных выводов и не дает рекомендации

по устройству мира, – это не стать самому таким же метанарративом и главным направлением конструирования политики, социума и культуры.

1.2 Осмысление концептуальных основ постмодернизма в незападных обществах

1.2.1 Особенности изучения постмодернизма за пределами Запада: модификации и контексты

В предыдущей части исследования представлен достаточно детальный обзор и разбор концептуального содержания постмодернизма, его исходных трактовок, сущности и интерпретаций в рамках междисциплинарного подхода (в большинстве своем, сквозь призму социальных знаний), и что немаловажно – были изучены постмодернистские концепты, характерные, как правило, для западных обществ. В данном же подразделе автор исследует вопросы о том: как проявляется дискурс постмодернизма в незападных обществах (в частности, какова изученность данного феномена в Азербайджане, Казахстане и Узбекистане); насколько постмодернизм специфичен в условиях национального политического, социокультурного своеобразия; каким образом различные контексты могут сыграть роль на степень нахождения незападных обществ в состоянии постмодерна; сохраняет ли постмодернизм в незападных обществах преемственность своих фундаментальных идей, и что модифицируется, если идеи и практики постмодернизма развертываются под влиянием локальных особенностей. И в данном отношении небезынтересно проявление постмодернизма в незападном, но достаточно развитом центре мирового пространства – Японии (которую относили к одной из ярких представительниц постмодерна).

Как утверждают японские исследователи М. Миёши и Х. Харутуниан, дискуссии о премодерне, модерне и антимодерне в Японии берут свое начало еще с середины XIX в. до появления критических оценок модерна [105]. Японии, как и другим незападным обществам, пришлось столкнуться с историко-хронологическими политическими условиями, что стало насущной национальной проблемой в вопросе размещения себя на международной карте прогресса. Авторы полагают, что ключ к успеху во всех отраслях развития в Японии вовсе не является результатом какого-либо очередного азиатского чуда (выражение, которое зачастую допускают в научной среде). До знакомства с Западом Япония неоднократно имела тесные связи с иными высшими цивилизациями: сначала с Кореей, затем с Китаем и Индией, а затем уже, в XVI в. – с Португалией и Испанией. Долгое пребывание в состоянии доминирующих над ней других субъектов и собственной маргинальности стало опорной точкой для того, чтобы сформировать отличную от Запада совокупность идей, терминов, дискурсов, парадигм, чтобы в дальнейшем пережить стране новые вызовы, связанные с влиянием извне.

По тому, как часто стали публиковаться работы на Западе и в самой Японии на тему постмодернизма, думается, что они оставляли неизгладимые впечатления друг на друга – японская реальность на западных ученых, западные тексты на ответные исследования их японских коллег. Так, К. Леви-Стросс (ученый, во многом повлиявший на взгляды Ж. Дерриды и М. Фуко) в своем выступлении в Париже (1979 г.) отмечает об абсолютном перевороте Японии в ее скорой модернизации с одновременной консервацией самобытной культуры [106]. Несколько позже (1986 г.) Леви-Стросс совместно с японскими коллегами публикует исследование на тему «Признание культурного разнообразия: чему нас учит японская цивилизация» [107].

Ж. Деррида в работе «Письмо к японскому другу» [108], как и в «О граммотологии» излагает сущность деконструкции и возможного перевода, и применения данного термина в условиях тех или иных особенностей различных культур и обществ. Практически все труды Дерриды были переведены на японский язык.

Не менее известный словенский автор С. Жижек и его мысли так же становятся излюбленным объектом изучения японского научного сообщества. Известно, что его такие труды, как «Критика конфуцианского “ли”: премодерн и постмодерн» (1985 г.), а также «Революция и повторение» (2008 г.) переведены на японский [109]. Тем временем Жижек подмечает: «Что интересует меня в Японии, это что она является хорошим аргументом против вульгарного, псевдомарксистского эволюционного представления о том, что вы должны пройти через некоторые стадии эволюции. Япония доказывает, что вы можете избрать короткий прямой путь. Вы сохраняете некоторые элементы старой иерархической суперструктуры и легко соединяете их с наиболее эффективной версией капитализма, которая претендует быть таковой» [110].

Касательно того, какие изменения претерпевают классические постмодернистские концепции Запада в японском обществе, то одним из примечательных примеров является видоизменение основной идеи Лиотара о сопротивлении метанарративам. Так, видный японский теоретик постмодернизма К. Каратани размышляет следующим образом: «У японского постмодерна отличный от западного характер. Хотя в основе его лежит тот же радикальный процесс, что и на Западе, японский постмодерн не включает “сопротивления”, столь свойственного западному миру» [111].

Важно заметить, что японские исследователи (в сравнении с западными) называют наиболее проблематичным из всех отсутствий в постмодернизме – связь с политикой. По их мнению, постмодернизм понимает, что отсутствие политики является политическим ходом, поскольку она (главным образом, государство) опасается быть отчужденным и уже ненужным, как один из главных метанарративов: «Черная дыра, образовавшаяся в результате неприятия модернизма, также способна стереть следы исторического западного экспансионизма, который, по крайней мере, сыграл если и не инструментальную, то важную роль в создании эпистемологического гегемонизма. Таким образом, возникает парадокс: стремясь исправить

модернистскую ошибку западного, маскулинного буржуазного господства, постмодернизм одновременно освобождает почву, на которой только и можно ясно различить контуры модернизма. Более того, колониализм и империализм – это продолжающиеся явления, и, проводя различие между поздним постиндустриальным капитализмом и ранним либеральным капитализмом и терпимо относясь к первому и осуждая второй, постмодернизм в конечном итоге соглашается с первым мировым экономическим господством, которое продолжает эксплуатировать обездоленных в мире» [105, P.12].

Всплеск интереса к постмодернизму в последние десятилетия возникает не только в развитых во всех отношениях как Япония незападных центрах, но и странах третьего мира, к примеру, в Латинской Америке. Так, латиноамериканский политолог и социолог Р. Манк заявляет, что среди научного сообщества сложилось понимание того, что «Латинская Америка является частью широкого процесса глобализации и что мы живем во времена постмодерна, даже если оно определяется по-разному. Растущая здесь неоднородность и социальная фрагментация не поддаются социальному и политическому анализу» [112].

Страны Латинской Америки, как и современное казахстанское общество, находятся на разных уровнях социально-экономического и политического развития, что в значительной степени обусловлено культурной гибридностью. Это явление отражает заметно рассредоточенный и неоднородный характер формирования идентичности в регионе. В латиноамериканском интеллектуальном дискурсе ключевые термины и концепции, используемые для описания этой сложной реальности, вращаются вокруг тем гибридности, плюрализма и динамичного взаимодействия различных культурных и социальных структур, это такие понятия, как: «“no lo indeterminado” (“неопределенное”), “la problematización del centro” (“проблематизация центра”), “la discontinuidad” (“прерывистость”), “la simulación” (“симуляция”) и “precariedad” (“ненадежность” или “временность”)» [113].

Латиноамериканские авторы продолжают мыслить в духе японской самобытности о том, что необходимо отличать постмодернистские взгляды в исследованиях, которые публиковались местными учеными, от западных: «Постмодернизм в Латинской Америке не означает простого исчерпания модернистского проекта. Это скорее ответ на двусмысленность и порочные последствия модернизации в Латинской Америке. То, что многие наблюдатели считают постмодерном в Латинской Америке, – это не вход в спокойное море постмодернистского, постдефицитного, постполитического существования, а вызов самодовольному самопониманию современности. Критика современности по мере развития может приобретать постмодернистский оттенок, но это также отражается на росте неформальной экономики и наркоторговли» [114].

Вместе с тем, Дж. Брунер отмечает: «Будущее Латинской Америки не будет сильно отличаться от ее настоящего: это периферийная современность, подверженная конфликтам, исход которых частично, но только частично,

зависит от того, что сами общества смогут сделать из процесса саморазвития через их сложную, меняющуюся неоднородность» [115].

Российская коннотация постмодернизма так же имеет свои особенности. В сравнении с другими странами СНГ в России опубликовано немало текстов по постмодернизму, и они во многом носят критический характер [116]. На достаточно серьезные трансформации культурной политики в современную эпоху пишет М. Эпштейн: «Вот и постмодернизм – философия неистощимого многообразия стилей и культур – стал служить оправданию любой лжи и бреда. Конечно, никто из западных постмодернистов не предполагал, что эта теория окажется таким мощным пропагандистским оружием» [63, С.201]. Автор продолжает свою мысль по поводу изначальной цели постмодернизма и того, что он пытался предложить нашему миру: «На самом деле постмодерн стремился к совершенно другому: он хотел создания такого общества, где к каждому субъекту, к каждой этнической или культурной группе применялась бы их собственная мера, где не было бы всеохватывающих и всеобязательных нарративов, где признавалась бы кардинальная разница между интеллектами, стилями, эпохами, где царил бы плюрализм, разнообразие живого» [63, С.224]. В предложенном направлении и понимании постмодернизма пишутся многие работы российских исследователей.

С критикой по данной проблематике выступает российский философ А.В. Павлов в своем труде «Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время» [117] (2021 г.), направляя ее в отношении российских исследователей за их узкое понимание постмодерна и постмодернизма: «В российской гуманитарной науке – и уж тем более в публичном пространстве – до сих пор доминируют конкретные представления о постмодерне, которые имеют мало общего с реальным положением дел» [118, С.11]. Он подмечает, что в России зачастую постмодернизм понимается с точки зрения западной (в особенности – французской) философии XX в., а его рассмотрение в контексте социальных теорий и глоколизации остается безуспешным. Здесь особо примечательна довольно известная работа-путеводитель по постмодерну Д. Хаустова «Лекции по философии постмодерна», в которой автор заявляет, что постмодернизм никак не относится к незападным обществам – его философия может объять исключительно страны Запада [118].

Обзор отечественных источников дает условное право предполагать, что казахстанский дискурс о постмодернизме является преемницей концепций, которые закладывались на Западе. В сравнении с российским представлением о постмодернизме, в Казахстане сложилось более упрощенное понимание о данном феномене, поскольку научное изучение постмодернизма в стране находится еще не на должном уровне (если за основу брать количество ученых, и их текстов, исследовавших эту проблематику).

Одним из немногих (пожалуй, даже единственный), кто основательно занимался интерпретацией постмодерна и постмодернизма в концептуальном плане, был философ Б.Г. Нуржанов, который охарактеризовал постмодернизм

«симулятивной культурой, где нет на свете более искусственного и притворяющегося, чем феномен информационного города и процессов, происходящих в нем» [119]. Перу Б.Г. Нуржанова принадлежат такие научные статьи, затрагивающие различные сферы влияния постмодернизма, как: «Эстетика возвышенного как как условие постмодерна (Кант и Лиотар)» (2004 г.), «Странная вселенная Жана Бодриара» (2007 г.), «Постмодерн и философия» (2008 г.), «Модернистское искусство и постмодернистская эстетика» (2010 г.), «Философия, литературная критика и постмодернизм» (2011 г.), «Культурная логика Фредрика Джеймисона» (2011 г.), «Культурные условия постмодерна» (2012 г.), «Постмодернистская религия» (2012 г.) и др. Сделаем краткий обзор его мыслей в отношении постмодернизма.

Б. Нуржанов, наряду с анализом трудов западных исследователей, большое внимание в своем творчестве уделял вопросу о тесной взаимосвязи постмодернизма с информационными и урбанистическими идеями (основные тезисы изложены в статьях «Постмодернизм и “сетевое общество” Кастеллса» (2012 г.) и «Постмодернизм и новые медиа: компьютер и интернет» (2012 г.)). Так, Нуржанов пишет, что в конце XX в. в научных журналах и публицистике широкую популярность обретает концепция «сетевого общества» испанского социолога Мануэля Кастельса, как поздняя форма теоретических разработок по проблеме информационного общества. Данная концепция весьма своеобразна в той части, когда соединяет в себе теории сетевого, информационного и урбанистического развития социума. Отметим предварительно, что для теории постмодернизма процессы урбанизма выступают в качестве одной из основополагающих теорий. Здесь не раскрываются особенности архитектурных построений в эпоху постмодернизма (еще раз подчеркнем, что именно в теории архитектуры появились первые зачатки определения постмодернизма); речь идет о более масштабных социальных процессах, происходящих в современных больших городах с точки зрения постмодернизма. Б. Нуржанов подчеркивает, что урбанизм выступает в качестве объекта постмодернизма на трех уровнях: «как наиболее объективное и “чистое” пространственное поле; как социально-политический институт, через которого проходят импульсы власти; и как пространство всеобщего потребительского отношения» [120].

В своих текстах Нуржанов соглашается с Кастельсом в том понимании, что феномен постмодернизма причисляется к дефектам современного общества, приносящий лишь деструктивные последствия, а «между “постмодернистским” и “сетевым” не существует особой разницы» [120, С.316]. Отмечается, что в сравнении с предшествующим буржуазно-капиталистическим способом производства, в современном мире стало единственно важным производство и генерирование информации, а также неспособность толпы к производству собственных идей. Центральным измерителем общественно-политических процессов становится информация и то, как с ней обращаются.

Нуржанов соглашается с Кастельсом в том, что кризис, с которым столкнулся капитализм в начале 70-х гг. XX в., был преодолен с помощью

реструктуризации и информатизации производительных сил: несмотря на то, что на первый взгляд производство и информация не связаны друг с другом и не находятся на одной линии развития, однако именно информатизация стала тем «золотым ключом», который оказался спасением и «новым дыханием» для капитализма [121].

Однако, как замечает Б.Г. Нуржанов, методология, касающаяся постмодернизма, более тщательно прорабатывается Кастельсом при наблюдении за информационным городом, особенностями урбанизации. Как отмечает исследователь, именно благодаря им произошли совершенно новые качественные и глубокие структурные преобразования в жизни города, что стало основанием для некоторых ученых ставить знак равенства между постмодерновым городом и информационным городом. В первую очередь, эти изменения коснулись структуры самого общества – в нем появились новые социальные группы «yuppies», которые представляют наиболее прогрессирующих в плане новых технологий горожан среднего класса и, прежде всего, информационных управленцев.

Согласно объективному замечанию Нуржанова, эта часть горожан не представляет собой большинство, однако не связанные напрямую с политической властью, они имеют колоссальную возможность создавать то или иное общественное мнение. Их режим, условия жизни, мировоззренческие установки, их запросы, предпочтения и вкусы воздействуют и формируют характер развития и направление города [120, С.318]. В сравнении с городами с традиционным укладом жизни, где горожане локализованы строго в собственной среде обитания, «yuppies» предпочитают условия жизни новых информационных продюсеров-космополитов. Их производственная, а также досуговая деятельность связана с бесперебойной работой с информационной коммуникационной сетью, поскольку их реальный доход зависит от связи с миром.

Б. Нуржанов так же признает мнение Кастельса в отношении того, что в эпоху постмодерна становится отчетливым стирание между типологиями культур и образования – элитарной и массовой. Глобальный информационный город подрывает всякую связь между ранее прочно установленными стандартами связи между статусом, профессией и университетским образованием. Если раньше в течение длительного времени существовала презумпция на то, что это считалось обязательным требованием для причисления к элитной части культуры, то сегодня, эти принципы полностью отвергаются релятивистски настроенными индивидами – признается лишь относительность всех знаний и свобода в выборе своего образа и стиля жизни. «Сознательно или неосознанно смешиваются воедино разнообразные стили, идеи, мысли, вкусы – начиная от одновременного прослушивания рока и оперы, чтения философии, психологии и популистских книг, фанатизма от разных видов спорта и заканчивая посещением музеев и библиотек» [120, С.318].

В своей статье «Фредерик Джеймисон. Постмодернизм или культурная логика позднего капитализма» Б.Г. Нуржанов задается вопросом «А не

допускается ли мнение, что происходящие изменения – это очередная фаза циклического исторического процесса, как периодическая смена моды и стиля, которые возвращаются в обиход через некоторое время или же мы имеем право заявлять о наступлении фундаментальных и совершенно новых изменениях, с чем еще человечество не сталкивалось?» [21, С.576]. Все продолжающие за последние годы предчувствия о будущем, о приходе спасения или катастрофы, подрываются и замещаются другими мыслями, идеями о завершении, конце чего-то феноменального, что в течение длительного времени сыграло невообразимо огромную роль в судьбах людей и целых государств – это конец нарративов, метанарративов, а их место все стремительней, всецело занимают релятивизм и его пространные последствия.

В данном контексте Нуржанов отмечает, что собственно научной гипотезой о возможности периодизации постмодернизма делится американский литературный критик Фредерик Джеймисон, в свою очередь, указывая на проблематичность выяснения этого вопроса. Исследователь имеет ввиду, что между так называемыми «постмодернистами» существуют непререкаемые дискуссии по поводу толкования термина «постмодернизм» и чем он является – новым историческим этапом в периодизации культурного развития западных обществ или не более чем ситуативной модификацией, с которой время от времени сталкивается культура. «По поводу постмодернистского бунта против всего этого следует также подчеркнуть, что его собственные отвратительные черты – начиная с непонятности и сексуально эксплицитных тем, и кончая физиологической грязью и откровенным выражением социального и политического пренебрежения, который превосходит все, что можно было бы вообразить в период высокого модернизма – ни у кого более не вызывают чувства скандала, и не только принимаются крайне благожелательно, но сами становятся институализированными, т.е. частью официальной или публичной культуры западного общества» [21, С.585].

Другими казахстанскими исследователями, работающие с феноменом постмодернизма являются З.Н. Исмагамбетова и А.Г. Карабаева. Так, З.Н. Исмагамбетова в статье «Явления постмодернизма в культуре Казахстана и его влияние на культурно-религиозную ситуацию» [122] не просто ставят гипотезу в отношении возможного влияния постмодернистских идей, но ставят в качестве утверждения присутствие постмодернизма в обществе и культуре Казахстана, а также выявляют условия и факторы проникновения в казахстанскую социокультурную реальность. По их мнению, «современное казахстанское общество и культура переживают на глазах современников ряд радикальных изменений и трансформаций, которым ученые дают общее название – постмодернистская культура. Эти трансформации затронули многие аспекты, прежде всего, изменив на глазах ценностные ориентации, систему ценностей, формы и модели поведения и общения» [122, С.14]. В своей работе авторы акцентируют внимание на два направления, которые видоизменились под влиянием постмодернизма: а) появление нового урбанизированного облика таких городов, как Астана, Алматы и Шымкент; б) возрождение религии в

Казахстане, зачастую ее имитационной формы, а также возникновение новых видов религиозности (с точки зрения классической религии, иррациональных практик) – культов, сект, эзотерики, оккультизма и т.д.

З.Н. Исмагамбетова уже в соавторстве с А.Г. Карабаевой в статье «Эпистемологические функции современной философии» [123] в философском ключе актуализируют очевидную потребность изучения современной научной, социокультурной среды казахстанского общества не только с точки зрения классических знаний, но и сквозь призму постнеклассических концепций, в том числе и постмодернизма: «Правомерно говорить об артикулированном контексте специальных проблем социальной эпистемологии и культуры эпистемологического суждения в современной философии, а также в различных направлениях социологии: современной социальной философии, философии культуры, философии постмодернизма и т.д.» [123, С.59].

Касательно дискурса постмодернизма в трудах азербайджанских и узбекских исследователей, то их количество так же незначительно, и носит во многом характер толкования постмодернизма в рамках искусства и литературы. Надо признаться, что в открытом доступе обнаружено скудное число работ узбекских авторов, которые бы исследовали постмодернизм сквозь призму социальных знаний.

Д.Б. Умарова просматривает тенденции изменения общественных процессов в стране с определенным влиянием постмодернистских элементов. Они связывают появление нового интеллектуального, культурного (в особенности, в искусстве) течения с «огромным влиянием коммуникации между Западом и Востоком на протяжении XX века, что способствовало адаптации постмодернизма к условиям узбекского общества» [124]. Адаптация постмодернизма в условиях традиционного общества рассматривается, прежде всего, в контексте усиления вопроса о национальной идентичности, своеобразии и самоутверждении нации. Та же самобытная культура народов, проживавших в советский период, была маргинализирована и в сравнении с коммунистической идеологией отодвинута на второй план. Постмодернизм вкупе с постколониальными исследованиями заново возрождает местное наследие, традиции, установки, идеи, символы, пытаясь выйти из субъектно-объектной бинарности. Важно, что узбекский автор отмечает, что направление постмодернизма стало возникать в обществе не после модернизма, т.е. постмодерн ими так же понимается не как историческая эпоха, которая должна следовать за модерном, а как состояние или интеллектуальное течение.

Своими взглядами о смене дискурса в общественном сознании, связанных с отходом от унифицирующих стандартов модерна, и приходом постсовременности (постмодернизма) делится в своих трудах азербайджанский ученый Р.О. Рзаева (одна из немногих, кто занимается категорией постмодернизма в Азербайджане). В работах «“Alternative” Modernisms in the Discourse on Postmodern» [125], «Multiculturalism as Plural Modernities» [126], «Незападная современность в дискурсе постмодерна и культурной полифонии» [127], «Постмодерн и мультикультурализм: междисциплинарный дискурс»

[128], «Постмодерн и анализ концептов развития турецкого общественного сознания» [129], The Challenges of Contemporaneity: Postmodenity and Multiculturalism» [130] Рзаева определяет «постмодерн» как современное культурное состояние, а «постмодернизм» – состоянием осознающей его ментальности [128, С.3]. Рассматривая в своих работах степень проявления постмодернизма (как правило, отождествляя его с теорией и практикой мультикультурализма), Рзаева делает акцент на его жизнеспособность и актуальность в незападных обществах, в частности в Азербайджане и Турции, имеющих, по ее мнению, специфический опыт модернизации как светских мусульманских государств (поскольку для постмодерна характерны рост религиозности и/или неосекуляризм как результат так называемого «религиозного возрождения»).

В работах Р. Рзаевой отражены теоретико-прикладные аспекты проявления постмодернизма в сознании азербайджанского населения. Одним из основополагающих положений автора является тезис об естественности происходящих социально-политических колебаний, связанных с, на первый взгляд кажущимися, спорадическими, нестабильными и беспорядочными процессами. Так, по логике постмодернистов, многообразие вариантов и возможностей, двузначность общественно-политических процессов следует рассматривать не с точки зрения неопределенности и хаоса, а как подготовка определенной системы своего завершения и подступа к «вариативному будущему». «Если модернизм предполагал выбор – “либо то, либо это”, то постмодернизм выражается в мотто “все подходит”» [131]. Подобный характер системы для постмодернистов является важным показателем и условием ее жизнеспособности.

1.2.2 Специфика восприятия постмодернизма в социогуманитарном дискурсе постсоветского пространства (на основе результатов экспертных интервью)

В целом, явление постмодернизма было достаточно разобрано и изучено западным академическим сообществом, в научно-интеллектуальном пространстве же незападных обществ, в частности постсоветских стран интерпретация данного феномена носит проблемный и неоднозначный характер в рамках его исследования на лоне социально-гуманитарного знания. Такие вопросы, как: «Что, по Вашему мнению, представляет собой “постмодернизм”? Как оно себя проявляет и актуален ли сегодня в наших обществах?» выявили разнообразные, в некоторых случаях и противоречивые, конфликтные друг другу, ответы экспертов. Рассмотрим особенности проявления дискурса постмодернизма в страновом срезе.

Узбекистан. Согласно результатам опроса экспертов из Узбекистана, «постмодерн» и «постмодернизм» представляют собой размытые понятия, которые прочно укоренились в публицистическом обиходе. Эксперты связывают это с тем, что постмодернизм исходит из анализа системы знаков

или символов, специфичные как по критериям времени, так и географического пространства. Согласно мнению эксперта №1, в этом состоит общественный транзит от модерна к постмодерну, что оборачивается изменением социальной среды: *«Это накладывается на проблему постсоветских стран Центральной Азии, которые фактически шагнули из феодализма в социализм, а оттуда в капитализм».*

Как отмечает эксперт №1, *«все больше населению Узбекистана становится характерно мыслить в категориях постмодернизма – оно перестает мыслить системно, а борется за фрагменты и частности».* Эксперт так же подчеркивает о распространении таких тенденций, когда системный научный взгляд подменяется новыми дискурсами вокруг общественного развития. На передний план выходит множество автономных дискурсов. В связи с этим, ради самого дискурса начинают подвергать культурологической критике социально-философские теории, ранее доминировавшие в науке. Эксперт проявил отрицательное отношение к феномену постмодернизма – будучи преподавателем философии, привыкший к истмату, диамату и в целом к линейной классической философии, сложно воспринять преходящую и противоречивую концепцию: *«Основной тезис постмодернистов – разум и технологические инновации не могут гарантировать прогресс, просвещение и всеобщее освобождение. Мол, прочь все прежние теории, их не надо аргументировано опровергать и доказывать правоту новых доктрин, якобы, просто надо освободиться от универсальных принципов, теорий и поиска одной недостижимой истины, призывая не признавать реальность различий и разнородности».*

По мнению эксперта №1, постмодернизм в силу своей относительности «очень удобен» для людей, которые предпочитают спекуляции через отказ от центральных и сущностных категорий классической философии – объективной реальности, целостности, детерминизма, идеологии, общественности, политики, государства, нации, семьи и т.д.: *«И все это постмодерн объясняет просто, мол, необходимо отрицание старого, отжившего, уходящего в прошлое. Новая философская революция, разрушай до основания. То есть, постмодерн – это и отказ от существующей модели мира, образа личности, прежней стратегии жизни, уход в «ризоматическое» понимание (нет ни начала, ни конца, ни центра, ни центрирующего принципа, ни единого кода – очень удобно), погружение в «номадическое» существование, характеризующееся неопределенностью и непредопределенностью, то есть, тотальный отказ субъекта от любой формы оседлости, привязанности – а значит какая ответственность перед семьей, родными, Родиной и т.д. – вообще как удобно».*

Эксперт №2 определяет постмодернизм, как научно-методологическую школу, в основе которой лежит утверждение о первичности или решающей роли (субъективной) интерпретации в понимании исследуемого предмета: *«На мой взгляд постмодернизм отрицает рациональный, позитивистский подход к исследованию. Видимо, парадоксальным образом, постмодернизм отражает*

то течение науки, которое признает слабость науки, образно говоря. Этот подход не требует верификации фактов и утверждений, что является "сильной стороной" постмодернистов». Как заключает эксперт №2, постмодернизм представляет собой попытку отказа или переосмысления философии рационального или рационального приоритета рационального, который был характерен для европейского интеллектуального сообщества начиная со времен Декарта или Бэкона в XV в.: *«Прошло 400 с лишним лет господства рационалистического подхода, отказ же от него начался еще в середине XIX в. Постепенно, когда появились работы Ницше, Кьеркегора, Шопенгауэра, которые говорили о том, что рациональное не всегда объясняет происходящие в этом мире процессы и то, что иррациональное ощущение экзистенции в постижении мира играет не меньшую роль, чем рациональное».* Как видно из вышесказанных двух заключений, постмодернизм экспертами рассматривается с точки зрения философии и появление его связано, прежде всего, с критикой рационалистического подхода объяснения мироустройства.

Эксперт №3 из Узбекистана делится своим мнением по поводу роли постмодернистского подхода в его научной области: *«Лично для меня, как исследователя, очень важно то, что в рамках постмодернистского понимания происходит отказ от таких жестких делений, как развитое или отсталое общество, правильность или неправильность. Т.е. развитие и усиление постмодернизма позволяет говорить о том, что, например, некоторые институты традиционного общества вполне могут быть жизнеспособными в современном обществе – постмодернисты не навешивают на традиционность такие положения, как "архаичность", "отсталость", они отказываются от подобного рассмотрения явлений и отношений. Для них нет отсталых и нет передовых – для постмодернистов все равны, и это мне очень нравится в постмодерне, и близко, как исследователю, который изучает с 1995 г. проблемы модернизации. В этом я вижу актуальность постмодернистского чтения. Нельзя говорить о чем-то, что оно будто отсталое или неправильное – на самом деле все имеет право на существование и только жизненная практика, бытие определяет насколько жизнеспособен тот или иной институт».*

Как известно, постмодернизм имеет множество аспектов, которые вызывают серьезные вопросы к нему и даже отторжение. Одним из сложных и больших вопросов к постмодернизму является вопрос о том, что в нем крайне силен принцип отказа от понятия «абсолютная истина». Постмодернисты заявляют об относительности истины, что она может быть лишь познаваема. Для эксперта №3 подобный принцип постмодернизма является одной из главных причин критики и неприятия концепции (в контексте его религиозной приверженности): *«Мне, как человеку верующему, трудно принять отказ постмодернизма от религиозности в любом ее формате».* Как видно, отсюда вытекает моральный релятивизм (относительность) постмодернизма, т.е. он не постулирует о понятиях «абсолютное добро», «абсолютное зло», для него относительно все, морально в частности – в данном случае мораль

отождествляется с гедонистским пониманием, когда *«хорошо – то, что хорошо для каждого конкретного человека, если он считает для себя это правильным и приемлемым, остальные так же должны это принимать».*

Эксперт №3 так же допускает вероятность, что люди, будучи не знакомые с явлением постмодернизма, или же зная, но не причисляющие себя к их ряду, применяют на деле те конструкции, с которым работает постмодернизм: *«Есть много людей, которые отказываются называть себя постмодернистами, однако на деле пользуются его нарративами и текстами – они отбрасывают те жесткие парадигмы, в рамках которых развивалась философия модерна, рационализма – они говорят о том, что все в этом мире имеет право на существование, все форматы общественной жизни нельзя уничтожать, если они функционируют эффективно в тех или иных обществах. К примеру, традиционное общество будет в определенном обществе более живучим, чем индустриальное или постиндустриальное развитие общества».*

Эксперт №4 полагает, что *«постмодернизм является формой более широкого, общего и многообразного дискурса состояния, проблем и развития нынешнего человечества».*

Азербайджан.

Согласно мнению эксперта №1 из Азербайджана, в целом постмодернизм и его значение может интерпретироваться в разных понятиях – в зависимости с какой точки зрения к ней подходить: *«Если рассмотреть постмодернизм, как социально-экономическое значение или феномен, то оно обозначает один из периодов развития человечества с момента его начала жизни на Земле. В данном смысле период его становления можно разделить на три основные группы – это традиционное общество, модернистское обществе и постмодернизм. Сам постмодернизм – это сравнительно новое явление, и если брать с точки зрения социально-экономического развития, то это напрямую связано с развитием экономики, а в данном случае новых технологий и перехода на информационное общество».*

Эксперт №2 так же затрагивает вопрос навешивания определенных ярлыков на феномены, институты сквозь призму рациональной линейно-прогрессистской теории, когда *развитие происходит снизу-вверх, а отсталым считается то, что было раньше, и это должно быть преодолено.* Данное положение философии модерна, как полагает эксперт, отбрасывается сегодня теорией постмодернизма.

Эксперт №3 указывает, что *«постмодернизм не является историческим феноменом, точнее, его интерпретировать так, по моему мнению, неверно, поскольку постмодернизм, как и полагают другие теоретики, – это, прежде всего, состояние».*

Согласно мнению азербайджанского эксперта №4, постмодернизм в наиболее обобщенном или упрощенном смысле, прежде всего, связано с областью культуры: *«это – направление культуры общества, находящегося на ступени перехода от фазы финансового капитализма к фазе акционерного капитализма и далее к фазе информационного общества, то есть общества,*

развившегося до степени индивидуальной свободы в реализации своей индивидуальной судьбы через многочисленные и конкурирующие друг с другом политические, социально-экономические и другие институты и организации. Постмодернизм – это в данном случае господствующее направление культуры такого постиндустриального общества, такого "открытого общества", которое ставит развитие общественного благосостояния выше индивидуального, развитие общественного интереса выше индивидуального не в силу ограничений, накладываемых государством, а в силу добровольного и сознательного принятия этих норм поведения и деятельности».

Казахстан.

Казахстанский эксперт №1 указывает, что понятие «постмодернизм», как правило, не используется или мало кем используется в повседневной практике: *«Однако многие принципы постмодернизма, так или иначе, встроены в нашу жизнь, в частности если говорить о вузовском компоненте, встроены в изучении очень многих предметов».* Казахстанский эксперт, как и его узбекские коллеги, рассматривает постмодернизм не как отдельное направление: *«Лучше всего говорить о постмодернистском мышлении, которая включает в себя всю критичность (критическому мышлению мы, как раз-таки обязаны постмодернизму)».* Как полагает эксперт, постмодернистское мышление включает в себя плюрализм, отвержение определенных универсальных форм, отсутствие центра, на которого можно ориентироваться, исчезновение кумиров, отказ от прогресса в социальной жизни, отрицание возможности проведения мира в систему (согласно теории постмодернизма, мир как таковой систематизации не поддается). *«Постмодернизм предполагает философствование без субъекта, он перестает быть центром познания, что для классической философии является нонсенсом. В рамках постмодернизма вырисовывается особый взгляд на культуру, общественные отношения, т.е. это весьма интересное направление, и мы чаще всего связываем его, прежде всего, с развитием критического мышления»* – подытоживает эксперт №1 из Казахстана.

Для отечественного эксперта №2 разбор феномена «постмодернизм» весьма некорректно без анализа понятия «модернизм», если затрагивать именно политический аспект развития общества: *«Если рассматривать "постмодернизм" в широком смысле слова, то он, прежде всего, будет касаться историзма – этапов общественного развития на Западе, которые прошли эпохи модернити, индустриального и постиндустриального общества – лишь в контексте подобного исторического развития "постмодернизм" обретает некий смысл».*

Эксперт №3 отмечает, что *«сущность постмодернизма раскрывается по большей части благодаря инфинициям, по тому, чем он не является».*

Эксперт №4 связывает развитие постмодернизма исключительно с модернизмом и используя идеологему «Запад есть на Востоке, а Восток есть на Западе», приходит к мнению, что модернизационные проекты в контексте Азербайджана, Казахстана и Узбекистана – это, прежде всего, интеграция,

интегрирование западных ценностей и смыслов в незападную социальную конструкцию: «*Данный процесс сопровождается довольно серьезным конфликтов. В обществах, которые выбирают траекторию модернизации, возможно сосуществование традиционных, архаичных элементов. И это, на первый взгляд, особенно для модернистов представляет определенный конфликт. Постмодернизм предполагает, что такие конфликты существуют и это нормально. Отличие же модернизма от постмодернизма заключается в том, что модернистский проект имеет вполне конкретную задачу, а постмодернизм – это про путь, оно не имеет конкретной цели*».

Эксперт №5 указывает на то, что концепция постмодернизма говорит о сложностях процессов, проистекающих в современном социуме; о том, что линейная и для всех понятная модель развития растворяется. Следовательно, постмодернизм возникает, как реакция на ту осмысленность, которая предполагает завершенность истинности знания и, в первую очередь, это связано с кризисом теорий: *«Большие теоретические конструкты, к примеру, марксизм, та же теория модернизации являются, по сути, универсальными и всеохватывающими, и когда они не могут объяснить какие-то события и процессы с точки зрения своих постулатов, то возникают сомнения в отношении научного анализа».*

На вопрос интервью о том, как эксперты оценивают степень концептуального осмысления, научный дискурс проблемы постмодерна и постмодернизма в их стране, большинство из них сошлись во мнении, что в обозначенных постсоветских обществах степень научной разработанности проблематики не изучена должным образом:

- *«Степень осмысления постмодерна в Казахстане не достиг и минимума того, как это мы наблюдали в странах Европейского Союза, США и Канады. Проблемы постмодерна в Казахстане так и остались предметом изучения и рефлексии отдельных индивидуумов лишь в специализированных научных учреждениях («Институт философии, политологии и религиоведения» Комитета науки МОН РК, философский факультет), не выйдя за их границы в широкую общественную и далее, в социально-политическую аудиторию».*

- *«Данный вопрос интересен тем, что оценить степень распространения постмодернизма у нас очень тяжело. Для казахстанского научного сообщества распространено скептическое отношение к простым бинарным оппозициям, т.е. у нас отсутствует четкое различие между знанием и незнанием, между процессом и деградацией, господством и подчинением. Данное обстоятельство говорит о том, что в целом постмодернизм распространен, но скорее всего, как интуитивное знание или незнание. Но в академическом сообществе дискурсу постмодернизма отдают дань, но все же стараются держаться в рамках структурализма. На интуитивном уровне постмодернизм, безусловно, распространен».*

- *«Постмодернистский дискурс в социально-гуманитарном контексте сейчас обезглавлен. В данном направлении требуются заинтересованные лица, которые творят философию, науку в целом, личности, болеющие за это. Этой*

тематикой в разное время занимались в Казахстане Ж. Баймухаметов, Н. Бекетов, А. Кодар, Г. Соловьева».

- «Постмодернизм для незападных обществ не актуален с точки зрения базовой широкой проблемы. Но как научная задача она имеет место быть. Быть современником, чувствовать и выявлять проблемы своего времени – это достаточно большая роскошь, она характерна развитым обществам. Успех Кореи, Японии, Сингапура говорит о том, что ничего в принципе не потеряно, все возможно. Но для того, чтобы наше научное сообщество было сильным, нужно направлять их на изучение актуальных проблем. Изучение постмодернизма нужно, я не спорю, но, наверное, пока рано».

- «В Узбекистане постмодернистским прочтением тех или иных процессов профессионально глубоко никто не занимается. Я, по крайней мере, не знаю серьезных научных работ в этом направлении – ни отдельных авторов, никаких авторов, которые группировались бы вокруг парадигмы постмодерна. В Узбекистане этот вопрос в принципе отсутствует как явление».

- «У нас в Узбекистане этот дискурс довольно слаб, поскольку очень мало ученых и аналитиков, которые занимаются теорией и методологией».

- «В Узбекистане никак. Есть отдельные попытки. Но нашей независимой науке лишь 30 лет. Новые философские и социологические школы только зарождаются. Предыдущие все школы, объективно, вышли из школ научной диалектики, потом, с 1989 годов рванули в другую сторону – нелинейную философию. Сейчас постепенно балансируется. В университетах объясняются основы постмодернизма. Но среди молодежи не получает большой поддержки. Так как она больше увлечена вопросами религиозного самопознания. Не до постмодернизма. Ряд культурологов рассматривают различные аспекты, как мне кажется, больше в негативном аспекте. Возможно, я ошибаюсь».

- «Я не думаю, что это довольно широкий формат обсуждения – непосредственно постмодернизм, но это может проявляться на разных платформах, в том числе в общественных в виде, к примеру, дискурса традиционного общества, модернистского общества и постмодернистского общества. И в данной степени – это вероятно. С момента обретения Азербайджана независимости прошло 30 лет, то конечно новое поколение все больше тяготеет к альтернативным восприятиям мира в том числе, даже несмотря на то, что она все еще довольно маргинальная. Постмодернистские групповые форматы, безусловно, в Азербайджане имеются, и они представляют свою собственную повестку дня».

Таким образом, обзор научного дискурса постмодернизма в некоторых незападных обществах, как Япония, страны Латинской Америки, постсоветские страны, выявила, к примеру, что широкая масса японского общества, вероятно, была уже подготовлена до того, как до них дошла полемика Хабермаса и Лиотара, труды Бодрийяра, Делеза и Гваттари, поскольку она уже на собственной практике ощутила большой спектр постмодернистского влияния, а на эту тему опубликовано множество довольно значимых работ. Дискурс

латиноамериканских и постсоветских стран, показал, что несмотря на значительную отсталость от Японии, так же на разных этапах своего историко-политического развития столкнулись с последствиями ультранационализма и центризма, им хорошо знакомы разные проблемы и последствия модернизма. Многие черты постмодернизма, описанные ранее теми же западными учеными (во многом, проблема субъектности) мельком замечены в этих обществах, хотя и не обязательно в постмодернистских терминах (это так же и отметили эксперты в ходе интервью).

Рассмотренные незападные общества в большинстве своем заявляют о достаточной серьезной ошибке рассматривать несовременность незападных обществ, ссылаясь лишь на теории и идеи западного постмодернизма, поскольку эти категории по-разному обосновываются историей. К примеру, если для западных обществ на сегодня, главным вопросом в постмодернистских рамках выступает обеспечение плюрализма во всех ее основаниях, то для незападных стран – это обретение своей субъектности в отношении своих бывших колонизаторов, преодоление маргинальности в мировой истории и заявления о развитии, которое предусматривает не только заимствование западных институтов и процедур, но и сохранение своего национального кода. Подобные позиции некоторых незападных обществ вызывают обоснованные подозрения и негодования. С одной стороны, не следование линейно-стадийной траектории Запада по возможности предотвращает потерю традиционного культурного самосознания. Однако многозначность и неопределенность постмодернистских игр, которые иногда носят противоречивый характер, могут сказаться на реальность незападного мира весьма плачевно. Вся совокупность книг, учебников, фильмов и других материалов, которая пытается заново переписать историю, героизировать определенных апологетов, и не имеющая иногда под собой фактических и объективных данных, настолько утомительна в плане объекта науки, но в то же время на эмоциональном уровне значительно воздействующая на массы.

Так же выявлено, что большинство опрошенных экспертов из Азербайджана, Узбекистана и Казахстана придерживаются определения западных теоретиков, к примеру, французского философа Ж.-Ф. Лиотара, который отнес постмодернизм в качестве отдельного элемента модернизма, не расположив его «после» (как принято для некоторых вследствие приставки «пост») и «против» модернизма, а поместив в само его содержание, лишь в латентной форме. Было неоднократно отмечено, что в современном мире происходит простой отказ от строгой научной методологии научных изысканий. На их место приходит постмодернизм с новой нелинейной логикой, социальной теорией, которые базируются на множестве коннотаций, смысловых оттенков, граней, нюансов и конфликтов, подчеркивая, что постмодернизм сейчас представляет собой очень разный пласт направлений. Большинство экспертов в ходе глубинного интервью сошлись во мнении, что постмодернизм не представляет собой четко оформленного философского течения, а характеризуется как набор разных текстов, разных мыслителей, с

отсутствием собственных подходов и инструментария. Эксперты говорят о постмодернизме, как о внутренне противоречивом, во многом конфликтном интеллектуальном течении. Автор диссертации также склонен соглашаться со взглядами тех авторов, которые не столько критикуют современность, как это было свойственно западным социальным теоретикам на протяжении XX в. и как свойственно критической оценке некоторых экспертов из Азербайджана, Казахстана и Узбекистана, полученной в результате глубинного интервью, сколько пытаются проследить логику развития этой современности и пробуют прогнозировать нынешние изменения.

В Узбекистане эксперты, как правило, воспринимают постмодернизм как размытое и часто спекулятивное понятие, основанное скорее на публицистическом языке, чем на систематическом философском анализе, ассоциируя его с переходом общества от современных к постмодернистским формам мышления, характеризующимся фрагментарностью, плюрализмом и упадком рационалистических парадигм. Азербайджанские эксперты, в свою очередь, интерпретируют постмодернизм как социокультурное явление и как отражение перехода человечества к информационному обществу, подчеркивая его более широкое значение как состояния цивилизации, а не исторического этапа. Казахстанские эксперты подчеркивают неявное присутствие принципов постмодернизма – плюрализма, децентрализации смысла и критического мышления – в академической и общественной жизни, даже если сам термин используется редко. Во всех трех контекстах ученые сходятся во мнении, что научное понимание постмодернизма остается ограниченным, существующим в основном в узких интеллектуальных кругах и еще не достигшим институциональной глубины или общественного резонанса. Тем не менее, разнообразие мнений экспертов отражает как растущее осознание постмодернистских парадигм в незападных странах, так и продолжающуюся борьбу за их согласование с местными культурными, философскими и религиозными рамками.

1.3 Постмодернистская категория в политической теории

На сегодня теория политологии обогатилась множеством подходов и методологий, которые, понимают политику под разным углом, зачастую схожим, а иногда и противоречиво. Каждый из этих подходов имеет определенные базовые предпосылки и постулаты, которые характеризуют его самобытность. Вместе с классическими подходами анализ политики и власти, ее природы, политических институтов и отношений осуществляется посредством иного неклассического инструментария. Речь идет о постмодернистском интеллектуальном направлении, которое пытается описать через собственный понятийный аппарат глобальные и локальные политические трансформации. Ввиду чего, данный раздел диссертации представляет собой широкий обзор постмодернистских подходов в политической теории.

Если на тему постмодернизма в литературе, искусстве, философии посвящено достаточно исследований, то вопрос о взаимосвязи постмодернизма и социальных наук, в частности политологии, раскрывается не в полной мере [132]. Серьезному разъяснению природа социальных наук, а также используемый ими инструментарий началась подвергаться с 60-70-х гг. XX в. В то время как некоторые критики оспаривали позитивизм в социальных науках, другие критиковали интегрирующую и объективистскую парадигму института науки и научности в целом [133].

Уже с 1980-х гг. постмодернизм обратил внимание на социальные науки и с 90-х гг. – на проблему развития собственно теоретической и прикладной политологии. С. Сейдман и Д. Вагнер объясняют постмодернизм в социальных науках следующим образом: «В социальных науках постмодернизм описывает критику модернистского проекта по обоснованию и интегрированию социальных наук. В своей критике модернистской социальной науки постмодернисты переосмысливают взаимосвязь между научным знанием, властью и обществом, а также связь между наукой, критикой и нарративом» [133, P.2]. Как известно, постмодернизм в целом отличается своим неприятием эмпирических требований науки и объективности и универсальности знания. Для постмодернизма наука так же является социальной конструкцией, совокупностью знаний, которая воплощает взгляды доминирующих в постмодернистской перспективе. Наука – это еще один дискурс, дискурсивно сконструированный набор теорий и утверждений, подразумевающий, что, как и любой другой дискурс, она так же наделена властью.

Критика постмодернизма исходит из того положения, что несмотря на множество попыток исследователей объяснить природу человека, социума, государства, политической власти, политических обязательств и конфликтов, современные социальные науки, в том числе и политология, сталкиваются с проблемой, когда прежний теоретико-методологический аппарат не в полной мере способен дать ответы и применять действенные механизмы реагирования на новые запросы мирового сообщества, а объединение в тех или иных рамках предметно-объектных категорий, методологии и методов анализа социально-гуманитарных наук между собой – еще более усложняет решение проблемы: «…сложность в том, что чаще всего мультипарадигмальные теории не позволяют решать возникающие проблемы, а только усугубляют их» [134].

Постмодернистская критика не только политологии, но и других социальных наук, направлена, прежде всего, на раскрытие следующих вопросов – каким образом проводятся их научные исследования и какие методы, подходы и инструменты применяются, и универсалистские ли они по своему характеру. Согласно постмодернизму, динамическая природа человеческого поведения является тем важным пунктом, который отличает исследования в области социальных наук от исследований в сфере естественных наук. Прогнозы в социальных науках основаны на исследованиях, которые полностью не выдают точные данные, как естественные науки, поскольку измеряемые переменные не являются статичными, а инструменты и методы

изучения порой не всегда можно отождествлять с наукой. Объекты исследования социальных наук настолько динамичны, что в большинстве случаев необходимая информация обновляется либо искажается по разным причинам. Это и не позволяет провести подлинное научное исследование, способное предоставить неопровержимые эмпирические доказательства.

Существует и другая точка зрения на проблему самой политической науки, которая так же сопряжена с постмодернистской (и постколониальной) риторикой – это «теория зависимости», зародившаяся в Латинской Америке и позднее распространившаяся в странах «третьего мира». Как утверждает видный представитель «теории зависимости» аргентинский экономист Р. Пребиш, становление, консолидация и экспансия капитализма и либеральной демократии в Западной Европе и Северной Америке привели к созданию экономических и политических систем, которые как идеологически, так и практически враждебны иным политическим системам, идеологиям, идеям, теориям и теоретизированию [135]. Так, концептуальные воззрения, не соответствующие идеологиям капитализма и демократии, установленным в рамках политики крупных международных организаций, таких как ООН, МВФ, ВТО и Всемирный банк, а также транснациональных корпораций с трудом выявляются. По мнению авторов «теории зависимости», волна капитализма и либеральной демократии не только доминирует в политической теоретизации, она также угрожает развитию противоположной теоретической мысли [136]. Сторонники данной теории объясняли большинство проблем «третьего мира» пагубной интеграцией этих обществ в глобальный капитализм. Господство капитализма объясняет также, почему споры о методе или подходе к политике, а не глубокая деконструкция и всестороннее политическое мышление продолжают доминировать в теоретизировании политических вопросов.

Если делать обзор на исследования философов и социальных теоретиков, анализирующих современные тенденции, связанные с постмодернизмом, то политическое поле не рассматривается как автономная сфера. По содержанию, объему их работ видно, какой значительный труд они проделали для того, чтобы раскрыть сущность постмодернизма с точки зрения философии, культуры и экономики. Есть размышления у отдельных авторов (П. Андерсон, Ф. Джеймисон, Д. Уэст) о постмодернизме в политике. Так, в своей работе «Политическое бессознательное» Ф. Джеймисон проявлению постмодернизма в политическом обращает незначительное внимание, однако сделал несколько замечаний по поводу политических следствий возникновения новых социокультурных движений. Так, Джеймисон не скрывает своей симпатии к новообразовавшимся движениям, но и относится с опаской к тому, что они выражают «крайне серьезные и большие требования» [137]. За подобным заявлением отсутствуют развернутые и детализированные комментарии, вероятно, в связи с тем, что эти движения не рассматривались Джеймисоном в качестве социокультурных движений в строгом смысле слова.

Несмотря на серьезные проблемы, которые ставит постмодернизм, есть критические утверждения о том, что постмодернизм – не серьезен, не уместен

[138], не имеет под собой структурированной теоретической основы (вероятно, по причине того, что постмодернизм разоблачает и опровергает саму идею теории, поскольку теории – это те же метанарративы – «грандиозные повествования» [139]). Так, к примеру, постмодернизм подверг сомнению понятия прогресса и эмансипации, позитивистскую составляющую политической науки, отрицает возможность объективного исследования и заявил о сконструированной природе социально-политической реальности [140]. По мнению автора, это весомый вклад в развитие критического подхода в политической науке. И в данной плоскости одним из ключевых моментов является постмодернистская критика важного направления развития политической науки, сформировавшаяся во второй половине 30-х гг. XX в., – позитивизма. Исследователи в сфере политической науки нередко обращаются к позитивистским принципам при оформлении своих научных взглядов – для них опыт, а не философские теории и не традиционный ценностный подход, есть «основа знаний, который объективно отражает мир» [72, P.21].

Интересные утверждения мы находим у Дж. Беннета, который выделяет следующие основные черты постмодернистского подхода к политической теории: «Постмодернистский подход часто принимает форму генеалогических исследований, которые показывают, как дискурсивные практики и концептуальные схемы связаны с отношениями власти и как эти культурные формы формируют то, что воспринимается как естественное или реальное» [139, P.47].

Одной из важных фигур, оказавших значительное влияние на развитие постмодернизма в рамках вопросов о власти, властных институтах и процедурах, является французский философ Мишель Фуко (хотя он и отвергал мнение о своей принадлежности к постмодернизму). Фуко был первым, кто деконструировал идею «государства как абсолютного блага» [141]. Он описал характеристики трехуровневой системы правления, принятой в разные исторические периоды, а именно: суверенная власть, дисциплинарная власть и биополитика. Вместе они составляют «концепцию государственности». Синтез суверенной и дисциплинарной власти, характерный для модернистского общества, обеспечивает более эффективный контроль и управление. Это побудило Фуко символизировать государство как «тюрьму» [143]. В своих работах Фуко посредством использования метода «генеалогии» (термин заимствуется им у Ницше) современных институтов подверг критике нормы, убеждения и идеи повседневной жизни, делая вывод о том, что их формирование и развитие основаны на субъективности и истории, а не на внеисторических представлениях о разуме и истине. Подобной же позиции придерживается и Сейдман, который пишет, что «это историко-критический анализ, прослеживающий формирование идентичностей, “я”, социальных норм и институтов, который фокусируется на роли медицинских и гуманитарных наук в формировании дисциплинарного общества» [133, P.6].

В конце XX в. постмодернистами так же был предложен радикальный взгляд на политическую теорию, который был оформлен под названием

«политического бессознательного» [66, P.21]. Постмодернисты указали на проблему, связанную с тем, что огромный пласт теории политологии игнорирует определенные социальные группы или отодвигает их на второй план, усиливая их бесправие. Они утверждают, что любая теория исходит из определенной точки зрения, и чаще всего распространенной в западных странах была идея доминирования «белого гетеросексуального мужчины» [143]. В данном отношении существенную роль сыграли работы американского философа Джудит Батлер, которая как и Фуко придерживается этого подхода.

Генеалогический подход в большей мере не связан с выяснением происхождения того или иного явления, но он пытается раскрыть дискурсивные практики, которые привели к принятию определенных вещей как естественных и нормальных. Исследование безумия Фуко и деконструкция гендера Дж. Батлером («гендерные проблемы») являются примерами такого подхода [139, P.40]. Так, идентичности и нормы – это конструкции, которые отложились в способах поведения, языке и институтах, которые не поддаются изменению, пересмотру или противостоянию им [139, P.47]. Генеалогия также разрушает эпистемологические привилегии западного канона, поскольку бросает вызов понятиям рациональности, человеческой деятельности и т.д. [144].

Поэтому постмодернизм заинтересован в исследовании неопределенного или хаотичного, которые зачастую присущи современной реальности. Эти неопределенности нарушают широко распространенный нормативный консенсус в политике и предлагают способы сопротивления. Стоит упомянуть о «теории мимесиса» (подражания) Батлер. Она утверждает, что «даже если мы повторяем нормы, может наступить момент, когда нормы будут нарушены» [145]. Так, автор приходит к выводу, что различия занимают центральное место в постмодернистском подходе к политической теории. Как определил Винсент, «постмодернизм – это не просто признание различий, но и определение различий как ключа к политике» [144, С.178]. В данном аспекте особую роль играет политика мультикультурализма.

Краеугольным камнем для постмодернизма является вопрос о формировании дискурса («совокупность высказываний, принадлежащих к одной и той же системе формаций» [146]). Дискурс стал ключевым, а то и центральным понятием в постмодернизме, характеризующийся не просто как инструмент для описания реальности, а как серьезный феномен социальной и политической власти. Как указывают постмодернисты, «в каждом обществе есть свое представление об истине, свойственная ему “общая политика” правды, т.е. в обществе существуют те типы дискурса, которые приемлемы для него и выполняют функцию правды» [147]. Следовательно, поднимается вопрос господства «над самим дискурсом» [148]. Автор предполагает, что подобный критический подход, очевидно, представляет выгодную позицию для тех, кто пытается трансформировать существующий политический порядок. Любая критическая теория стремится бороться с неравенством, и ясно, что политологические исследования и другие дискурсы играют важную роль в том,

чтобы неравные властные отношения казались естественными или отвечающими здравому смыслу.

Как было отмечено ранее, для постмодернизма характерно недоверие к метанарративам. В политике же это влечет за собой отказ так же от категории прогресса и однозначной интерпретации истории [149]. Или, как отмечает К. Батлер «Эти нарративы содержатся в основных философских течениях, таких как кантианство, гегельянство и марксизм, которые утверждают, что история прогрессивна, что знание может освободить нас» [150]. Для тех авторов, которые описывают современные реалии в постмодернистском ключе, ничто не находится вне сложностей и неопределенностей, и ничто не может спасти от проблем, конфликтов. З. Бауман, описывая постиндустриальное общество, так же пишет о том, что «постсовременность отличается нестабильностью и ощущением ненадежности, свертыванием роли государства и торжеством глобального рынка, который обещает свободу выбора, но заставляет людей опасаться за свое будущее, подозрительно относиться ко всему рациональному, особенно к экспертам, которые утверждают, что они лучше, чем кто-либо, понимают происходящее. Для постсовременности характерна тенденция к замене контроля государства контролем потребителя, испытывающего при этом все соблазны консюмеризма; характерна необходимость жить в мире, полном двусмысленностей и неопределенности» [151].

Непредсказуемость, в отличие от необходимости, становится ключом к постмодернистскому подходу. Например, бельгийские политологи-постмарксисты, Э. Лакло и Ш. Муфф (авторы «теории дискурса»), не верят в необходимость революции, которая является центральной для марксизма [152]. Напротив, их идея «радикальной демократии» основана на случайных личностях, а также на случайных союзах, которые также не поддерживают сущностное превосходство какой-либо группы. Батлер описывает данный аспект постмодернизма следующим образом: «Таким образом, постмодернизм включал в себя крайне критическую эпистемологию, враждебную любой всеобъемлющей философской или политической доктрине и решительно настроенную против тех “доминирующих идеологий”, которые помогают поддерживать статус-кво» [150, P.29].

Так, постмодернизм противостоит всем ограничениям и застывшим категориям. Противоречия и различия становятся отличительной чертой постмодернизма в политике. В то время как метафизическая теория Канта и других авторов выдвигала трансцендентальные требования, постмодернистские исследования имеют дело с имманентным [139, P.49]. Распространенным примером может служить озабоченность постмодернистской политической теории политикой тела, в то время как либералы в основном имели дело с разумом.

Постмодернизм опирается на процесс становления, открытый творческий процесс, в котором субъект постоянно находится в процессе своего личностного развития. Непостоянство субъективности также подразумевает, что человек не определяется фиксированной, сущностной идентичностью.

Отсутствие фиксированного «я» также определяет иную форму политики в постмодернистском подходе. Постмодернизм обычно отождествляется с фрагментацией и пересмотром значений. Другими словами, постмодернизм предполагает децентрализацию субъекта и социального мира. Внеисторическая точка зрения абстрактного разума и универсального знания подвергается сомнению из-за локализованных знаний.

Так, постмодернизм ставит под сомнение различие между человеческим и нечеловеческим; она вытесняет людей из центра Вселенной [139, P.49]. Если либералы провозгласили человеческий род основополагающей идентичностью, то постмодернистский подход отрицает и неизменность такой идентичности. «Киборг-феминизм» Донны Харауэй указывает на нестабильность категории «человек» [153]. Харауэй описывает людей как «киборгов» – смесь, гибрид животного и машины, языка и эмоций, культуры и биологии [139, P.49].

Постмодернистская категория исследования современной реальности обычно считается антинаучной из-за ее сопротивления объективной Истине и какому-либо господствующему знанию. Это лучше всего представлено идеей Ж. Деррида о «деконструкции»: «Сама истина всегда соотносима с различными точками зрения и предрасполагающими интеллектуальными рамками субъекта суждения» [149, P.16]. «Смерть автора» (выражение введено М. Фуко) в постмодернизме подразумевает, что значения текста являются собственностью интерпретаторов, а не самого автора. Деррида отвергал «логоцентризм», подразумевающий фиксацию значений в текстах. Так, традиционные научные исследования по вопросу достижения профессионального статуса не были объективными: основная их мысль, согласно Дерриде, заключалась в том, что они описывали мир в искаженном виде – представляли мир, где работают или должны работать только мужчины, игнорируя работающих женщин [72, P.113]. Деррида впервые применил технику «деконструкции» с целью выявления скрытых смыслов и предпосылок дискурса языка, текстов [132, P.231].

Упомянутые критические замечания являются ценными способами подвергнуть определенному скепсису позитивистский подход, лежащий в основе большей части политической теории и исследований. Вклад Фуко и Дерриды в политический анализ показал, что идеи, институты и язык скрывают объективную реальность о современном мире. Раскрывая допущения, лежащие в основе различных социальных исследований и политической теории, постмодернисты в значительной степени посодействовали развитию критического анализа в рамках политической науки: во-первых, поставили серьезный вопрос о том, «насколько объективна теория – для кого и с какой целью она пишется» [154]; во-вторых, сделали акцент на необходимости критической саморефлексии при проведении социологических исследований.

Постмодернистская критика зачастую приходит к выводу, что абсолютные истины недостижимы, потому что все теории и исследования основаны на субъективных, традиционных началах, и они представляют собой взгляд на мир, глубоко искаженный, далекий от действительности и нейтральности. Из критики позитивистского подхода мы должны сделать вывод

о том, что доступ к объективной истине труднодоступен, но мы и не говорим о его обязательной невозможности – получение объективной истины возможно лишь посредством саморефлексии.

Необходимо подчеркнуть, что у постмодернистского критического подхода есть свои преимущества, но повторимся, что он не имеет под собой серьезного стержня по части методологии и методов исследования, а лишь позиционирует себя в качестве отношения и позиции к тому или иному явлению, процессу. Постмодернисты зачастую прибегают к аналитическим методам исследования, которые близки постструктурализму, к примеру, тому же методу деконструкции. Безусловно, это не метод в строгом смысле слова, который имеет фиксированный набор правил и эмпирики [155]. В соответствии с вышеупомянутыми принципами постмодернизма, деконструкция стремится раскрыть латентные смысловые дискурсы языка, текста и выявить то, что было исключено, искажено или же проигнорировано.

Ю. Хабермас утверждал, что «метод деконструкции крайне разрушителен и не вносит никакого положительного методологического вклада в социальные науки» [156]. Однако с подобным выводом не согласен ряд исследователей, предполагающий, что деконструкция – это не просто разрушение, ее следует рассматривать как *переоценку* [157], [158], [159]. Как полагают авторы, проблематизация фундаментальных посылок текста не всегда приводит к их отклонению; и когда происходит подобное, может быть сконструирована новая альтернатива.

Прежде всего, данный метод направлен на раскрытие бинарных оппозиций, отрицание легитимности дихотомий до низведения их до уровня абсурдности [156, P.121]. Это такие бинарности, которые структурируют язык и тексты (добро/зло, хороший/плохой, свой/чужой, мы/другие, цивилизованный/дикарь, мужчина/женщина, нормальный/ненормальный, Запад/не-Запад и т.п.). Эти бинарные системы, утверждают деконструктивисты, по своей сути являются политическими и предполагают предпочтение одной концепции перед другой – цивилизованный над дикарем, мужчину над женщиной, Своего над Чужим, Запад над не-Западом – и, таким образом, подавляют и маргинализируют «Другое». Устраняя эти бинарные оппозиции, деконструкция стремится расширить возможности этих «Других» [132, P.233].

Данный критический подход деконструкции внес значительный вклад в политическую науку, даже если он и в большинстве своем игнорировался и оставался без достаточного внимания. Как заметил Бернштейн в своем комментарии к Ж. Дерриде: «Немногие современные мыслители были столь бдительны и проницательны в отношении соблазнов и опасностей насильственного подавления или замалчивания различия, непохожести – в “других” в нас самих. Немногие писатели писали с таким тонким пониманием о страданиях, оплакивании других» [160].

Тем не менее, деконструкция подверглась критике со стороны теоретиков, которые обычно с пониманием относились бы к критике неравенства. Э. Саид, Т. Иглтон и другие критиковали этот подход за то, что он

не смог в значительной степени подорвать сложившуюся систему властных отношений [161]. Они утверждают, что много внимания и предпочтения было отдано разбору текстов и языковых дискурсов, а не влиянию на реальное положение вещей и был поставлен вопрос – почему проделанная с помощью деконструкции работа не воплотилась в политической реальности [161, P.390]. Г. Спивак отметил, что «если бы кто-то захотел основать политический проект по деконструкции, это было бы что-то вроде желаемого плюрализма, с одной стороны, или своего рода безответственного гедонизма, с другой» [162].

Данным критическим замечаниям имеет место быть. Деконструкция не дает прочной основы для построения близкой к идеалу политической картины мира. Однако это не должно означать, что он не имеет практического применения. Как уже отмечалось, вынуждая к переосмыслению политического, деконструкция позволяет выявить слабые стороны определенных бинарных систем и допущений и, таким образом, позволяет построить более нейтральную и объективную политическую теорию. На таких дихотомиях, как «централизация-децентрализация», «иерархизация-деиерархизация», можно также выстроить постмодернистскую методологию в сфере политики.

Для начала рассмотрим понятие «децентрализация» с точки зрения постмодернистской парадигмы, и для лучшего его понимания, прежде всего, вкратце обратимся к сущности понятия «централизация».

Централизация – это психосоциальная склонность к системе доминирования, основанной на фиксированной иерархии. Централизация – это решение фундаментальной проблемы «человеческого благосостояния», экономии и эффективности. Эта та конструированная политика модерна, согласно которой создание центрального организующего устройства характеризуется идеальным решением – будучи «центральным», оно могло бы увязывать все проблемы друг с другом, и в некотором смысле «выявлять все необходимые переменные» [163]. Исключительно модерновый принцип централизации гласит, что важные общественно-государственные решения могут решать лишь немногие и, соответственно предполагает, заявляет о необходимости управления данными решениями лишь немногими субъектами.

Концепция децентрализации, которая становится ядром политического дискурса в современную информационную эпоху, не терявшая свою теоретическую и мыслительную актуальность с возникновения института государственности, а на прикладном уровне связанная с постепенным усилением постмодернистских установок, может быть проанализирована в диахроническом и синхронном аспектах. Диахрония – эта концепция, которая является результатом 2,5 тысяч лет размышлений о диалектике как личного, так и общего блага в политической философии. Кроме того, предпринимаются некоторые попытки реабилитировать и освободить самого индивида, личность от диктата со стороны государства и навязывания идеи об общем благе.

В истории политической мысли выделяются четыре этапа данного процесса:

1) Концепция античного философа Платона [164] об идеальном государстве (*ΠολιτείΑ, Res publica*) как абсолютном благе. Замкнутое само по себе, такое государство является местом для блага, объективно общего для всех его граждан. Различия между определенными слоями этого государства (или классами, гражданами) заключаются в естественной способности постигать истину, а не в их потребностях. Соответственно, концепция децентрализации невозможна в философии Платона. Своей множественностью она разрушает саму истину, которая должна быть только одна и которой должны служить все члены общества. На протяжении последних двух тысячелетий эта концепция унитарности и закрытости государства была незыблемой.

2) Теория общественного договора. Утопии прошлого пропагандировали модели социального обеспечения, основанные на порядке, контроле и всеобщем признании. Напротив, теоретики общественного договора отдавали приоритет свободе и правам человека, воспринимая государство и договор, касающийся его, как неизбежное зло, трагическую необходимость, некий общепринятый защитный механизм. На данном этапе децентрализацию можно рассматривать как вертикальную, поскольку она предполагает эмансипацию членов общества в иерархическом, а не региональном контексте.

3) Замкнутое торговое государство. Наиболее важным компонентом этой теории является пропаганда равенства (а именно, принципа распределения). Согласно И.Г. Фихте [165], равенство должно быть как юридическим, так и экономическим. Государство должно предоставлять своим гражданам то, что принадлежит им по праву; более того, все должны быть равны с точки зрения частной собственности. Впервые акцент делается на экономическом аспекте, однако он не подкреплен концепцией региональной децентрализации (вероятно, из-за фрагментации немецкой философии). В целом концепция собственности Фихте легла в основу марксистской и других теорий государства. В то же время это было опровергнуто многими антисоциалистическими утопиями.

4) Постмодернистские концепции децентрализации впервые возникли в результате деконструкции дискурса о политической власти, а позже предприняли попытку «позитивно» решать объективные проблемы, связанные с децентрализацией и регионализацией политики в западных странах.

Постмодернизм, как мы отмечали, включает в себя теорию нелинейной динамики развития. А наиболее актуальной идеей в постмодернизме является отказ от всех метанарративов. Отвергая метанарративы, постмодернизм в первую очередь отвергает принцип централизации. Согласно постмодернизму, динамику общественного развития следует рассматривать с точки зрения информационных систем и кибернетики. Подобная трактовка выстраивает предположение о том, что система иерархии сама по себе не вполне оптимальна для реализации какой-либо цели, но считает ее, напротив, произвольной структурой. Касательно децентрализации, постмодернизм не понимает ее как антиерархию, скорее всего, как антицентральную и фиксированную иерархию.

Децентрализация также не способствует анархии, а скорее является антитезой анархии.

Децентрализация «отдает власть» в руки информации. Она считает, что властные структуры возникают в результате социальной динамики, и она реализуется через информационные каналы, такие как медиатехнологии. Кроме того, децентрализация отводит роли информации высокую роль в связи с тем, что «лишь информация способна решать проблемы, будь то социальные, экономические или другие, и важно владеть объективными и результативными информационными каналами тем организациям, которые имея определенные проблемы, могут поделиться с необходимой информацией о необходимости решения этих проблем с другой организацией» [166]. В данном понимании децентрализация представляет собой убеждение в том, что взаимозависимости этих организаций не могут быть упрощены до иерархической структуры или решены с помощью подхода «сверху вниз». Напротив, проблемы должны решаться в каждой организации с их точки зрения и в рамках их компетенций, а также передаваться в необходимое число раз между организациями, и постоянно пересматриваться.

Подобное же переосмысление происходит с сущностью политического. Политика так же, как и другие системы приобретает виртуальный характер, все больше применяя информационные символические подходы и формируя тем самым общественное мнение, что, по мнению автора, достаточно продуктивно с точки зрения эффективности воздействия политической власти. Как уже указывалось, наравне с классическими общностями субъектами политики становятся социальные группы, ранее считавшиеся маргинальными, а также новообразовавшиеся в постиндустриальную эпоху индивиды, успешно встроенные в сетевые системы взаимодействий.

Впервые во французской философии постмодернизма «Биополитика» Фуко [167] приближает к концепции децентрализации, хотя и с негативными коннотациями, присущими деконструктивизму. В данном случае технологическую эффективность децентрализации можно объяснить изменениями в фокусе и механике власти. Биополитика вмешивается в более широкий набор как универсальных, так и случайных явлений и регулирует их таким образом, чтобы управление было наименее затратным и наиболее эффективным [168].

Как эффективность управления отдельными сообществами, так и связь этой эффективности с созданием информационных технологий, а не с негативным восприятием государства Фуко, повлияли на дальнейшее развитие концепции децентрализации.

Концепция капитализма наблюдения С. Зубоффа [169], по-видимому, наиболее близка к концепции биополитики Фуко. Как государство, так и крупные корпорации, интересы которых оно представляет, практикуют агрессивную эксплуатацию персональных данных потребителей, которые рассматриваются искусственным интеллектом как материалы для разработки виртуальных моделей прогнозирования. Ожидается, что эти модели смогут

предсказать возможный вектор покупательской активности на рынке. В будущем эти модели будут использоваться высококвалифицированными специалистами для односторонней коррекции поведения потенциальных покупателей, надавливая и подталкивая их к принятию «правильного» потребительского решения в реальном мире [170]. В этой системе совокупность цифровой и информационной власти может подразумевать децентрализацию как отрицание самой этой совокупности.

Постмодернистские концепции власти М. Фуко и С. Зубоффа, которые довольно далеки друг от друга во времени, в основном опираются на политические, экономические и информационные аспекты. Однако «пространственный» аспект действительно важен для теории и практики децентрализации. Этому аспекту активно способствовала философия постмодернизма, а именно после введения концепции «ризомы»[2]. Корневище представляет собой горизонтальную структуру с сетевыми соединениями. Иногда глобальную сеть Интернет сравнивают с такой структурой, поскольку в нем тоже отсутствует центр, он характеризуется горизонтальными связями и является самосозидательным. Кроме того, корневище – это система без памяти. Пространство, основанное на ризомах, ацентрично и неиерархично, и его самоорганизация заключается в отсутствии организации [171].

Некоторые исследователи объясняют основные принципы децентрализации как следствие регионализма с помощью модели ризомы. В глобальном измерении децентрализация рассматривается как ризоматический процесс, направленный на создание «мира регионов», многоцентрической и антииерархической системы. Таким образом, децентрализация трансформирует межгосударственные отношения – в межрегиональные [172].

Согласно данному подходу, регионы существенно отличаются от государства не только в пространственном плане. Регион – это скорее способ существования для мирового сообщества и в меньшей степени объект политики. Его сила зависит от степени его вовлеченности в глобальное пространство и горизонтальных связей с другими регионами. В локальных измерениях децентрализация сохраняет мультицентризм и антииерархию, которые распространяются на ценности, традиции и социокультурную сферу. Это позволяет свободно выстраивать новые связи между культурными явлениями в регионе. Сравнение последствий децентрализации с принципом корневища неизбежно приводит к выводу, что децентрализация использует гибкую политику, которая не выстраивает жестких философских, социальных или идеологических систем, не описывает реальность, а интерпретирует ее ситуативно, в зависимости от конкретных обстоятельств. Наконец, важно учитывать глобальные и местные социокультурные модели, имеющие отношение к децентрализации [173].

[2] Ризома – «открытый стебель, лиана», обладает способностью развиваться в любом направлении, принимая любую конфигурацию. Метафорическое обозначение нелинейного способа организации целостности (Ф. Гваттари, Ж. Делез).

У. Коннолли, говорит о политике как о «ризоматических» структурах [174], в которых общественную жизнь составляют многочисленные меньшинства с различными культурами, объединяющиеся в прагматических целях. Дж. Беннетт объясняет «ризоматическую политику» следующим образом: «Ризоматическая политика не имеет в качестве своего регулятивного идеала общего консенсуса. Скорее, это вдохновлено видением объединений, члены которых поддерживают общую политику, но не обязательно все по одним и тем же причинам, и которые пытаются сделать себя “более открытыми для взаимодействия с альтернативными религиями, чувственностями, гендерными практиками, этническими группами и так далее”» [139, P.53].

Мифология децентрализованного государства, как и все пространство в постмодернизме, не уникальна в своей множественности и многообразии. Она бесконечна в своей относительности и неизбежно отделена от реальной жизни, учитывая, что само понятие «реальности» в постмодернизме сомнительно (но это уже философский вопрос). Пространство, созданное децентрализацией, можно сравнить с виртуальностью, которая полностью копирует реальность и, в то же время, существует в совершенно отдельной от нее плоскости.

Что касается фиксированной иерархической структуры, то она препятствовала бы здоровой динамике такой системы. Это, например, создало бы более длинные информационные каналы, отделенные от проблемных, в таких случаях, когда короткий контур обратной связи был бы более эффективным. В конце концов, централизация предполагает то, что информационные каналы должны иметь фиксированную, жесткую и иерархическую структуру, в то время как политика децентрализации означает, что информационные каналы по своей природе являются и должны быть подвижными и адаптивными.

В свою очередь, это не означает, что децентрализация предпочитает сетевую структуру, т.е. перевод проблем и решений между организациями и институтами, которые обладают примерно равной властью. Скорее, децентрализация определяется как нечто вроде самоорганизующейся структуры и системы, в которой властные отношения формируются посредством игры. В подобных системах иерархии на самом деле довольно распространены, но никогда полностью не закрепляются, и никогда не существует великой иерархии.

Заявляя о необходимости существования множества информационных каналов в рамках децентрализации, постмодернисты не отвергают о функционировании властных отношений в лице государства и его институтов, как анархисты, а скорее всего, подчеркивают о том, что информационных каналов должно быть больше, что они должны быть объективными и результативными. В то время как централизация стремится к одному, всеобъемлющему информационному каналу, децентрализация стремится ко множеству одновременно функционирующих информационных каналов и отвергает идею о том, что они должны быть или даже могут быть объединены в один.

Противостояние метанарративам также находит отражение в развенчании макрополитики и превознесении микрополитики. Другими словами, политика должна выражаться на микрополитическом уровне, чем будет отличаться от либерального и марксистского подходов. Основное внимание постмодернизма сосредоточено не на институтах и структурах. Основное внимание уделяется участникам политических отношений, средствам массовой информации, военной подготовке, межсубъектным отношениям и т.д. ключевые цели микрополитики включают «физическое воздействие, социальный темперамент, политические настроения и культурную восприимчивость» [139, P.51]. Серьезную модификацию приобретает модель властно-потребительских взаимодействий: «Вместо нормативного регулирования поведения обывателя происходит соблазнение потребителя; вместо насаждения идеологии – реклама; вместо легитимации власти – пресс-центры и пресс-бюро» [9, С.73].

Подходы постмодернизма к политической теории также по-разному трактуют власть. В то время как либералы воспринимают власть как сосредоточенную в руках государства, а марксисты считают, что она в первую очередь проистекает из классовой политики, авторы постмодернистских работ утверждают, что власть не сосредоточена в определенном центре; она рассеянная и всепроникающая.

Здесь стоит отметить проводимое тем же Фуко различие между юридической властью (властью, воплощенной в государстве и его институтах) и биовластью. Фуко указывает на биовласть как на дисциплинирующую и нормализующую силу, в отличие от юридической власти, которая является регулирующей. Таким образом, постмодернистский подход рассматривает власть не только как институт, но и как повседневные практики, которые конституируют и нормализуют субъектность. Интересно, что субъект конституируется отношениями власти; те же самые отношения власти также предоставляют пространство для сопротивления тем нормам, которые конституируют нас.

За последние 20 лет в незападных обществах прослеживается неукоснительный интерес к изучению политического развития в рамках постепенной утраты бескомпромиссного влияния евпропоцентризма: «Постмодернизм лучше всего можно определить, как осознание европейской культурой того, что она больше не является бесспорным и доминирующим центром мира» [175]. Появилось новое понимание, широко пропагандируемое постколониальными теоретиками, что «западные слова должны быть вписаны в западные миры» [176].

Постмодернизм так же оказал значительное влияние на практику написания политической истории в Азербайджане, Казахстане и Узбекистане. Он способствовал пересмотру доминировавших в течение длительного времени традиционных политических идей, идеологий, децентрализации власти и интернационализму, а также учета множественности и многообразия при изучении прошлых событий. В историографии постмодернизм поставил под сомнение объективность, подчеркнул важность маргинализованных голосов и

расширил спектр используемых источников. На историческое сознание постмодернизм повлиял, подчеркнув роль коллективной памяти, пересмотрев исторические мифы и признав правомерность множественных интерпретаций прошлого.

Влияние постмодернизма на написание истории Азербайджана, Казахстана и Узбекистана можно рассматривать с нескольких ракурсов.

Первый аспект – это изменение методологии и подхода к историческим источникам. Постмодернизм открывает новые возможности для интерпретации истории, подчеркивая историографическое разнообразие и комбинирование различных видов исторических источников (даже если с точки зрения науки эти источники носят двусмысленный характер). В контексте рассматриваемых стран, это может означать переосмысление традиционных подходов к анализу истории страны, включая рассмотрение исторических событий через призму различных культурных и социальных перспектив. Традиционные исторические нарративы, часто используемые в политических целях, подвергаются критике. Это постепенно привело и приводит к пересмотру роли и образа национальных лидеров, а также к новому взгляду на события XX века. Так, политика памяти, связанная с репрессиями, коллективизацией, голодом, со Второй мировой войной, постепенно обретает характер литературной повествовательности и секьюритизированности (т.е. понимается как область категории безопасности). Согласно постмодернизму, «всякая реальность проявляется через посредничество языка и текстов, значит, всякое историческое исследование зависимо от рефлексии о дискурсе» [177], что поставило под сомнение устоявшееся научное описание и анализ минувших событий. Недоверие к текстам, написанных под влиянием определенного дискурса, и историку, который подвергает их собственным субъективным интеллектуальным умозаключениям, стали основной причиной усиления заинтересованности жизненного опыта отдельных людей, и угасания исследований таких макро-категорий, как структура и институты общества, государства.

Второй аспект – это подчеркивание множественности исторических нравственных идеалов. Постмодернизм открывает возможности для анализа истории Азербайджана, Казахстана и Узбекистана через призму различных идеологий и ценностей, которые формировались в разные исторические эпохи. Это позволяет избежать упрощения исследования истории и более точно передать многослойность исторического процесса.

Третий аспект – это обращение к маргинализированным историческим группам и личностям. Постмодернизм акцентирует внимание на тех исторических акторах, которые были ранее игнорированы или искажены в традиционных исследованиях. В случае с изучаемыми странами, это может означать изучение истории различных национальностей, религиозных групп и социальных классов, которые вносили свой вклад в формирование и развитие страны.

Четвертый аспект – это идеи, приводящие к поиску новой национальной идентичности, которая бы учитывала, как традиционные ценности, так и

современные реалии. Это может проявляться в более толерантном отношении к национальным меньшинствам, в переосмыслении роли ислама в обществе и в поиске новых форм культурного выражения.

В целом, в постмодернизме, в отличие от модернизма, политика не подчиняется определенным правилам, а скорее воспринимается как дискурс, который имеет свои особенности в зависимости от каждой ситуации, отдельно взятого контекста. Представим основные отличительные аспекты политической сферы в модернизме и постмодернизме (Таблица 1).

Таблица 1 – Проявление политического в модернизме и постмодернизме

№	Модернизм	Постмодернизм
1	Прогресс, как одна из главных теоретико-идейных предпосылок модернизма предусматривающая поэтапное, заданное развитие, где каждый последующий этап развития превосходит предыдущий. В модернистской мысли эта идея служит руководящим принципом социальных и политических преобразований, отражая веру в рациональность, научный прогресс и постоянное совершенствование человеческой цивилизации.	Абсолютное отвержение идеи прогрессивного развития. Эта точка зрения бросает вызов модернистской вере в линейное развитие и универсальные модели управления, подчеркивая вместо этого множественность опыта и контекстуальную природу политических реалий. Следовательно, политические процессы интерпретируются не как этапы неизбежного прогресса, а как изменчивые и многомерные взаимодействия, формируемые дискурсом, культурой и властными отношениями.
2	Поступательное развитие не только стран Запада, но и незападных обществ возможно лишь при принятии универсальной, линейной (т.е. западной) модели развития, и следовании идеям вестернизации. Эта парадигма подразумевает, что модернизация достижима прежде всего путем копирования западных политических и социокультурных моделей, позиционирования их в качестве конечного ориентира развития.	Развитие не предполагает следование по заданной, линейной, единой траектории. Развитие обществ и государств предусматривает от частных аспектов, контекстов и различий. Обновление и развитие не приравнивается к вестернизации. Актуализация опыта Восточной Азии. В целом, понятие «развитие» (как и многие другие понятия модернизма) рассматривается в качестве относительной категории.
3	Популяризация идеи о легитимности избранных, буржуазных слоев общества во	Отказ от бинарных оппозиций и маргинализации участия в политике тех слоев общества, которые не

	всех сферах национального развития (в частности, в политической власти), что стало условием оформления и утверждения централизованных государств. Этот акцент на авторитете буржуазной элиты отражает модернистскую веру в иерархию, рациональное управление и способность просвещенных социальных групп направлять общественный прогресс.	подпадают в систему экономической полезности. Отменяются всякие формы бюрократических структур, которые подменяются децентрализованными объединениями. Переход к такой модели общества, где ставится акцент на гуманности, плюрализме, гибридной идентичности, предоставление права голоса в политике для всех.
4	Рациональность (научная) как высшая идейная прерогатива. Примат разума предполагает отход от архаичных, традиционных, религиозных, и иных «иррациональных» способов мышления и, соответственно, упразднение утверждающих их институтов. Эта рационалистическая ориентация позиционирует науку и разум как основные инструменты прогресса, узаконивающие социальный порядок.	Абсолютная ставка на разум рассматривается как очередной метанарратив, позволяющий власти обретать, наряду с политической властью, иные более сложные формы подчинения института государства над обществом и отдельным индивидом. Рациональность как призыв к действию может уничтожить альтернативные концепции, плюрализм взглядов и социальных взаимодействий.
5	Заявления о том, что утвержденная на мировом пространстве модель экономической системы рано или поздно приведет к оформлению политического господства либерально-демократического характера. Демократия как идеальный исходный политический режим и индикатор поступательного развития. Эта идея укрепляет убежденность модернистов в том, что экономическая либерализация и политическая демократизация являются неразрывными процессами, направляющими	Ни один процесс, ни один мега-проект, ни одна тенденция не могут непрерывно идти по одной траектории (это касается и модерна). Есть яркие примеры зрелых индустриальных обществ, которые вышли на новый постмодернистский уровень. И есть государства, де-юре регламентировавшие либерально-демократические институты и процедуры, но выбравшие де-факто иное гибридизированное с архаичным типом господства направление. Демократия так же не считается единственным следствием модернизации. Коммунизм и

	общество по универсальной траектории модернизации.	фашизм так же являются ее результатом.
6	Автономность политической власти. Государство, как основной институт и субъект политической системы. Государство воплощает принципы рациональной организации, контроля и легитимности, выступая в качестве ключевого механизма осуществления социального прогресса и поддержания порядка.	Возрастание роли, влияния и вмешательства в процесс принятия политических решений иных акторов – ТНК, неправительственные организации, некогда маргинализированные слои общества, увеличение количества отдельных персон у политической власти, с рациональной точки зрения не имеющих статусных компетенций для управления государством

Таким образом, концепция постмодернизма в целом остается глубоко проблематичной. Его акцент на плюрализме и скептицизме может в некоторой степени узаконить политическую пассивность, поскольку в отсутствие общего представления о реальности становится трудно сформулировать какую-либо последовательную форму коллективной политики, направленной на трансформацию или эмансипацию. Более того, настойчивое утверждение постмодернизма о невозможности универсальных истин или метанарративов обнаруживает внутреннее противоречие: критика метанарративов сама по себе представляет собой метанарратив, а отрицание истины обязательно подразумевает утверждение об истинности. По мнению автора, это представляет собой главный недостаток постмодернизма, делающий его интеллектуально непоследовательным и эпистемологически нестабильным. Тем не менее, это не отменяет ценного вклада, который постмодернизм внес в политическую науку и более широкие социальные науки, особенно в расширении аналитических перспектив и оспаривании устоявшихся эпистемологических допущений. Несмотря на то, что его роль в значительной степени был отвергнут и остался без внимания, он может значительно развить критический анализ, который является некой профилактической мерой против тотальности и универсализации одной идеи, одной системы, одного знания. В этом контексте одним из первых и наиболее значительных вкладов постмодернизма в политическую науку стал его критический анализ и переоценка позитивизма. Теоретики постмодернизма выявили ценности, допущения и обобщения, лежащие в основе традиционных политических исследований. Такие мыслители, как Ж. Деррида и М. Фуко, продемонстрировали, что социальная и политическая теория основана на субъективных принципах и что именно эти рамки часто служат для легитимации существующих структур власти.

Постмодернистский подход показывает – как создаются неравные властные отношения, когда большая часть дискурса политологии исключают

или же отодвигают на второй план подобные вопросы. Утверждение постмодернистов, которое поднимает наиболее важные вопросы, заключается в том, что фундаментальные моральные и политические концепции западной современности функционируют таким образом, чтобы маргинализировать, принижать и дисциплинировать «Других»; то есть категории людей, которые в некотором роде не соответствуют преобладающим критериям рациональности, нормальности и ответственности и т.д. В целом самовосхвалительное отношение Запада к либеральной демократии и ее традициям затеняет эту динамику. Постмодернизм стремится разрушить такое отношение, и его сторонники обычно считают свои усилия решающими для радикализации демократии. И этот вклад стал особенно важен для групп меньшинств и для всех тех, кто пытается противостоять социальной изоляции, угнетения и маргинализации.

Наконец, постмодернистский подход деконструкции играет заметную роль в продвижении критического анализа в политической науке. Хотя он не обеспечивает прочной основы для политических действий, он позволяет переосмыслить и переоценить политическое и раскрывает скрытые смыслы и лежащие в их основе предположения. Деконструкция в политической сфере используется для объяснения и выявления целей воздействия политической власти на общество, к примеру, как это проектировалось в модели «Паноптикон». В условиях «паноптикона» предполагается контроль меньшинства над большинством с помощью СМИ. Отличие от «классического» управления в данном случае состоит в том, что власть уже как бы не подавляет, не приказывает, не показывает свои диктаторские наклонности, что могло бы стать по марксистской схеме причиной восстаний и революций, а посредством заполнения информационного сегмента, быта различными дискурсами, образами, знаками, позиционирования себя открытым и поддающимся диалогу, подавляет протестные настроения.

Можно заключить, что, хотя и постмодернизм, вероятно, и не оказал огромного влияния на политическую науку, но он, безусловно, внес существенную лепту. Утверждения и выводы не следует просто отвергать из-за недостатков, которые присущи постмодернистской перспективе. Скорее, теоретикам постмодернизма есть что предложить критическому политическому анализу. Несмотря на явную дискуссионность, постмодернизм как интеллектуальное течение осмысления развития обществ, имеет определенную ценность как попытку самоописания современного социума и государства. Постмодернизм в наиболее обобщенном или упрощенном смысле есть направление культуры общества, находящегося на ступени перехода от фазы финансового капитализма к фазе акционерного капитализма и далее к фазе информационного общества, то есть общества, развившегося до степени индивидуальной свободы в реализации своей индивидуальной судьбы через многочисленные и конкурирующие друг с другом политические, социально-экономические и другие институты и организации. Постмодернизм – это в данном случае господствующее направление культуры такого

постиндустриального общества, такого «открытого общества», которое ставит развитие общественного благосостояния выше индивидуального, развитие общественного интереса выше индивидуального не в силу ограничений, накладываемых государством, а в силу добровольного и сознательного принятия этих норм поведения и деятельности. И постмодернизм, действительно, более привлекателен, когда он критикует институциональную власть, бюрократию, одним словом – дисциплинарный элемент современности.

1.4 Деконструкция дискурса власти в рамках политической науки

Обзор генеалогии описания смысла политического в постмодернизме, по мнению автора, следует начинать с творчества И. Канта, для которого сама философия отождествлялась с *Kampfplatz* («полем битвы») [178]. Подобная трактовка получила широкое распространение в эпоху немецкого Просвещения, а по прошествии времени К. фон Клаузевиц придал ей милитаристскую окраску. Благодаря же К. Шмитту данная идея стала рассматриваться сквозь призму политического измерения в рамках бинарностей «Друг-Враг». Именно эта дистинкция стала основополагающим постулатом, лежащим в основе политического в постмодернизме, тем самым выделив наиболее важную идею постмодернистов касательно взаимосвязи между дискурсом и властью. В свете чего, в настоящем разделе диссертации автором проводится обзор данной взаимосвязи посредством изучения дискурса бинарных оппозиций, анализ которым был в значительной степени проведен французскими учеными М. Фуко и Ж. Деррида. Используя основные положения трудов этих мыслителей, постмодернисты успешно адаптируют их аргументы для того чтобы показать – каким образом дискурсы власти применяются во всех обществах для маргинализации тех слоев общества, которые находятся в подчиненном положении либо считаются девиантными (отклоненными от норм прогресса).

Постмодернистская мысль, критикуя идею о централизации власти в руках государства или доминирующей идеологии, способствовала продвижению политики различия. В современном мире прежние концептуальные схемы, которые были связаны с признанием существования этнических, расовых, гендерных и разного рода других ориентаций и идентичностей, а также их противопоставлений, дополняются другими категориями, выходящими за рамки системы вышеперечисленных сопоставлений – это ценность «Другого» (инаковости), пропагандируемая сегодня в мире как самодостаточная, интеллектуальная культурная и политическая модель. Различные группы интересов, движения и субкультуры, считавшиеся прежде маргинальными, уже не рассматриваются как уничижительные, скорее требующие более пристального внимания и исследования для их обретения свободы.

Данное осмысление действительности в тех или иных обществах коррелируется с развитием концепции плюрализма, и в отношении его стремительного распространения по всей мировой географии мы обязаны постструктуралистской критике бинаризма, которая в последующем стала одним из ведущих постулатов постмодернизма.

Бинаризм (лат. *binarius*, двойной, двойственный, состоящий из двух частей) – это «тип отношений в системах предметов или явлений, в границах которого один элемент системы приобретает свой статус посредством соотнесения с элементом, противоположным, противопоставленным ему» [179]. Так, логика бинаризма выстраивается следующим образом: значение и смысл определенного знака, слова, явления раскрывается лишь путем отношения со знаком, словом, явлением, который стоит с ним в оппозиции. К примеру, слово «друг» может быть раскрыт исключительно с помощью слова «враг», значение слова «война» – только через слово «мир» и т.п.

С точки зрения постмодернистской риторики, «в классических философских оппозициях мы не имеем дело с мирным сосуществованием vis-à-vis, а скорее, с насильственной иерархией. Один из двух терминов ведет другой или имеет превосходство» [180]. Ж. Деррида полагал, что то, находящееся «по ту сторону от рационального пути, практически всегда существует в статусе тотального подавления» [181]. Парадигма постмодернизма отказывается от подобной дуальной проекции мира и направлена на устранение самого принципа крайне линейной оппозиционности, которая строго говоря исключает всякую вероятность существования бинаризма. Согласно Ж. Дерриде, главной задачей деконструкции оппозиции выступает, в первую очередь, ликвидация института иерархии, поскольку, по нему, сама дуальная установка, выстраиваемая на сугубо субъективных началах, пронизана иррационализмом, конфликтностью и волей к власти, превосходству, в связи с чем относится к симулятивной политике и образу мышления [181, С.665]. Следует отметить, что Деррида не рассматривал деконструкцию в контексте критики или метода для анализа, а как симптом и тему другого вопроса или события.

В сущности, бинарная ориентация восходит еще к временам древней Греции, связанной с ремесленным производством и его специфичной высокопарностью преобразований (на простом примере, подобное было свойственно в ситуациях, когда при прокладке дорог гору не обходили, а рассекали ее либо строили ступеньки). Акт действия в данном аспекте воспроизводится как деятельность субъекта, ориентированная в сторону объекта. Касательно восточной культурной традиции, то ей присуще акцентирование на объектно-предметном компоненте деятельности. Тому причиной обстоятельство, обусловленное развитием в восточных обществах аграрного типа хозяйствования, которое изначально подразумевало не столько активного влияния человека в сам процесс, сколько принцип на применение спонтанно появившегося продукта. Акт деятельности понимается в этом контексте в качестве спонтанного развития по преобразованию предмета, в отношении которого субъект рассматривается как неотъемлемая включенная

часть данного процесса. Подобная типология культуры формирует систему ценностей, крайне отличающуюся от ценностей западного активизма.

Различные варианты бинарного дискурса свойственны для духовной практики всего человечества, вне зависимости о какой его части идет речь – западной или восточной. Согласно советскому и российскому ученому М. Уварову, было проведено множество исследований, разбор которых демонстрируют, что «структурирование внешнего мира по методу оппозиций присуще архаическому обществу изначально, по самой его природе. Более того, дихотомический (бинарный) анализ оказывается весьма существенным средством на пути познания закономерностей его развития» [182].

Постмодернисты указывают на то, что «субъект-объектная система иерархии создает почву для формирования и развития псевдосреды»[183]. Государство, по их мнению, для достижения собственной легитимации в глазах у общества и мирового сообщества вынуждено создавать основы и механизмы псевдосреды – это идеологии, национальные, традиционные ценности, религии, чувства гражданственности и патриотизма и т.д. Сильный модерновый государственный аппарат, несмотря на заявления о своей рациональности, завсегда пользуется бинарными комбинациями.

Постмодернисты утверждают, что такие бинарные структуры служат не только инструментами, но и механизмами контроля, с помощью которых государства создают имитируемые реальности, поддерживающие их собственную легитимность. Создание такой «псевдосреды» функционирует как средство формирования коллективного сознания, опосредуя восприятие реальности гражданами. В этом смысле государство становится одновременно архитектором и бенефициаром символических систем – национальной идентичности, моральных ценностей, религиозных нарративов и патриотических чувств, – которые, хотя и представляются как аутентичные и органические, на самом деле являются искусственными конструкциями, поддерживаемыми с помощью дискурса, средств массовой информации и институциональных практик. Согласно постмодернистской критике, притязания современного государства на рациональность и объективность маскируют его зависимость от этих бинарных оппозиций и идеологических симуляций, которые стирают грань между истиной и репрезентацией. Таким образом, чем больше государство настаивает на своей согласованности и единстве, тем больше оно полагается на создание контролируемого символического порядка, который скрывает присущую социальной реальности фрагментарность и множественность.

Постмодерну характерно отрицание естественным образом устоявшегося свойства мышления – оппозиции. Как указано выше, противопоставление присуще человеческому мышлению еще с рождения: тепло/холод, черное/белое, добро/зло и т.п. Однако мыслительный процесс не останавливается на одном лишь объективном сравнении – одна часть в конечном итоге всегда подминает под себя другую, превосходит по каким-либо определенным признакам, закладывая тем самым некую иерархичность в их

связи. Следовательно, все бинарные оппозиции сводятся к разделению на «хороших» и «плохих», что позволяет относить данное положение к прагматике власти. Небезызвестно, что в политике противопоставление одного другому является первоочередным эффективным инструментом для удержания и усиления господства по принципу «разделяй и властвуй».

Крайний бинаризм, или процесс усугубления разрыва идентичностей «субъект-объект» представлен в рамках модели циклического когнитивного управления, а также в классификации псевдосреды, предложенной американским ученым У. Липпманом в работе «Общественное мнение» (Липпман не считается постмодернистом, однако в его работе представлена теория формирования образов и стереотипов демократии посредством бинарных конструкций). В условиях, когда возникают кризисы и проблемы в обществе, государство наиболее четко очерчивает грани между категориями «Мы» и «Другие», возлагает всю вину на последних и таким образом формирует свою идентичность [183, С.201]. Так, бинарное сознание и отношение к миру позволяет политической власти закрепить за «Другими» проблему кризиса, и оправдать позицию «Мы» в совершении тех или иных деяний.

В первой половине XX в. дихотомия групп «Мы» и «Другие» достигает своего апогея в качестве прикладного инструмента. Так, к примеру, подобного рода бинаризмы используются в качестве эффективного метода радикализации, фашизма, национал-социализма. Посредством продуманной стратегической и манипулятивной политики оправдываются насилие и войны, а также мобилизация поддержки и сил общества для «свершения правосудия» [184].

Постмодернисты выдвинули два серьезных аргумента против бинаризма:

1) положение о том, что кроме оппозиционных и противоречащих друг другу сторон существует множество других связей и возможностей для взаимодействия;

2) утверждение о присутствии огромного числа разностей, различий, которые в момент выстраивания связей между собой могут вести себя хаотично, по-разному, а посему принципиально сложно (практически невозможно) выстроить четко заданную оппозицию [185].

В рамках неклассической науки вторая аргументация получила наибольшую известность. Так, один из главных критиков бинаризма французский ученый Ж. Делёз в своей книге «Различие и повторение» пересмотрел значение категории «различие». Как указывал автор, «невозможно найти критерий, с помощью которого возможно было бы отличить одно явление от другого» [186]. В другой своей работе «Ризома», написанная совместно с Ф. Гваттари, Делёз продолжает тему переосмысления понятия «различие», сопоставляя связи между различиями с корневой системой, где сложно выявить главное и второстепенное, и приходит к заключению, что «в неурегулированной целостности различия невозможны, потому как она их поглощает» [187].

Другими словами, постмодернизм воспринимает различия, множественность как данность. Деррида указывает, что «справиться с отличием – значит классифицировать два противоположных термина, свести их к одному, не сохраняя в одном соединении противоположные друг другу радикальные отличия, не анализируя “каждое” в своей “множественности”» [2, С.256]. В связи с этим, ученый предложил термин «отличие», которое имеет способность и возможность сопротивляться практике интеграции и ассимиляции.

Особый вклад в развитие критики бинаризма в рамках субъект-объектных отношений между властью и обществом привнес уже упомянутый М. Фуко – известный французский философ, которого довольно сложно классифицировать в качестве политического философа. Фуко не представлялся ни политическим философом, ни постмодернистом. И, если изучать список его трудов, на первый взгляд, концептуальных работ о политике и политической власти у него нет. Однако можно уследить с какими основными понятиями в течение длительного времени своей карьеры работал Фуко – на первом месте стоит проблема власти. Французский ученый в данном отношении выступает как революционер, сделавший попытку иначе интерпретировать категорию власти так, чтобы сквозь призму нового видения пересмотреть природу и механизмы осуществления власти, заложенные в классической политической философии.

Традиционно власть связана с ее узкой формулировкой и ассоциируется, в первую очередь, с властью политической – государственной: с парламентом, правительством и иными атрибутами политической власти. И в политической философии практически вся проблематика власти основывается на изучении ее узкого понимания. Фуко, в свою очередь, рассматривал сущность власти несколько иначе и считал, что власть, рассматриваемая лишь с точки зрения власти политической, неприемлемо – существуют и другие ее разновидности [188].

В данном отношении перу Фуко принадлежит его известные работы «История безумия в классическую эпоху» [189] и «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» [141]. Первая его работа посвящена теме психического безумия. Вторая работа – проблеме тюремного наказания. На основе анализа госпиталей для душевнобольных и пенитенциарной системы М. Фуко предлагает другой взгляд в рамках политической критики современного устройства общества и государства.

В своем большом труде Фуко обстоятельно показывает – как в западных обществах начиная с XVII века с процессами либерализации, демократизации социально-политических институтов одновременно активизировались процессы, связанные с преследованием и изолированием от общества душевнобольных людей с выделением отдельного социального пространства (в виде психиатрических больниц), которые ранее не существовали [190]. Фуко в качестве основополагающих причин их появления выделял происходящие на то время социальные трансформации.

С одной стороны, возникновение научного интереса у Фуко в той или иной мере связано с распространенной в XVII в. на Западе интеллектуальной традиции французского ученого Р. Декарта, согласно которой сущность человека определяется лишь его рациональной составляющей, т.е. разумом, а те, кто им не владеет (это, прежде всего, животные, дети, душевнобольные) не относятся к человеческому роду [191].

Фуко задается вопросом о том, что из себя представляет «разум» как таковой и почему на него делается столь довольно значительный акцент и упор – «какими строгими качествами должен обладать человек, чтобы можно было его называть человеком» [192]. И Фуко с целью ответить на данные вопросы решается рассмотреть историю разума в ином порядке – с позиции сущности безумия. По мнению Фуко, практика изолирования душевнобольных от общества, а также право ставить им диагноз и применять насилие является проявлением новой тотальной формой власти [193]. Фуко считает, что новая форма проявления власти – ни что иное как формирование дисциплинарного общества, предписывающее каждому его члену необходимый образ мышления и поведения, и в качестве примера предлагает рассматривать всеобщую власть врача-психиатра над людьми с психическими отклонениями.

Опираясь на силу и авторитет государственных органов, на свои знания, профессиональную квалификацию, психиатр воспроизводит серьезную интеллектуальную подоплеку – «знание как власть» [194]. Далее (особенно в работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы») Фуко раскрывает функции институтов (больница, школа, полиция, армия), появившихся на рубеже XVII-XIX вв., предписывающих телу, как нужно вести себя человеку, чтобы его воспринимали в качестве правильного и нормального гражданина.

Таким образом, в своих работах (особенно в своих поздних трудах) М. Фуко остро критикует современные государства, которые называют себя либеральными, но одновременно расширяют свое поле влияния, власти и превосходства в рамках дихотомии «субъект-объект».

Следует подчеркнуть, что само наименование настоящей диссертации представляет собой широкую палитру использования бинарных оппозиций, и речь, прежде всего, идет о дихотомии «западные и незападные общества». Этот вопрос концептуально развивали различные социально-теоретические направления; если одни занимались популяризацией этой проблематики, то другие пытались усилить бинарность между Западом и не-Западом. Так, к примеру, в рамках школ функционализма и структурализма К. Леви-Стросс делит общества на современные и примитивные, проживающие свое время на разных установках и пониманиях – «если современные общества развиваются по линейному временному направлению, которому характерен рациональный и реалистичный опыт, то примитивных обществ отличает идеологическое и циклическое развитие, проистекающее из ритуальной догмы» [195].

Дихотомия «Запад – Восток» основывается на тех же правилах идеи бинарных оппозиций – то же создание псевдосреды, образов «Мы» и «Другие», подчинение объекта субъектов, притязание на знание и др. Так, если

рассматривать последний аспект, то оно ярко выражено уже с самого начала, когда после Второй мировой войны европейские колонии в Азии, Африке, Тихом океане и Карибском бассейне обрели независимость и стали так или иначе самостоятельными. Притязание Запада на знание и исключительную правоту необходимости развития новых обществ по линейному пути стало толчком для обеспокоенности относительно того, как будет происходить процесс модернизации в их бывших колониях. А. Эскобар утверждает, что создание третьего мира является результатом постмодернистского и постколониального дискурсов [196], которые так же повлияли на то, чтобы гендерные вопросы, экологические проблемы, нищета стали объектами научного познания и, в свою очередь, довольно эффективным инструментом власти для реализации тех или иных целей.

Постмодернистский дискурс особо проявляется и в неоколониализме, подразумевающий «геополитическую практику контроля над страной посредством капитализма, коммерческой глобализации и культурного империализма без какого-либо прямого или косвенного военного, или политического контроля» [197]. В начале 1970-х гг. произошел переход от анализа изменений на микроуровне к более масштабным экономическим и политическим событиям в мире. Эта точка зрения называется мир-системным анализом, в основном разработанным И. Валлерстайном, который также использовал теории ядра-периферии и зависимости, утверждая, что доминирующие богатые страны извлекают ресурсы из бедных государств [198]. Независимо от того, кто эксплуатирует и кого эксплуатируют сами, в основе теории мировых систем лежит идея о том, что страны, находящиеся под мировым влиянием, испытывают влияние друг друга [199].

Поиски понимания взаимосвязи так называемого Запада с другими регионами мира – объект дискуссий глобальной истории в целом. На первых порах всемирная история проявляла достаточно большой интерес к возвышению Запада и дихотомии между Западом и Востоком. Книга К. Померанца «Великая дивергенция» [200] является ярким примером подобной мировоззренческой практики.

В то же время теоретики постколониализма, неоколониализма и постразвития (концепции зависимости) интерпретировали отношения между Западом и остальными странами (т.е. Востоком) как формируемые отношениями власти. Они утверждали, что Запад создал гомогенизирующие знания о незападных регионах и народах, часто используя дихотомический подход. Представители данных школ пытались преодолеть эти западные гегемонистские дискурсы, к примеру, посредством призыва к проекту провинциализации Европы [201]. Так, по их мнению, в конце XIX в. более половины мира находилось под властью западных держав. Национальные – или, чаще, региональные – истории и географии были прерваны при соприкосновении, и истории всего их прошлого должны были быть пересказаны в новом свете мирового (то есть западного) контекста. Народы также были перемещены из своих различных географических центров на

периферийные позиции, отведенные западной метрополией: отсюда такие названия, как Ближний и Дальний Восток, – фрагментация регионов на колонии/национальные государства. В центре внимания парадигмы стоит идея о том, что всегда и везде Запад находится на вершине эволюции и центра, и рассматривается как новейший в развитии и старейший в традиции. Запад был воплощением утопии, из которого люди, не принадлежащие к западному миру, были тщательно исключены. Сегодня же, ведутся попытки поиска и формирования не только «локального» знания, но и производства нового современного прочтения незападных обществ путем смещения с центра стран Запада [156, P.163].

В течение продолжительного времени западная историография утверждала, что западные знания были перенесены в незападные общества, где им подражали определенные политики и интеллектуалы. Постколониальная и постмодернистская теории стремились противопоставить это одностороннее повествование и прочтение, делая ставку на отечественные незападные научные традиции и философию. Так, например, такие авторы, как В. Миньоло обращали внимание на оригинальность интеллектуального творчества в Латинской Америке [202].

В свою очередь, немецкий историк С. Конрад в своей книге «Что такое глобальная история?» предостерегает от такого явления, как «новый центризм» [203]. В то время как большинство мировых историков признавали, что западная наука распространилась по всему миру, Конрад подчеркивал, что местные интеллектуалы по-разному адаптировали западную науку. Эти новые формы гибридизованного знания распространились обратно в мегаполисы и повлияли на знания и науку там. Следует понимать, что даже если гибрид отечественных и западных концепций не являются сами по себе ошибочными, но они не отражают всей картины. Это становится очевидным, если посмотреть на Латинскую Америку, Африку, Азию, регионы, которые с трудом вписываются в доминирующие представления о мировой истории, и рассматриваются в качестве приложений к истории империй или как жертва их гегемонии. Из-за подобного смешения культур, восстановить родную историю и культуру становится практически невозможным, и эту задачу ставил в своей работе Ф. Фанон «Проклятые земли» [204].

Изучаемые нами общества Азербайджана, Казахстана и Узбекистана включают в себя чрезвычайно разные культуры и социальное неравенство. Западная и незападная сферы существуют одновременно и накладываются друг на друга. Это затрудняет характеристику этих стран как полностью незападного. Однако они также не являются западными с точки зрения гегемонии и власти. Было бы непрактичной и околонаучной задачей понять, представляет ли узбекский или казахский врач либо археолог западную или незападную науку. Безусловно, каждая нация и местный контекст имеют свои собственные особенности, которые формируют то, как она воспринимает те или иные знания, науку, язык знаний. Тем не менее, в эпоху глобализации политика, экономика, наука и культура могут создаваться исключительно

глобально. Следовательно, в своей работе изучая глобальные процессы, связанные, прежде всего, с проявлением маркеров постмодернизма, автором не игнорируются соотношения сил, но и не классифицируются знания априори на западные или незападные, оригинальные или копирующие, правильные или неполноценные.

Проявление симптомов постмодернизма, постколониализма на не-Западе можно проследить, в первую очередь, посредством анализа сознания общества, которое, по замечанию автора, круто трансформируется под новые/старые модели развития. Поскольку постмодернизм подразумевает интеграцию философского, культурного и социального, его изучение включает в себя анализ индикаторов постмодернизма в рамках социологических и политологических аспектов и механизмов. С этой точки зрения небезынтересным представляется интеллектуальный постмодернистский маркер – притязание на знание. Прежде всего, речь идет о критике линейной современности, исходящая от Запада, и о притязаниях на право формирования знаний Западом в отношении незападных обществ. В данном аспекте можно вновь сделать отсылку на лиотаровскую концепцию о завершении эры метанарративов – больших рассказов. Следовательно, согласно постмодернистскому дискурсу, современное прочтение не-Запада ввиду того, что метанарративы не в силах объективно его охватить и интерпретировать, может быть осуществлено исключительно с помощью локальных малых рассказов. Так, Э. Саид в своей книге «Ориентализм» [205] предлагает на основе тезиса Фуко о «знании – власти», где Запад (прежде всего, Европа) представляя себя субъектом и центром, и знающим Восток, деконструировать дихотомию «Запад – Восток», освободив последнего от зависимого положения объекта.

При исследовании парадигмы-пространства «незападная современность» отчетливо видны контуры субъект-объектной бинарности. Принципы модерна поддерживали властное и инициативное положение рационального, контролирующего субъекта, который не считается с объектом, а также, согласно постмодернизму, «фрагментарен (раздроблен) и должен считаться, скорее, процессом, который постоянно развертывается, чем устойчивой идентичностью, которая не меняется со временем, или сущностью (личностью)» [206]. Так, постмодернистская призма отказывается от монополии одного субъекта, и возможности интерпретации сущности субъекта лишь с помощью противопоставления его с объектом.

В целом, указанные концепции сводятся к мнению о том, что современность развивается под воздействием глобализации и локализации. Идеи постмодернизма склоняются к тому, что мы не можем мыслить о науке и знаниях в глобализованном мире без учета мнений всего человечества и без пристального изучения глобального производства знаний. Анализ создания, обмена, оспаривания, отклонения и модификации различных знаний помогает преодолеть дихотомию между Западом и остальным миром, которая все еще доминирует в повествовании. Несмотря на то, что сегодня авторитетна точка

зрения о том, что наиболее успешно оценить то или иное общество возможно лишь с помощью сравнительного анализа [207], постмодернизм указывает на множественность, альтернативность, неоднородность, относительность развития различных цивилизаций – как западных, так и незападных обществ. В данном понимании постмодернизм пытается преодолеть авторитет и диктат изучения общества с помощью одного лишь модерна или постмодерна, поскольку следует учитывать и отголоски премодерна. Получается, что развитие обществ, несмотря на условную их принадлежность к Западу или же не-Западу не снимает с повестки дня категорию одновременного течения всех трех парадигм – премодерна, модерна, постмодерна – а также об абсолютной сменяемости одного над другим в зависимости от изменений экономических, социально-политических, культурных систем [208].

Таким образом, постмодернизм бросает вызов существующим социокультурным, политическим, экономическим метанарративам, характеризующиеся на основе иерархического и линейного мышления, которые лежали в основе модерна и колониальной эпистемологии. Концепция постмодернизма раскрывает сконструированную природу таких дихотомий, как «субъект – объект», «рациональное – иррациональное» и «центр – периферия», подчеркивая вместо этого изменчивый, фрагментарный и относительный характер глобального знания. Претензии постмодернизма не склоняются к тому, чтобы выступать за или против, считать ошибочным или верным ту или иную идею, то или иное знание. Провозглашая ценность каждой идеи, постмодернизм тем временем критикует ее вероятностную природу абсолюта и монополии, без предлагаемых альтернативных моделей и вариаций. В целом, следует отметить, что постмодернистский дискурс, который отрицает абсолютную субъектность Запада, с его признаками колонизации, линейного модернизма, «знание – власти», стал популярным и авторитетным в незападных обществах в контексте идей постколониализма. Постмодернизм не прославляет не-Запад и не осуждает Запад; скорее, он стремится развеять их оппозицию, подчеркивая многообразие культурных и интеллектуальных траекторий. В этих рамках общества нельзя классифицировать как чисто западные или незападные, поскольку глобализация создала пересекающиеся системы науки, культуры и смысла. Постмодернистское мировоззрение, отвергающее «великие» метанарративы и претензии на универсальную истину, предлагает переосмыслить глобальную современность как полицентрический и диалогический процесс, в котором одновременно сосуществуют современная, постмодернистская и досовременная парадигмы. Таким образом, бинарность «Запад – не-Запад» становится не разделением, а динамичным полем обмена, переговоров и переосмысления, отражающим постмодернистское состояние глобальной взаимозависимости и плюрализма.

2 ИНДИКАТОРЫ ПОСТМОДЕРНИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ АЗЕРБАЙДЖАНА, КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА

2.1 Модернизация в незападных обществах: постмодернистский взгляд

2.1.1 Историко-политические вызовы модернизации в Азербайджане, Казахстане и Узбекистане

Возвращаясь к проблеме расширения и распространения модернизации на незападные общества, вполне логичным является вопрос о наличии или степени присутствия в данных обществах индикаторов постмодернизма, которые изначально и по явным признакам приписывали лишь западному миру. Если таковые имеются, то какие индикаторы можно причислить к политической сфере или же постмодернизм в Азербайджане, Казахстане и Узбекистане ограничивается лишь, к примеру, областью культуры, но не политической? И, прежде всего, необходимо определиться с тем, насколько уместно применять постмодернистскую концепцию для объяснения особенностей развития постсоветских стран, которые получили свою независимость лишь 30 с лишним лет назад, или же постмодернизм может себя проявлять и помимо реализации модернизационных проектов (если за постмодернизм брать его определение как интеллектуальное концептуальное течение, в рамках которого переосмысливается вне зависимости от географического статуса).

В рамках логики размышлений о том, что постмодернизм представляет собой эпоху позднего модернизма, постмодернистские признаки возможны лишь в западных обществах, либо в незападных развитых обществах (к примеру, Япония, Китай, Турция). Безусловно, необходимо задастся общим контрольным вопросом – проходит ли незападный мир, в частности бывшие советские республики, этап в развитии под названием «модерн» или выходит за его рамки, охватывая уже иные проявления – премодерна или постмодерна?

Так, в прикладной части данной работы автор попытался рассмотреть насколько рассматриваемые кейсы Азербайджана, Казахстана и Узбекистана находятся в состоянии постмодерна и каково влияние постмодернизма (как интеллектуального течения) на современное политическое развитие этих стран.

Рассматривая постмодерн как состояние и исторический этап развития, который вероятней всего наступает лишь при определенных результатах проекта модерна, и с той логикой, что постмодернизм может быть связан с теми обществами, которые так или иначе проводили модернизацию, сделана попытка в ходе глубинного интервью узнать мнение экспертов из Азербайджана, Казахстана и Узбекистана о том, в какой мере достаточен 30-летний срок (с момента обретения независимости этих стран) для того, чтобы дать экспертную оценку результатам реализации проектов политической модернизации.

Практически все респонденты указали, что тридцатилетний срок в большинстве своем достаточен для подытоживания результатов о том, оказалась ли та или иная системная модель развития успешной или неуспешной. Представим наиболее развернутые и представляющие, по мнению автора, научный интерес ответы:

- *«Достаточен. За даже еще более короткий период многие азиатские страны, вставшие на путь реформ, продемонстрировали то, что называется "азиатскими тиграми", или "японским чудом", "сингапурским чудом", "китайским чудом" и т.д.».*

- «*Тридцатилетний срок достаточен для того, чтобы оценить получились или не получились та или иная реформа, тот или иной проект и т.д. Но, когда мы говорим о смене приоритетов, мы всегда говорим об издержках не только экономического плана, но и моральных издержках. Необходимо проводить исследования о рисках, который несет за собой любой поворот и любая модернизация*».

- *«Вполне достаточен, если таковые проекты имели место быть. При оценке важно определить под что эти проекты были заточены (цели проектов) и тогда все становится на свои места. А новые модели, вернее новые вариации старых, вырабатывается ежедневно исходя из опыта, новых вызовов и реалий».*

- «*Тридцати лет, конечно же, достаточно для того, чтобы понять – куда пришла страна и достигла ли своих целей или нет. В Узбекистане в 2017 г. после прихода к власти нового президента и ухода прежнего было признано, что прежняя модель импортозамещения, модель самодостаточной экономики, которая реализовывалась во время президента Ислама Каримова, уже исчерпала себя и нужны новые модели развития, действительно разрешающие очень серьезные проблемы, которые накопились в узбекском обществе. Сейчас, к примеру, мы можем говорить о постепенном переходе Узбекистана на рельсы экспортно-ориентированного производства. Страна должна быть открыта новым технологиям и инвестициям капиталов. Согласно результатам аналитических отчетов, с 1991 по 2017 гг. выявлено, что старая модель исчерпала свой потенциал, свои ресурсы, нужна новая модель, которая касалась бы не только сферу экономики, но и социальную, культурную – такая вот открытая либеральная модель модернизации».*

- *«Достаточен. Пример Украины для постсоветского пространства – сегодня уже явное тому доказательство. С 1994 года, когда Украина и ЕС подписали свое первое Соглашение о партнерстве, в котором предусматривалось коренное изменение всего законодательства под стандарты законодательства Европейского Союза, было изменено более 30 сфер законодательства Украины. За эти годы и в условиях стандартизированного под ЕС законодательства выросло новое поколение украинцев, которые стали локомотивом политических, экономических и социальных изменений в стране. Более того, все слои населения, включая и взрослое поколение украинцев, практически привыкли жить в свободном*

обществе. Переломными моментами, конечно, были Майданы, сформировавшие и задавшие решительный настрой украинцев к жизни в условиях полной демократии. И это их стремление уже было подвергнуто испытаниям, сначала в 2014 году, когда был оккупирован Крым и Восток Украины и когда страна еще не смогла противостоять военной мощи России, потом в феврале 2022 года, когда началась прямая агрессия и вторжение российских войск в Украину с целью ее полного захвата и возвращения в постсоветский имперский проект и авторитарный тип государственного устройства. Однако на этот раз, Украина оказалась не только готовой отражать нападение, но и делать это гораздо эффективнее из-за того, что руководство и народ Украины, государство и страна метафизически и технологически обновились по европейским (западным) стандартам жизни, развили свои способности восприятия передового цивилизационного опыта и способны теперь не только освободить всю территорию Украины от оккупантов, но и привести Россию к состоянию неспособности угрожать соседям в будущем. Более того, украинский кейс возобновил процесс реинтеграции самого Европейского Союза на принципе первичности человеческих ценностей, прав и свобод личности и демократии перед материальными условиями и интересами людей. И это стало мощным рывком всей западной цивилизации к обретению ею своего центрального места в деле дальнейшего формирования справедливого и демократического мирового порядка в 21 веке».

Лишь один из экспертов (из Азербайджана) высказался о том, что в бывших советских республиках, не считая Прибалтики, политическая модернизация не проводится на должном уровне (цит. эксп. «*от слова совсем*»), следовательно, существуют сомнения на адекватность оценки этих процессов: «*Тридцать лет – это тот период, когда происходило становление государств, создание условий для безопасности и стабильности. Некоторые страны сумели это сделать, некоторые – нет. И, как следствие, пошел лишь процесс формирования элит и желание этих элит сохранения своей власти. В данных условиях ни о какой политической модернизации разговора быть не может. По моему мнению, тридцати лет недостаточно для того, чтобы изменились ключевые ценностные восприятия, сохранившиеся еще со времен Советского Союза. Безусловно, одно поколение уже сменилось за это время, но необходимо, чтобы еще одно поколение прошло этот путь*».

Большинство экспертов сошлись во мнении, что тридцатилетний период с момента обретения независимости является достаточным сроком для оценки успеха или провала национальных проектов модернизации. Они подчеркнули, что, хотя траектории модернизации постсоветских государств различаются, в каждом из них уже сформировались отличительные политические, социальные и институциональные рамки, позволяющие критически осмыслить пути их развития. Несколько экспертов провели параллели с восточноазиатскими моделями ускоренной модернизации, такими как Япония, Сингапур и Китай, отметив, что даже за более короткий исторический период преобразующие

реформы дали ощутимые результаты. С этой точки зрения они сочли три десятилетия разумным сроком для определения того, доказали ли принятые политические и экономические модели свою эффективность.

Однако, помимо количественных показателей, эксперты подчеркнули необходимость оценивать модернизацию с точки зрения ее качественных преобразований, особенно изменений в ценностях, коллективном сознании и гражданской культуре. Как отметил один из экспертов, модернизация влечет за собой не только экономические, но и моральные и психологические издержки; каждая реформа несет в себе свои риски и противоречия. Другие отметили, что проекты модернизации следует оценивать с точки зрения их первоначальных целей, поскольку успех реформ зависит от их соответствия национальным условиям и меняющимся социальным реалиям.

Особенно показательным был пример Узбекистана, где эксперты отметили заметный переход от самодостаточной модели импортозамещения эпохи Каримова к более либеральной, ориентированной на экспорт и открытой экономической структуре, начатый при президенте Шавкате Мирзиееве. Этот сдвиг, по мнению экспертов, ознаменовал собой исчерпание прежней парадигмы развития и начало нового этапа, который объединяет социальную, культурную и экономическую модернизацию. Аналогичным образом, ссылки на трансформационный опыт Украины были использованы для демонстрации того, что устойчивая модернизация, сопровождаемая глубокими институциональными реформами и сменой поколений, действительно может привести к политическому плюрализму, гражданской активности и укреплению демократических ценностей – чертам, часто ассоциирующимся с постмодернистским политическим сознанием.

Тем не менее, один азербайджанский эксперт выразил скептицизм относительно применимости концепции политической модернизации к большинству постсоветских государств (за исключением стран Балтии). По его мнению, тридцатилетний период был потрачен в первую очередь на создание основ суверенитета, стабильности и консолидации элиты, а не на подлинные политические преобразования. Он утверждал, что сохранение системы ценностей советской эпохи и доминирование элит, стремящихся сохранить власть, препятствуют возникновению по-настоящему современного или постмодернистского политического порядка. Согласно этой точке зрения, требуется смена еще одного поколения, прежде чем смогут произойти более глубокие структурные и культурные преобразования.

В целом, данные ответы свидетельствуют о широком консенсусе в отношении того, что постсоветские общества в значительной степени завершили начальную фазу государственного строительства и в настоящее время переживают сложные преобразования, которые могут иметь как современные, так и постмодернистские характеристики. В то время как экономическая и институциональная модернизация в Азербайджане, Казахстане и Узбекистане продвигалась неравномерно, признаки постмодернистского плюрализма – фрагментация идентичностей,

диверсификация политического дискурса, усиление информационного управления и возрастающая роль символической легитимности – уже можно наблюдать, особенно в культурной и коммуникативной сферах.

С теоретической точки зрения размышления экспертов подтверждают постмодернистское представление о том, что модернизация и постмодернизм не являются строго последовательными явлениями, а могут сосуществовать в рамках одной и той же социально-политической реальности. Эти общества одновременно переживают элементы традиционализма, современной рационализации и постмодернистского сознания. Следовательно, применимость теории постмодерна к постсоветскому контексту заключается не в предположении о полном вхождении в состояние постмодерна, а в признании гибридного, перекрывающегося характера трансформации, в которой глобальные и локальные нарративы, западные и незападные парадигмы, рациональные и символические измерения власти постоянно взаимодействуют.

В конечном счете, выводы экспертов показывают, что признаки постмодерна в Азербайджане, Казахстане и Узбекистане наиболее заметны не в полной замене современности, а в продолжающемся взаимодействии между унаследованным советским наследием, местными культурными рамками и глобальными влияниями постмодерна. Это взаимодействие формирует особую траекторию «незападного постмодерна», в рамках которого поиск идентичности, легитимности и производство знаний становятся как политическим, так и философским процессом.

В свою очередь, вышеуказанные ответы азербайджанского эксперта об обстоятельствах и факторах, которые стали препятствием для реализации проекта «модерн» за данный период, подтолкнули автора на мысль-гипотезу о том, что постмодернизм, не как феномен в рамках исторического этапа развития, а как интеллектуальное течение, может иметь колоссальное влияние и на незападные традиционные общества и задавать модальность их последующих траекторий, вне зависимости достигли ли они успешных результатов от политики обновлений и изменений. Так же из данного ответа становится неясным насколько настоящее положение большинства постсоветских обществ является переходным, требует ли оно определенного времени, или же является совсем иной моделью развития.

Для наилучшего понимания положения, вкратце обратимся к исторической ретроспективе модернизации в незападных обществах. Так, в конце XX века в условно обозначенном незападном мире постепенно начинаются широкомасштабные эпизоды модернизации, результативность и эффективность реализации которой варьируется в зависимости от конкретных условий и факторов в том или ином обществе. В одних случаях модернизация ускоряет социально-экономическое развитие, усиливает демократические политические институты и процедуры, в других странах нововведения создают кризисные условия. Безусловно, процесс глубоких преобразований государственных и общественных отношений зачастую сталкивается одновременно как с ожидаемыми, так и с непредвиденными вызовами –

переход от одного типа общественного развития проходит довольно длительный путь и с учетом локальных особенностей. Вслед за трансформациями в политике и экономике происходит сжатие в пространственно-временной категории, т.е. дается пуск стремительным переменам, связанных с глобализацией – уничтожение, стирание пространства посредством сокращения времени и усиления информационных коммуникаций, что в достаточной степени влияет на уменьшение сроков оборота капитала.

Это время было ознаменовано как для западных, так и незападных обществ продолжением реализации мегапроекта под названием «модернизация» – как принято полагать, перехода от традиционного общества к развитому современному индустриальному, а далее к постиндустриальному обществу, сконструированному на основе просвещенческих образцов государств Западной Европы, где народ выступает в качестве ведущего источника власти. Их модель политической системы и процедур, государственного устройства продемонстрировала свою результативность – повышение экономического роста, высокий уровень обеспечения прав и свобод личности, а одним из форм осуществления демократических процедур стала представительная демократия, согласно которому граждане по обоюдному согласию с государством вручают мандат доверия и власти тем, кто будет управлять страной от имени этих граждан и в их же интересах, требованиях.

В незападных обществах (в особенности, в странах Африки, Азии, Латинской Америки, а позднее и бывших советских республик) механизмы и инструменты официально декларированного политического представительства, начали функционировать не так, как следовало изначальной идейной постановке. Для каждого случая на это имеется серия разных причин и факторов, разбор которых требует отдельного исследования, с более узкой направленностью. Так, имеет место быть: роль лидера, «особый путь» развития государства, историко-географическая специфика, сложность преодоления временного опыта за малый промежуток времени. Но так или иначе появление на арену новых кардинально других условий и вызовов поставило под вопрос степень результативности и продуктивности отработанных в XX в. политических институтов, в частности систему представительной демократии. Это во многом стало причиной выстраивания предположений о кризисе модернизации в некоторых незападных обществах, а также об усилении (с точки зрения международных отношений) иных наравне с государством субъектов при принятии важных решений, что является довольно зрелым индикатором постмодернизма.

Достаточно весомым маркером потери народного мандата политического представительства как в западных, так и незападных странах выступает глобализация сферы экономики и идущая в ногу с ней субъективизация других акторов, к примеру, транснациональных корпораций (ТНК), на долю которых небезызвестно приходится большая половина мирового производства. В целом, на тему воздействия деятельности ТНК на принятие тех или иных государственных решений было проведено множество научных исследований.

Так, согласно И. Мамедову, транснациональные корпорации оказывают колоссальное влияние на внешнюю и внутреннюю политику государства в различных сферах – начиная экономики и политики, и заканчивая культурой и экологией. Автор выделяет распространенные инструментарии и разнообразные формы влияния ТНК на политику: «1) Переход государственных служащих в кадровый штат транснациональной компании; 2) Встречный переход представителей ТНК на государственную службу и дальнейшее лоббирование их интересов; 3) Принятие участия ТНК в важных консультативных, совещательных мероприятиях, где определяется последующая стратегия в экономике и политике государства; 4) Финансово-экономическая и иная поддержка политической элиты и политических партий; 5) Активизация групп давления и лобби; 6) Угроза со стороны корпораций сократить инвестиции в государственный бюджет; 7) Коррупция и подкуп государственных чиновников и лиц, которые принимают важные политические решения» [209].

Необходимо подчеркнуть, что если ранее авторами основополагающая функция ТНК рассматривалась сквозь призму усиления экономического и политического воздействия развитых стран на развивающиеся [210], [211], [212], то сегодня вопрос ставится иначе – современные ТНК становятся источником власти не только в отношении развивающихся стран, но и в самих развитых странах [213]. Другими словами, проект модерна – институт представительной демократии – в современных условиях трансформируется не в контексте своего изначального содержания. Как отмечал И. Валлерстайн, согласно которому претерпевает сложившаяся социально-политическая система наступление кардинальных перемен и усиление неопределенности: «Мы вступаем в период испытаний. Его последствия неопределенны. Мы не знаем какой тип исторической системы придет на смену ныне существующему. Но мы наверняка знаем, что та своеобразная система, современниками которой мы являемся, система в которой государства играли ключевую роль в обеспечении безграничного накопления капитала, не способна более функционировать» [214], а также добавил, что появляются «признаки распада миро-системы модернити и капитализма как цивилизации» [214, С.46]. В призме международных отношений становится весьма показательным вопрос о ТНК, наступательная деятельность которых определенным образом разрушает основные положения о категории источника власти. Следовательно, в отношении не знающих границ ТНК объективны вопросы: «В какой степени в конкретном государстве источником власти является народ, а в какой транснациональные корпорации?» и «Может ли рассчитывать народ, вручая мандат своим представителям, на обеспечение его же интересов, а не интересов транснациональных корпораций?». Эти вопросы с точки зрения взаимосвязи международных отношений и постмодернизма, безусловно, вызывают серьезные размышления. Однако в свете оформления данной работы представляется уместным более заострить внимание еще и на изучение особенностей политического развития, степени реализации политической

модернизации в незападных обществах, а также представить постмодернистскую логику описания на происходящие процессы.

Дискурс политического развития в рамках постмодернизма делает акцент на том утверждении, что в процессе перехода от традиционного общества к индустриальному, а далее к постиндустриальному (или же информационному), анализ развития различных обществ во многом осуществляется за счет отражения количественных показателей, и не учитываются политические, экономические, социокультурные аспекты и исторические изменения. Ссылаясь на несложные, однозначные данные проводятся грубые аналогии между традиционными обществами XX в. и западными традиционными обществами XVII-XVIII вв. В книге «Империя» в разделе под названием «Постмодернизация, или информатизация производства» М. Хардта и А. Негри подобная историческая ловушка, применяемая в экономической аналитике «сводит аналогию к временной последовательности так, что некая экономическая система рассматривается как занимающая то же положение или стадию в общей последовательности развития, что занимала другая в предшествующий период, как будто обе они развиваются по одному пути, двигаясь вслед друг другу» [212]. Согласно авторам, с точки зрения качественных показателей, т.е. исходя из иерархического положения обществ в мировой системе политики и экономики, они абсолютно несовместимы. И в рамках преобладающего на сегодняшний момент дискурса политического развития представляет собой утверждение о том, что политико-экономическая и социокультурная история всех обществ ориентирована на один единственный, линейный и для всех универсальный путь развития с той лишь разницей, что каждое общество проходит его в разное время, в условиях различных обстоятельств и с неравной скоростью (наиболее подробно подобные положения описаны концепциями транзитологии). Страны, в которых в настоящее время слабо развиты демократические институты и процедуры, и отстают в промышленном и информационном производстве, определены как «развивающиеся», и лишь при условии следованию правил и стратегии политической модели ведущих развитых обществ, можно достичь зрелой и развитой стадии развития. Хардт и Негри заявляют, что эта мировая системообразующая парадигма построена на анализе, не учитывающем один весьма важный факт – «эти общества занимают субъектное, господствующее положение в мире» [215, С.264], что в значительной мере предопределяет их иерархичное положение на мировой арене и попытки навязывания собственного пути развития.

Политика догоняющей модернизации по опыту западных обществ на первый взгляд представляет собой успешную стратегию развития путем преодоления и проработки ошибок, кризисов и моделирования политической, экономической, социокультурной системы на готовых стандартах. Однако спустя несколько десятков лет после неписанного провозглашения так называемой вестернизации незападных стран, они не могут на должном уровне продемонстрировать рабочие признаки и индикаторы демократии.

«“Незападные страны” страны были огромным полигоном для апробирования различных, иногда самых экстремальных, проектов “модернизации в обход модерна”. Среди этих стран мы находим Китай, Индию, все страны Латинской Америки, Африки, арабского мира и Центральной Азии и др. В них общественное устройство либо стало гибридным, либо продолжает оставаться традиционным» [216].

Собранные автором ответы в рамках экспертного интервью предоставляют огромный материал по теме того, что пройденный Азербайджаном, Казахстаном и Узбекистаном исторический путь, начиная с советского периода, – это непрерывная «модернизация в обход модерна».

Так, идея идти по западному типу развития без учета множества факторов начала обосновываться еще в период существования Советского Союза, а именно отчет необходимо вести от Косыгинских реформ в 60-е гг. XX столетия. Далее идут процессы развития денежно-кредитной политики. За апофеоз можно принимать 90-е гг. XX в., когда распался СССР – «право сильного» возобладало и модернизация по западному пути стала признаваться единственно возможной. Это было связано, в первую очередь, с развалом промышленного потенциала и с миграциями, которые стремительно проистекали на территории данных стран. К примеру, в 1994 г. сальдо миграции в Казахстане в отрицательную сторону было колоссальным – выявлен многотысячный исход из страны: «*Данные факторы предопределили то, что прежняя модель стала признаваться несостоятельной. Другое дело, была ли она такой или нет в данном контексте абсолютно неважно. Главное, что эту модель признали таковой и решили, что западный путь развития – это то, что необходимо казахстанскому обществу. С этого времени модель “догоняющая модернизация” – наше всё*».

- *«Все подлинные политические тренды, развиваемые на Западе со времен Первой буржуазной революции в Англии, были неоднократно заменены их симулякрами и их превращенными формами не только в Российской Империи, но и в Советском Союзе, которые сформировали авторитарные режимы управления страхом и насилием уже после его развала»*.

- *«Советский Союз всю модернизацию своего народного хозяйства проводил на основе переноса западных компаний и технологий (индустриализация), участвовал и сохранился во Второй Мировой Войне за счет лend-лиза, восстанавливал народное хозяйство за счет репараций и перемещения заводов и фабрик, технологий и научных достижений той же Германии, сохраняя эту производственно-техническую базу практически вплоть до своего развала»*.

- *«Никакого сознательного выбора классической модернизации после развала СССР и обретения независимости новыми государствами не было, а было стихийное реформирование общественно-экономических отношений на основе политической и социально-экономической целесообразности сохранения стабильности социально-политической и экономической обстановки теми же административно-хозяйственными методами. Хотя некоторыми советами*

Всемирного Банка и Международного Валютного Фонда правительство Казахстана и пользовалось. Как пользовалось методологией сокращения инфляции, заимствованием некоторых неэффективных моделей приватизации и т.д.».

После распада Советского Союза для Азербайджана и Казахстана единственной реальностью на тот момент стала безоговорочная победа Запада с его ценностями. Это – многопартийная демократия, либеральная экономика и общество с обеспечением прав человека. Учитывая изначальную эйфорию, идеологическое восприятие того, что на глобальном плане данные ценности будут распространяться на одинаковом линейном уровне, в своих Декларациях о Независимости Азербайджан и Казахстан заявляют, что их дальнейшее развитие будет построено именно по западному пути: *«Но как со временем показала практика, стало ясно, что глобализация, с ее скоростью, и восприятие западных ценностей и институтов не распространяется на равном уровне по всему миру, поскольку Запад во многом не воспринимает мир равноценно. В дальнейшем мы видим, как данное восприятие постепенно получила свои коррективы и о подражании по западному типу уже речь не идет».*

- «*Выбор Азербайджана был определен историко-географическими и социально-культурными факторами. Но тут как говорится, гладко было только на бумаге. Отсутствие соответствующих традиций делает крайне сложным переход к западной модели, и мы имеем имитационную модель при желании общества жить по стандартам демократии».*

Азербайджан, Казахстан и Узбекистан в своем развитии переживают уже третью модернизацию: в составе Российской империи в период переживания капитализма; в период Советского Союза; и в настоящее время с начала обретения суверенитета. В постмодернистском ключе – субъективизации собственной «уникальной» модели – высказаны следующие мнения экспертов:

- «*Понятия "модернизация" и "подражание Западу" – не совсем подходящая модель развития, присущая истории Казахстана. Главный вопрос – нужно говорить не о вестернизации, а о модернизации и шаблонном следовании в развитии, что, к примеру, если мы пойдем чисто по американскому пути, то у нас произойдет рынок, капитализм и т.д. Если даже есть институты, нужны еще и ресурсы, это нужно учитывать серьезно. Те, кто идет следом по линии догоняющей модернизации, там нет западной модернизации*».

- *«У запада переняли лишь рыночные механизмы, и общие контуры республиканских форм правления. Решение других вопросов, в том числе, административных оставили на потом. С самого начала, например, в Узбекистане на каждом углу ораторы ораторствовали, что никакого простого копирования западной модели у нас нет и не будет, более того, у нас есть свой уникальный институт – махалля».*

- *«Европоцентризм считать, что права человека – это приоритет «западной модели» общественных отношений. Права человека в азиатском его*

понимании, это приоритет коллективного над индивидуальным. Народы Центральной Азии доказали и доказывают в эти дни, что они преданы идее суверенитета, ставя интересы своих стран превыше всего».

2.1.2 Постмодернистская динамика и неопатримониализм политического развития Азербайджана, Казахстана, Узбекистана

В данном ключе постмодернистский нарратив предлагает свои взгляды на последствия заимствований, попытки адаптации основных идей и положений модернизации в контексте локальных особенностей. Реакцией на сложные и скорые преобразования во всей системе государства и общества стал отход от истинных и фактических реформ, а также выбор в пользу модальности пути развития – «в обход модерну». Речь идет о новой форме политико-административного господства, построенного на основе сочетания логики архаично-традиционного и современного, рационального вида доминирования – *неопатримониализма*. Данная концепция интерпретирует динамику политического развития третьего мира, включая и определенную часть постсоветского пространства, в противовес распространенным теоретическим положениям транзитологии. Неудачные попытки реализации политической, экономической, культурной модернизации, либо ее фрагментарность в Азербайджане, Казахстане и Узбекистане, а также в ряде постсоветских республик, подвергли под сомнения концепцию транзита и акцент сместился в сторону переосмысления реальности с точки зрения неопатримониализма.

Так, политическое развитие данных государств строилось не на основе заданной, линейной и централизованной от Запада модели развития: классического перехода от автократии к демократиям. Политические элиты этих стран начали выстраивать иную стратегию – практика развития современных политических институтов *синтезировалась* с архаичными доправовыми и домодерновыми элементами [217], и это отнюдь не имело переходного или промежуточного этапа развития между тоталитаризмом и демократией, а выступало как конечная точка со своей логикой развития.

Третья волна демократизации не затронула постсоветские страны во многом из-за отсутствия рационально-легальных систем и институтов, которые должны были предшествовать демократическим преобразованиям: «Постсоветские государства в своем большинстве начали процессы демократизации и маркетизации в условиях отсутствия ряда существенных национально-государственных характеристик, которые являются необходимыми условиями успешной реализации проекта создания рыночной экономики и либеральной демократии» [218]. Данная причинно-следственная схема развития постсоветского пространства, предложенная Т. Кузьо, наилучшим образом объясняет кризис демократизации в бывших советских республиках и отход к неопатромониальному режиму – эти общества не успели завершить процесс национально-государственного строительства и внедрить даже если и не масштабные, но базовые рационально-легальные механизмы

политического управления. Следовательно, основные положения в транзитологии о том, что патримониальное господство с его нормами, паттернами и особенностями свойственно исключительно к древним и средневековым традиционным обществам и традиционному типу политической легитимности, было подвержено существенной критике [219].

Ш. Эйзенштадт одним из первых выдвигает центробежное положение (наиболее сопряженное с постмодернистской парадигмой) о несостоятельности линейного развития, субъект-объектной дихотомии в контексте западного проекта модерна, о том, что патримониализм нужно рассматривать вовсе не как наследие человечества, оставшееся в далеком прошлом, а современная модифицированная форма политического господства: «Использование понятия “патримониальный” для описания этих различных режимов вытекает из реакции на неадекватность центральных предположений базовых исследований по теории модернизации, также как и таких более поздних концептов, как “провал модернизации”, “политический упадок” или “переходное общество”. Это понятие подчеркивает неадекватность этих предположений, указывая, во-первых, что многие эти общества и страны отнюдь не движутся по направлению к современным национальным государствам или обществам революционного типа; во-вторых, что эти режимы не обязательно представляют собой некую “транзитную”, “переходную”, промежуточную фазу на заданном пути к единому варианту современности; в-третьих, что в их развитии, напротив, присутствует некая своя логика; и наконец, в-пятых, что, по крайней мере, часть этой логики или паттерна изменений может вытекать из некоторых аспектов исторической традиции этих обществ и может быть объяснена именно в ее рамках» [217, P.10].

В пользу парадигмы неопатримониализма утверждалось, что традиционный тип господства может совмещать свою институциональность при формальных признаках рационально-легального типа господства, и тем самым изображать *видимость* становления современного политико-административного аппарата с демократическими основаниями. Так, например, партийно-парламентская система в неопатримониальных государствах не соответствует своему значению как институту артикуляции интересов общества. Его означающая исходная точка замыкается на политическом патронаже, клиентизме и апроприации публичных ресурсов политического и экономического характера [220].

В постмодернистском ключе так же небезынтересны особенности рекрутирования политической власти в неопатримониальных режимах: такие правления «отличаются от легально-рациональных бюрократий тем, что занятие позиций в госаппарате осуществляется вне принципов конституционно регулируемого законодательства или карьерного продвижения в соответствии с подготовкой и эффективностью» [221]. Т.е. организация системы политической власти не обязательно требует базовых качеств правления – харизмы, ораторства, привлечение граждан высокими целями и идеями, искусства управления, образования. Она так же не ограничена ни политическим режимом

(от тоталитаризма до плюралистической демократии), ни политической идеологией (от социализма-коммунизма до капитализма), следовательно, может проявляться как в западных демократических, так и не западных авторитарных обществах.

Неопатримониальный политический порядок в Азербайджане, Казахстане и Узбекистане сквозь призму постмодернистского осмысления отчетливо проявляется в применении таких стратегий и методов управления, как пост-правда и симулякры. Они используются политическими элитами в целях достижения изменений политических результатов под фасадом кажущейся институциональной стабильности. Концепт «означаемое – означающее» на практике дополняется процессом конверсии, в ходе чего субъекты перестраивают институты, механизмы и в целом политику для достижения целей, сильно отличающихся от изначально заданных идей и задач, постепенно уходит в забытье вопрос – для чего они были созданы (и для большинства становится абсолютно нормальным и привычным подобная логика реальности). Таким образом, природа постмодернизма и неопатримониализма соответствуют друг другу так же по части целей-симулякров: политическое руководство в таких обществах выполняют свои основные функции в формальных институциональных сферах государственного управления и электоральной политики, маневрируя более скрытыми и менее рискованными способами, чтобы представлять свои собственные интересы и интересы иных клиентских групп.

В рассматриваемых странах (кроме персоны президента страны и его приближенных) такие политические компоненты, как партии, парламент, группы интересов, профсоюзы не представляют собой то, что они должны представлять – их система функционирования в достаточной мере «перевернута». Так, к примеру, неопатримониальный характер политических партий в Азербайджане, Казахстане, Узбекистане (несмотря на многообразие и разность их социально-экономических, культурно-исторических, политико-правовых, идеологических систем и траекторий развития) проявляется следующим образом: «Не партии контролируют формирование и функционирование правительства и других государственных органов, а напротив, правящая власть направляет и контролирует деятельность партий и других общественных организаций, превращая их в придаток государственного аппарата, политические агентства при неопатримониальной бюрократии. При этом партийные органы превращаются в некие разновидности государственной администрации, а партийная бюрократия как бы растворяется в бюрократии государственной» [222].

Схожим образом сформирован и законодательный орган в этих государствах – парламент, в действительности не самостоятелен в принятии и отправке политических решений (поскольку его состав структурирован из представителей доминирующей партии, лояльной правящему режиму), и не имеющего особого контроля над правительством. Контрэлита, представители иных политических сил и интересов, попадая в систему парламентского

клиентилизма зачастую соглашаются с установленными здесь правилами игры, поскольку только таким образом можно сохранить депутатское кресло и продолжать получать материальные, статусные и иные преференции. Следовательно, речь идет о существенной иерархизации власти в лице патрона (надпартийного арбитра) и его приближенных, а не избирателей.

После распада Советского Союза, образования новых суверенных политических общежитий, прихода «демократов» к власти в Азербайджане, Казахстане и Узбекистане во главе с А. Муталибовым, И. Каримовым и Н. Назарбаевым, соответственно, многие элементы модели государственного развития в корне изменились, однако несмотря на кардинальные изменения, примеры «минус-системности» в постсовках продолжали нести свою лепту в сохранении деструктивности: «Там есть свобода, но нет конституции. Есть парламент, но нет парламентаризма. Есть “отпущенные” цены, но нет индексирования зарплат и пенсий. Есть “приватизация”, но все еще нет частной собственности. Есть партии, но нет многопартийной системы. И так до бесконечности» [223]. Данное высказывание тесно соприкасается с гиперреальностью уже современных Азербайджана, Казахстана и Узбекистана, где название института парламента существует, но его трудно отнести к парламенту в его традиционном выражении. То же самое с законами, судами, полицией, гражданским обществом. На первый взгляд в стране есть все, но в то же время нет ничего, потому что они являются лишь декорациями. Все эти разрозненные примеры объединяют реалии постсоветских стран (кроме Прибалтики) в одно определение цивилизационной политико-культурной модели – система со значительным отсутствием необходимых для демократических преобразований элементов. Такие системы можно назвать, как «общества дефициты» или «минус-системой», однако сущность их следующая: значимая нехватка чего-то необходимого для дальнейшего прогрессивного развития.

Заимствование демократических институтов и процедур, их перенос на постсоветскую реальность полностью подвергло систему современной модели парламента, политических партий, выборов, механизм сдержек и противовесов между ветвями власти глубокой трансформации в сторону их полного искажения. Эти институты стали некой удобной и выгодной пленкой, за которыми прикрывались неопатримониальные типы господства. К примеру, формальные модернизационные реформы в Казахстане выглядели следующим образом: за основу создания Конституции была взята французская модель; за основу пенсионной системы – чилийская модель; за основу политической системы и режима – западная модель представительной демократии; сферы образования – Болонская система; конструирование идеологического проекта «нация» на основе существующих в мировом опыте технологий нациестроительства; духовно-культурная составляющая характеризуется пестротой, слиянием, смешанностью воедино религии, архаичных, иррациональных элементов. Подобный нулевой уровень развития политической власти, когда происходит негласный отказ от новых

рациональных и социально-ориентированных моделей в пользу выбора уже готовых систем и механизмов, показывает то, что клиентелизм в неопатримониальном обществе как раз-таки не нацелен на то, чтобы формировать новые альтернативные политические силы, новые идеи по устройству общества и власти – достаточно лишь присоединиться к существующему порядку и играть по их правилам, в результате чего можно получить покровительство от власти. Другими словами, перед нами сознательный отказ руководства государства от воспроизведения реальности как таковой в пользу поддержания олигархических и султанистских режимов господства.

Двойственность значения в политических, экономических и социокультурных системах заключается в их сложной природе – отчасти современной, отчасти какой-то иной, а именно традиционной или патримониальной. Такая гибридность и «двоякость формулировок», вероятно, отражают стремление политических властей одновременно вести диалог, как с широкой общественностью, так и с международными субъектами по вопросам прав человека и демократизации. Примечательно, что неопатримониальные режимы, в отличие от классических патримониальных, склонны скрывать истинную природу своих политических практик. По мнению автора, такие популистские тенденции и формальное реагирование на общественные требования представляют собой попытки смягчить потенциальное социальное недовольство и конфликты. В рамках постмодернизма одним из важнейших условий осуществления политических реформ является их встроенность в неоднородную «ткань» современного общества. Частое использование знакомых универсалистских ссылок на права, свободы и справедливость, выраженных в таких фразах, как «отзывчивое государство», «справедливое государство» и «зрелое государство», иллюстрирует постмодернистский (и особенно постправдивый) метод согласования реформ с преобладающими социальными реалиями. Однако в то же время такая практика подрывает стремление модернистов к проведению действительно новых и преобразующих реформ. Именно эта «самодостаточная игра исторических аллюзий и стилистических пастишей является основной чертой постмодернизма» [11, С.105].

В Казахстане после обретения независимости объективно стала острой потребность в нахождении нового цивилизационного пути, однако элиты, подхватившие власть, сосредоточились на ее концентрации и централизации, практически отодвинув на задний план процесс демократизации и создания конкурентной политической среды. Именно в этот момент окно возможностей выбора нового цивилизационного пути закрылось. Страна пошла по колее авторитаризма, декларирующего реформы и все больше склоняясь к иррациональным и псевдоконкретным институтам и способам развития. Конституционный Совет вместо полноценного Конституционного Суда, Ассамблея Народа Казахстана как внеконституционный орган укрепления президентской вертикали власти, монополизация и олигархизация

экономики, отсутствие системы сдержек и противовесов, забвение политических прав и свобод личности и как следствие – политическая монополия власти. Прикрываясь атрибутами демократии, софистически подменяя функции различных субъектов и ветвей, власти сами стали бороться с реальной сущностью демократического строя, превратились во врагов подлинной демократии. Потому что не произошла десоветизация, дерусификация и декоммунизация. Не были сделаны выводы, не были пройдены уроки. Поэтому периодически происходят трагические события (Декабрьские 1986, Жанаозенские 2011, Январские 2022).

Несмотря на то, что новыми государствами с их «демократами» во главе были объявлены необходимость построения собственной модели развития, не скрывалась симуляция, условные подражания развитым западным странам. Следует подчеркнуть, что симуляция в постмодернистской риторике не рассматривается как нечто отрицательное. Симуляция – это не фальсификация, она заведомо исключает разграничение истины и лжи. Тем временем все, что современные постсоветские государства берут чужого, они отчуждают в процессе усвоения, подвергают к оценочной насмешке, критике.

Вследствие псевдоморфозы, постсоветские страны стали излишне чувствительны к призракам других культур, поскольку гиперреальность подразумевает сосредоточенность на усвоенных и заимствованных качествах, нежели на их исторических подлинниках. Даже у себя на родине имена западных, русских мыслителей, философов, ученых и писателей не звучит таким раскатистым эхом, как в постсоветских странах, в частности в рассматриваемых кейсах. Идеи европейского просветительства, прогресса, индивидуализма, научности, атеизма, либерализма как никогда столь стремительно не набирали свои обороты, как сейчас в незападных обществах. Основной задачей вторичности культуры служит усиление качеств подлинника с одной лишь, но важной, оговоркой – подлинник не берется полным, не обхватывается, не учитывается вся сложность процесса его развития, вырывается лишь какой-то обрывок из контекста, необходимый для чьих-либо интересов, выгоды, оправдать, обосновать, откуда мы и сталкиваемся с поверхностной половинчатостью. К примеру, идея научности может быть понята лишь карикатурами на нее, в лице «научного атеизма», которая выгодна государству для построения светского государства: «не существует научного опровержения божественного начала». Исторический же подлинник идеи научности в его западноевропейском контексте сформулирован совсем иначе: «Ничто так не согласно с разумом, как его недоверие к себе» [224]. Те или иные отдельные элементы западного уклада жизни и мировоззрения были преобразованы в концептуальные квинтэссенции. Однако мы пошли дальше, не ограничиваясь теорией и методологией, мы пытаемся притворять это на практике, сознательно накладывая на уже сформировавшуюся слой гиперреальности другие искаженные, умышленные реальности.

Да и сам факт того, насколько на Западе функционирует совокупность тех идей, которые бы стали примером для наших обществ, является вторичной

информацией. Прогрессивно западнически настроенные наши сограждане сами же не могут в конечном итоге обнаружить в западных обществах те идеалы, которых мы боготворим.

Как в свое время делился мыслями А. Герцен: «Европа нам нужна как идеал, как упрек, как благой пример; если она не такая, ее надобно выдумать» [225]. Как галлюциногенный препарат, Запад для постсоветских стран стал подражателем, примером, «передовой» и прогрессивной моделью развития не сегодня, и не в момент обретения независимости в условиях необходимости выбора дальнейшего пути, а стало яркой идеей во время ее обоснования в качестве вторичного сознания в СССР. Идея «Запад» стала постепенно воплощаться в разнообразных «как бы западных» гиперреальностях, гиперсобытиях, которые характеризуются искусственной политикой «прогрессивного Запада», и в свою очередь, пародию, симулякр и псевдо. В последние два десятилетия существования Советского Союза, «западное» проникало в советское общество не таким, каким он был на самом деле в западных странах. В какой бы сфере не появлялись иностранные знаки, марки, фирмы – политика, экономика, культура, быт, развлечения – это не было собственно блеском, который отражал Запад, и даже не являлось второсортной имитацией западного образа, а чем-то третьим несхожим способом существования – угар, блеск и шик, чего не встретишь даже среди высшего класса западного общества. Подобного «Запада» нет в самих западных странах, он есть лишь в тех посткоммунистических обществах, где за основу модели развития была взята всеобщая модернизация, вследствие которой сформировалась уникальная культура, когда имитация чуждой культуры становится способом непостижимости собственной культуры.

Таким образом, в данной части диссертации автор исходит из идеи, что одновременное сосуществование исторических условий традиционного (премодерна), модерна и постмодерна считается типичным и даже неизбежным для стран вне Запада, выявлены изменения в социально-политической структуре общества, которые могут быть охарактеризованы как признаки постмодерна, его социальная проекция в незападных обществах и причины популярности. В качестве общего прояснения следует выделить следующие положения: а) модернизация незападных обществ проходит в рамках одного из двух разноплановых направлений – модернизации в ее классическом понимании и модернизации «в обход модерну»; направление той или иной модернизации, как правило, целиком предопределяет характер проявления постмодернистских индикаторов; б) современное общественное состояние как в западном, так и незападном мире не является эпохой постмодерна, и таковой быть не может – постмодерн не преодолевает модерн, а продолжает модерн, осмысливая и критикуя определенные его положения; в) всякое традиционное общество, преступившее к проекту «модерн», в конечном итоге предусматривает определенную долю присутствия постмодернистских тенденций, вопрос лишь в том – насколько они выражены и какова степень их бесконтрольности.

Постмодернистские признаки широко выявляются при анализе ответов экспертов в той части, когда большинством из них утверждается об уникальности самобытности незападных обществ, которые не признают линейного единого развития. Согласно их мнению, единого прогрессивного образца формирования мироустройства нет и не может быть по определению, потому как каждая страна, и каждое общество живут в конкретных условиях, самоидентифицируют себя самостоятельно, подтверждая мысль о единстве многообразного лишь в общечеловеческих ценностях и, теперь, если говорить о кодификации в праве, в системах прав и свобод личности. Да и здесь, различия могут быть весьма существенными. Индикаторы постмодернизма имеют место быть как в обществах, где модернизация успешно реализовалась, так и в тех обществах, где модернизационные проекты находятся в процессе своего осуществления, так же зачастую бывает и так, что некоторые традиционные общества, следуя модальности «в обход модерну», переходят в состояние постмодерна, с сохранением определенных элементов модерна, премодерна.

2.2 «Нация» как модерный политический проект в рамках постмодернизма

В настоящем разделе исследования автор не имеет целью затрагивать отдельные проблемные вопросы возникновения идеологии национализма, процессов нациестроительства, а также особенности национальной идентичности в каждой из рассматриваемых стран. Однако анализ категории «нация» сквозь призму постмодернистской парадигмы, и вопрос того, как данное интеллектуальное течение влияет на национальную идентичность изучаемых кейсов, представляет собой неподдельный научный интерес. В целях системного понимания проделана попытка в общих чертах раскрыть генетическую и структурную связь представления о нации и национализме с процессами модернизации, а также представить данные феномены с точки зрения критики конструктивистов и постмодернистов (методология конструктивизма к концептуализации нации, по мнению автора, наилучшим образом способствует постмодернизму для понимания вопросов о национальном).

2.2.1 Влияние постмодернизма на процессы национального строительства

Конструктивизм по своей логике мышления тесно перекликается с постмодернистскими установками, особенно по части того, что все нации, этносы являются субъектами, а не объектами, и это нас плавно переносит так же в постколониальные исследования (в работе так же не делается на них тщательный обзор и анализ). Со второй половины XX в. в научно-интеллектуальных кругах западного мира радикальному пересмотру были

подвергнуты многие постулаты, обретшие политический резонанс (прежде всего, те, что привели к диктаторским эксцессам) и продолжающиеся по нынешнее время. Под сомнением оказались любые социально-политические теории о конструировании идеального мира с одной единственной моделью развития, и как следствие, поставлен серьезный вопрос *о необходимости в дальнейшем разработки политической идеологии*. Ж.-Ф. Лиотар именно в этом предусматривал поворот мышления в постмодернистскую плоскость. Эти процессы описываются так: «Всемирно-исторический провал проекта Просвещения, выразившийся в политическом отношении в крахе и разрушении в конце XX в. порожденных этим проектом светских, рационалистических и универсалистских политических движений – и либеральных, и марксистских – и преобладании в политической жизни этнических, националистских и фундаменталистских сил наводят на мысль об ошибочности философской антропологии, на которой зиждился проект Просвещения. В этой философской антропологии различие культур рассматривалось как эфемерная случайность в человеческой жизни и истории. Опровержение данной точки зрения историческим опытом представляет собой явление, исследование которого традиционное либеральное мышление, считающее различие культур формой атавизма или субъективного предпочтения, предназначенного принадлежать сфере частной жизни, сочло слишком опасным. Предрасположенность же к различиям между культурами – изначальное свойство рода человеческого; человеческая идентичность плюралистична и разнообразна по своей природе – как многочисленны и разнообразны естественные языки, и она всегда является разновидностью конкретных форм общественной жизни, но не воплощением единой “человечности”» [226].

В рамках настоящего анализа, прежде всего, следует выявить немаловажное различение: одно дело, когда речь идет о модерной нации и ее строительстве; другое – о модерном национализме как политической идеологии. Разграничивать данные явления серьезно надлежит в связи с тем, что делается попытка анализа именно проектов модернизации, и степени вероятности в их реализации проявления постмодернистских элементов. Итак, нация как базис национального государства – это следствие и продукт целенаправленной политической модернизации, а национализм как идеология может и не связываться напрямую с понятием «нация» – он может функционировать и вне всякого модерна. К примеру, в рассматриваемых странах Азербайджане, Казахстане, Узбекистане, которые не могут в полной мере называться постиндустриальными, а отчасти индустриальными, где на разных сегментах еще не искоренены иррациональные архаичные явления, где роль науки и технологий не достигли должного уровня, возможности развития идеологии национализма ничуть не меньше, чем в развитых модернистских обществах. Следовательно, в 80-х гг. XX в. общепринятый научным сообществом механизм, который привязывал национализм к модерну, т.е. национализм как продукт исключительно модернизации, в рамках теории конструктивизма был подвергнут критике. Ранее был распространен тезис о

том, что связанные с модерном такие компоненты и явления, как бюрократизация, урбанизация, секуляризация, рост коммуникаций, мобильность и др. формируют благоприятную почву для национального строительства, с одной стороны, и изживают традиционные, примордиальные и патриархальные элементы этнического национализма [228]. Другими словами, процессы нациестроительства и процессы модернизации – это не синхронные совпадения, нациестроительство является сугубо продуктом модернизации (как это выражалось и в марксистской логике). Данная концепция на первый взгляд оказалась довольно логичной теорией объяснения нациестроительства и убедительно экстраполировала в рамках эмпирики.

Однако несколько позже возникла иная логика на процессы нациестроительства [228] – указывалось то, что модерн является лишь питательной средой для конструирования того или иного типа национализма, националистические идеологии, движения и течения могут благополучно возникать и в тех обществах, где модерная индустриализация еще не успела полноценно оформиться. Здесь демонстрируется нечто иное – если обратиться, к примеру, к Балканам, то не существует такой ситуации, когда сначала идут процессы экономической модернизации, и впоследствии формируются националистические течения и движения. Т.е. порядок будет совершенно обратной. Безусловно, можно рассматривать национализм, как и феномен нации, как один из проектов модернизации, поскольку понимается глубокая взаимосвязанность с модерном. Вместе с этим, если изучать нациестроительство не в масштабах регионов, а на уровне глобализации, то имеет место быть поиск причинно-следственных связей между национальным и экономическим развитием. Однако в случае нациестроительства в отдельно взятом регионе или сообществе, то идея, где модернизация стоит раньше, чем национальное строительство, результат будет совершенно иной, зачастую, отрицательный.

Постмодернизм в данном контексте выдвигает императив, при котором в каждом отдельном случае, для каждого отдельного национализма, вне зависимости модерный он или нет, следует проводить свое собственное конкретное научное исследование: «Нельзя в точности сказать, что мы имеем какой-то общий закон, под который можно подвести любой случай национализма и объяснить его таким образом. Мы имеем лишь элементы, из которых складывается констелляция, но в каждом отдельном случае она складывается уникально, по-своему» [229].

В рамках конструктивизма и, сопряженного с ним по многим положениям, постмодернизма, была также подвергнута критике возникшая в 1950-х гг. известная модернистская концепция Г. Кона о двух видах национализма [230]. Кон в своей работе по логике бинарного деления относит все существующие модели национализма на гражданские (приемлемая разновидность) и этнические (то, что нужно преодолеть). Данная идея на первый взгляд легко усваивается. Логика концепции Кона зиждется на том,

чтобы «неправильные» этнические национализмы сделать «правильными» – гражданскими.

Подобную точку зрения поддерживал в своих работах Ю. Хабермас, который в качестве основного условия включения в политическое сообщество, т.е. в государство, выдвигал принцип разделения определенных базовых конституционных правил. Согласно Хабермасу, национальное государство можно охарактеризовать исключительно по правовому принципу, опирающийся на некий учредительный документ, который и дает право на принадлежность к конституционному сообществу [45, С.149].

Новая школа теории национализма – конструктивизм – возникшая в 1980-е гг. стала интерпретировать нацию как нечто возникающее, нечто собираемое, а не то, что существует в течение веков в неизменном виде – явление, придуманное историками, писателями и другими авторами, миссией которых выступило написание сконструированного «великого рассказа» о своих народах, о своей нации. Конструктивисты указывают на то, что национализм как политическая идеология основывается на совпадении и соответствии этнических и политических границ, и предполагает тезис – сколько существует этносов, столько должно существовать государств по этому принципу: один этнос – одно государство.

Конструктивизм предполагает, что для своей легитимации политическая власть создает псевдосреду, конструирует политическое сообщество и убеждает общество включать в себя данный коллектив – исторически сложившуюся нацию. Методы убеждения в данном случае подразумевает написание новой истории, ее переписывание, публикацию учебников для школ и университетов во имя объединения людей в рамках идеи об общей судьбе. Более того, как полагает Э. Хобсбаум, несмотря на неизменность археологических находок, или других исторических материалов, историки пытаются воссоздать прошлые события, или изменить их, подстраивая под субъективные их мнения, государственные интересы, отмечая «глубокие и древние» корни историй их предков [231].

Объединительный национализм, разрушающий этничность, самобытную культуру отдельных малых народов, как показывает история, вызывает серьезное сопротивление. Сепаратизм, в результате разрыва от большого национального государства, не отрывается от него полностью, а становится мини-моделью своего предшественника, но только периферийным. В процессе сопротивления данный периферийный национализм зачастую имитирует формы и язык того государства, от которого отделился, поставив цель обрести статус «нации», несмотря на свою недостаточную состоятельность по многим институциональным факторам. И в данном отношении постмодернистскому влиянию, прежде всего, подвергаются этносы, которые оказались в положении меньшинств в больших национал-государственных проектах, вследствие чего, отказываются принимать логику и данность своего положения. Так, постмодернизм способствует трансформации идеологии национализма из интегрирующей силы в дезинтегрирующую [232]. Как известно, последствиями

идеологии национализма стали затяжные кровавые войны в различных частях мира. Следовательно, интегрирующая и мобилизационная функция национализма как политической идеологии зачастую преобразовывается в деструктивную дезинтегрирующую, уносящую человеческие жизни. Из ранней истории казахов и узбеков в процессах зарождения и продвижения национальных идей можно, к примеру, отметить роль джадидов и алашовцев. Несмотря на истребление их руководителей, представителей национальной элиты в 30-х гг. XX в. и всеобщий советский террор, открытая борьба за национальные чувства перешли в подпольную борьбу.

В начале 80-х гг. на волне усиления интереса американского научного сообщества постмодернизмом, публикуется популярная по настоящее время работа конструктивиста Б. Андерсона «Воображаемые сообщества» [233]. В «Воображаемых сообществах» Андерсон утверждает, что нация – это типичное воображаемое сообщество. Реальные сообщества отличаются тем, что их можно увидеть и принадлежать в настоящий момент времени. Непосредственно целиком окунуться в жизнь страны и познакомиться с ней, с историей всех ее обитателей, возможно лишь с помощью ее обозначения на географической карте или же определенных культурных символов и знаков. Касательно конструирования нации в целом является ни что иным, как воображением. Главный вопрос нациестроительства, по Андерсону, – это то, как политическая власть будет представлять сообщество, на границах которого родились и живут его обитатели [233, С.288].

О воздействии постмодернизма на идеологию национализма нам ярко показывают случаи, которые свойственны не только незападным традиционным или гибридным обществам. В последние десятилетия следует говорить об активизации национального (этнического) самосознания обществ не только в периферийных, но и западных государствах, где основополагающим политическим и социокультурным ядром должна была стать развитая гражданская идентичность: «В век массовой коммуникации и массовых транспортных средств, Интернета и поп-культуры подобное развитие кажется парадоксальным. Еще никогда в Европе так много людей не находились в такой зависимости друг от друга и не были так тесно связаны друг с другом. Между тем, чем больше выравниваются различные европейские страны в техническом и экономическом отношении, тем сильнее многие люди ощущают угрозу своей культурной идентичности и испытывают потребность в том, чтобы каким-либо образом отличаться друг от друга. В то время как европейцы становятся все больше похожи друг на друга, в сфере потребления и ведения хозяйства, на уровне культуры они поднимают мятеж против глобализации. Из страха перед потерей культурной идентичности они изолируются, строят этно-националистические укрепления и используют культурные различия в качестве предлога для обособления» [234]. Можно предположить, что постмодернистские идеи о высшей степени субъектности, уникальности сыграли свою роль для того, чтобы дать отпор всецелой унификации и стандартизации (условно «макдональдизации» [235]). Это

проявляется и в риториках западных политических лидеров, партий, которые выступают за необходимость сохранения культурных ценностей, традиций и норм своего народа [236], [237].

Ранние попытки интерпретации «нации» и «национализма» с постмодернистских позиций содержатся в сборнике лекций Р. Тагора «Национализм» (1916 г.). Ученый определяет национализм в качестве «совершенной организации политической власти» в целях подчинения своего народа и оправдать претензии к другим обществам. Идеи о нации и национализме, по мнению Тагора, являются навязанным незападным обществам конструктами, которые таковыми не являются [238]. Он приходит к выводу об искусственности природы национализма, считая его очередной стратегической технологией политического господства, а также его заимствованную от западных обществ сущность.

Эти изменения так же рассматриваются с точки зрения усиления глобализации и необходимости учета множества контекстов: «Вопреки прогнозам десятилетней давности, глобализация не приводит к разрушению национальной идентичности. Мир – не “плоская равнина”, мир – это “пересеченная местность” с холмами, долинами и острыми хребтами национального самолюбия. В чем-то этот национализм нового типа представляет собой своего рода “геополитический фундаментализм” – люди держатся за привычную идентичность, чтобы справляться с новыми стрессами, которые принесла с собой глобализация» [239]. Так, как и другие проекты модерна, проект «нация» и степень его адаптации в том виде, в котором его конструировали, в том или ином конкретном обществе зависит от различных факторов и ситуативных условий.

Уже к началу XXI в. благодаря усилиям конструктивистов и постмодернистов у научного сообщества практически не осталось сомнений, что «нация» действительно является конструктом, который возник под воздействием определенных факторов, связанных с книгопечатанием, образованием, развитием университетского знания. На сегодняшний день каждое конкретное национальное движение и каждая национальная традиция подвергается конструктивистскому анализу, пишется иная «не великая» история. Постмодернизм в этом отношении показывает, что ценности, воспринимающие националистами как вечно существующие, на самом деле были сконструированы на их глазах, пока они «мечтали» о древности своей нации. Подобного не избежали и развитые страны. Например, элементы пост-правды содержатся в национальной идеологии Японии, которая конструировалась в эпоху Мэйдзи в конце XIX в.

Следует понимать, что подобная логика довольно болезненно воспринимается теми многими, чья идентичность в большинстве своем зиждется на признаках национализма. Действительно сложно, даже если индивид и понимает об искусственности и в некотором смысле фантазийности возникновения его «великой нации», отбить из сознания представления об общей национальной истории. Это типичный постмодернистский ход – когда

не означаемое становится первичным, а означающее. Словами Андерсона, перед нами люди, у которых возникло впечатление о принадлежности их к определенному воображаемому сообществу, которое говорит и читает на одном языке, а также участвует в одних и тех же событиях.

В современных Азербайджане, Казахстане и Узбекистане можно найти конструктивистские тексты, которые касаются тем о постмодернистском влиянии на процессы становления национальной идентичности, их национальных историй.

Так, азербайджанские исследователи признают, что «в концептуальном и фактическом восприятии идентичности происходят значительные изменения от модерна к постмодернистскому периоду» [240].

Казахстанский историк И. Ерофеева указывает на наличие в казахской среде «стремления компенсировать искусственные комплексы неполноценности, формировавшиеся в течение многих лет информационной теорией, согласно которой у кочевников “не было престижной, интересной культуры. Масса стереотипов, воображаемых историй, формировавшихся в течение долгих лет (в особенности под влиянием советской идеологии) в латентном, дремлющем состоянии, актуализировалась в связи с тем, что народ стал субъектом исторического процесса» [241]. По мнению Ерофеевой, подобные попытки конструирования проекта «нация», как со стороны государства, так и со стороны отдельных казахов отпадут лишь при условии формирования гражданской идентичности и создания самодостаточного среднего класса, которому уже не будет необходимости компенсировать жизненные утраты, отсутствующие ценности иррационализмом в форме мифов: «Отпадет принцип – пусть я бедный, но зато принадлежу к великому народу или великому роду» [241].

По словам известного казахского историка Р. Темиргалиева, казахский этнос не имеет древнюю и отчасти средневековую историю, его оформление связано с событиями после коллективизации во времена Советского Союза: «На самом деле никакого образования казахского этноса на осколках Золотой Орды не происходило. Единый ордынский народ, не имевший самоназвания (это явление характерно для Азии) продолжал свое существование в различных политических союзах. В иностранных источниках этот этнос называли кипчаками и татарами, узбеками и ногайцами, моголами и казахами, но все эти термины были политическими, а не этническими. К примеру, казахами считались степняки, подчинявшиеся власти чингизидов династии Урус-хана. При этом кочевники-ордынцы широко пользовались “правом отъезда” из улусов. Человек в течение своей жизни мог успеть побывать ногайцем и узбеком, казахом и сибирским татарином. Так и возникали ситуации, когда при хане Касыме численность казахов достигала миллиона человек, а через некоторое время казахи “исчезали совершенно” с лица земли. Потому и ведутся нынешние споры об этнической принадлежности тех или иных исторических персонажей. Кем были по национальности бек Едыге и хан Кучум, батыр Кобланды и ученый Кадыргали-жалаир, Доспамбет-жырау и мулла Алимкул?

Хотя любому здравомыслящему историку должно быть ясно, что казахами или тем более узбеками они не являлись. Современные казахи как новая этническая система образовались лишь после коллективизации, поставившей точку на истории кочевой культуры» [242].

Конструктивистские тексты можно проследить в книгах, государственных программных статьях первых руководителей Казахстана. Так, первый президент страны Н. Назарбаев в своей книге «В потоке истории» (1999 г.) указывает, что «до середины 1920-х годов идентификация в Центральной Азии была основана на: 1) религиозной; 2) региональной; 3) племенной принадлежности…. Только в середине 20-х годов Россия начала делить регион по национально-территориальному признаку. Центральноазиатские национальности в европейском понимании этого слова были, в буквальном смысле слова, созданы в этот период» [243]. В книге «Великая шахматная доска» [244] с мнением Назарбаева соглашается и известный американский политолог З. Бжезинский. Однако рассматривая более поздние программные статьи Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» [245], «Семь граней Великой степи» (2018 г.) [246] просматривается начало активных попыток конструирования проекта «казахская нация». В данном отношении небезынтересно мнение С.Г. Кара-Мурзы: «Интенсивные поиски “национальной идеи” – очень плохой признак. Если на эту темы много говорят и пишут, это означает одно из двух: либо этой идеи нет и неизвестно, где ее взять, либо она есть, но ее совсем не видно» [247].

Касательно конструирования узбекской идентичности, то М. Ларуэль предполагает, что Узбекистан в сравнении с Казахстаном применял не только национализм по этническому признаку, но и политический национализм, определяющийся через политику гражданства [248]. Но как отмечает А. Хаген конструирование национализма, национальной идентичности в странах Центральной Азии проходит в большей мере посредством манипулирования символами и мифами, другими словами пост-правдой [249]. В свою очередь, автор подчеркивает, что манипулирование символами не всегда приводит к развитию идентичности. Как указывает узбекский историограф М.М. Аскаров: «Случай с Центральной Азии демонстрирует, что эффект манипуляции символами ограничен, когда люди не ощущают продвигаемые идентичности как соответствующие их собственной жизни» [250].

По мнению А. Сенгупта, в Узбекистане политическая власть и историки официально пытаются приравнять Туран и Туркестан к искомой узбекской цивилизации [251]. В своем труде ученый изучил несколько узбекских публикаций, в числе которых и труды первого президента И. Каримова, А. Аскарова, А. Азизходжаева, Г. Хидоятова, М. Худайкулова, Т. Каххара, Р. Раджабова, С. Шермухаммедова и др. [251, P.30]. Она делает вывод, что таким образом узбекское общество пытается утвердить себя в качестве субъекта на международном пространстве.

Г. Убирия так же соглашается с предыдущими исследователями в вопросе о том, что внимание центрально-азиатских стран приковано к переписыванию

их официальной истории в целях утверждения знания об их древности и политической субъектности, населяющихся сегодня их территорий [252].

Ч. Курзман указывает на то, что Казахстан и Узбекистан все еще придерживаются советской идеологии в плане написания своей историографии [253]. Со схожими конструктивистскими взглядами делится Ш. Акбарзаде, по мнению которого, в данных странах присутствует одержимость сохранить прошлую советскую преемственность написания и интерпретации исторических событий для собственной легитимации [254].

Схожий критический анализ с конструктивистскими и постмодернистскими элементами встречается и среди азербайджанского научного сообщества. Так, можно проследить за анализом ученых содержания, направленности, характерных черт азербайджанских учебников по истории. Отмечаются часто встречающиеся фактологические искажения, отсутствие критического подхода, язык ненависти к соседним государствам, а также схожая с казахстанской и узбекской практикой об истории «вечной» азербайджанской нации: «Первый “стратегический” ляп учебников по истории – навязчивая идея о вечном азербайджанском государстве и вечной азербайджанской нации. То есть, Манна, Мидия, Атропатена, Албания, а также любые феодальные ханства объявляются азербайджанскими. В учебниках предъявляются территориальные претензии Армении, Ирану, потому что Тебриз действительно был столицей государства Сефевидов с тюркскими правителями, которых азербайджанцы на законных основаниях считают своими предками. И, что интересно, к Грузии, часть территории которой в учебниках пятого класса названа “исконно азербайджанской землей”» [255].

Как отмечает эксперт в сфере образования Н. Гуламоглу: «В наших учебниках критических замечаний довольно мало, если они вообще есть… Те, кто пишет наши учебники, подвержены популистским настроениям, они подают вымышленные и нелогичные вещи как непреложный факт. Политическая позиция также сильно на это влияет» [256].

Конструктивистские тексты касаются также критики азербайджанских ученых, которые «не могут обойтись и не указать о “мудрой” и руководящей роли партии во главе с ее лидерами. И не важно, сегодня изменилось и название правящей партии и ее лидера. В точном соответствии с принятыми правилами игры, авторы учебника отмечают, что весь курс истории Азербайджана, все переосмысление стало возможно благодаря мудрой политике Гейдара Алиева. Именно он начал уделять, по версии авторов учебника, особое внимание “укреплению исторической памяти азербайджанского народа [257]”» [258].

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что в процессе пересмотра и ликвидации «темных пятен» в истории Азербайджана возник целый блок этнических и политических мифов, стереотипов, отражавших не только сложные этапы в социально-политической истории молодого независимого государства, но и его официальную идеологию.

В контексте Азербайджана, Казахстана и Узбекистана появление конструктивистских текстов в рамках постмодернистского дискурса имеет как

преимущества, так и недостатки. Среди положительных аспектов такие работы способствуют критическому переосмыслению формирования национальной идентичности и исторических нарративов, позволяя обществам преодолеть жесткие взгляды, унаследованные от советской историографии. Они способствуют интеллектуальному плюрализму, саморефлексии и признанию того, что нации являются исторически созданными, а не изначальными образованиями. Это способствует демократизации знаний, разнообразию точек зрения и большей открытости для интерпретаций истории. Однако негативные аспекты заключаются в инструментализации конструктивистского дискурса политическими элитами, которые часто используют его для оправдания новых идеологических проектов или легитимации власти путем выборочного переосмысления истории. Во многих случаях постмодернистская тенденция к релятивизму (относительности) и символическим манипуляциям привела к созданию новых мифов и националистических нарративов вместо демонтажа старых. Следовательно, хотя конструктивистские тексты в этих обществах знаменуют интеллектуальный прогресс и переход к критической историографии, они также рискуют усилить политическое мифотворчество, популистские настроения и идеологический контроль под видом деконструкции прошлого.

2.1.2 Постмодернизм и устойчивость национализма в Азербайджане, Казахстане и Узбекистане: взгляд экспертов

Для лучшего понимания процессов воздействия постмодернизма на идеологии, в том числе на национализм, экспертам из Азербайджана, Казахстана и Узбекистана были заданы вопросы того, каково нынешнее состояние национализма в условиях исчезновения или же изменения внутренней конфигурации метанарративов.

В целом, о том, что национализм не изжил себя, а более того, трансформировался под веянием постмодернистских умонастроений в конце XX – начале XXI вв., проявленный в качестве мощной активизации этнической консолидации и мобилизации, были подтверждены экспертами глубинного интервью.

Согласно мнению казахстанского эксперта №1, конструирование проекта «нация» тесно взаимосвязано с процессами модернизации и в случае с незападными обществами, в частности с постсоветскими, то на данном этапе их развития важно принятие того факта, что здесь первоочередную роль играют механизмы построения национальной идентичности не по признаку гражданственности, а по этническому признаку: *«Если рассматривать с точки зрения социологии, тема национализма и модернизации – довольно тесно связанные между собой понятия, поскольку они исходят из одного важного понятия, как «этничность». Этничность – важный элемент построения общества, влияющий на внутренние культурные процессы, проблему солидарности в практической жизни и т.д. Развитие народной, родовой*

этничности формируется именно в эпоху модернизации с утверждением понятия «нация». Понятия «нация» и «модернизация» неразрывно связаны между собой, и начало берут со времен Великой Французской революции. Во всех незападных модернизациях, которые мы знаем, в том же Африканском континенте, этнический фактор присутствует всегда. Это единственный способ получать поддержку от общества. Когда модернизация выглядит как вестернизация, как денационализация, как утрата этничности, подобные модернизации не выживают в незападных обществах».

Схожее представление о конструировании этнического национализма в незападных традиционных обществах имеет отечественный эксперт №2: в качестве аргументации он приводит пример из истории СССР в том контексте, когда вследствие непринятия и исключения этнического фактора государство начинает постепенно ослабевать. В отношении современного казахстанского общества автор также подчеркивает, что национализм в стране имеет этнический окрас, нежели политико-правовой и общегосударственный: *«Вероятно, одним из кризисов советской модели являлось то, что они не пытались находить другой тип идентичности советского народа, что привело впоследствии к развалу государства, т.е. по национальному признаку. Другие типы модернизации – экономические, культурные – возможно, и претворялись в жизнь, однако политическая модернизация в рамках национализма не была решена в Советском Союзе. Вспомните, какой ущерб принесло неучитывание идеи высокого национализма в Советском Азербайджане. Мы должны это понимать и учитывать, если мы будем говорить, в первую очередь, о традиционном обществе, где этнический фактор является самым важным: Если даже в казахстанском паспорте будет написано, что человек является гражданином Казахстана, то он будет требовать, чтобы добавили информацию, что он еще и казах, потому что для него это очень важно. Если вы хотите проводить модернизацию, то вы должны учитывать множество факторов. Касательно постиндустриальных обществ, то там основа модернизации идет по линии прав и свобод человека, когда он уже отказывается от своей культурной, а именно этнической, идентичности в пользу их защиты».*

Казахстанский эксперт №3 указывает на то, что постмодернизм видоизменяет структурное содержание существующих идеологий, однако под его влиянием идеи, на которых зиждутся такие идеологии, как либерализм или коммунизм, себя не исчерпают, следовательно, эти идеологии будут и дальше функционировать, но с определенными модификациями. Эксперт так же отмечает об упрочении позиций национализма как элемента архаики и, прежде всего, в незападных обществах. По словам эксперта, модерновая, а не постмодерновая, риторика на основе конструирования нации по этническому признаку подтверждается появлением множества дисциплин по изучению этнических элементов: *«Метанарративы, действительно, меняются. Однако говорить о том, что коммунизм и либерализм мало кого сегодня восхищают, я бы не спешила. Это те идеи, которые перейдут в разряд вечных. Идеи*

солидарности и справедливости, свободы и развития будут всегда. Но, вероятно, в условиях постмодернизма все эти идеи немного видоизменятся. Еще совсем недавно нам казалось, что этноцентризм и на его основе сконструированный национализм уходят в прошлое. Однако сейчас ситуация диаметрально противоположна. Сам национализм, вероятно, надо рассматривать как осколок модернизма. В логике постмодернизма национальные черты должны стереться – культурные особенности, нормы быта, языки. Постмодернизм не предусматривает развитие канонов национализма. Однако мы наблюдаем противоположную картину и, возможно, это связано с тем, что мир очень сильно разделился, а мы наблюдаем развитие постмодернизма в его европоцентричной части. Все остальные мало понимают ценности постмодерна – на первый план выходят ценности модерна. Национализм, как одна из видов этих ценностей, по моему мнению, осколок архаизации общества. В рамках модерна это один из столпов организации общества, а в рамках постмодерна – это архаизация. Когда мы говорим о развитии нации, национализма, они естественно удержатся в параллельном процессе с постмодернизмом, поскольку будут сходиться по касательной, но будут развиваться параллельно, как остаток предыдущей системы и постмодерн. В евроцентричной традиции постепенно смещается фокус с изучения нации и национализма на другую тематику – это изучение меньшинств, гендера, их прав и т.д. Т.е. исследовательский интерес несколько смещается. В другой не в европоцентричной традиции, наоборот, фокус смещается на народ, на изучение культурных традиций, мотиваций поведения, появление таких дисциплин, как "Этнополитология", "Этнопсихология", "Этнопедагогика" и др. Это не постмодерновый дискурс, это прежний модерновый. Получается, что они развиваются параллельно друг к другу. Вероятно, европоцентричный взгляд не прижился по причине того, что страны еще не прожили определенный отрезок времени, на котором эти права, отказ от каких-то прав, черт культурных особенностей он становится актуальным. Эти страны еще не прошли этот период. К примеру, когда мы разбираем проблему феминизма в арабских странах, мы должны исходить из положения, что прав женщин в этих обществах нет от слова "совсем" и им будет совсем непонятна феминистская позиция западного общества. Более того, она будет не просто непонятна, она будет казаться надуманной».

Отечественный эксперт №5 так же убежден в низкой степени соотношения постмодернизма и национализма в незападных обществах, но не отрицает вероятность того, что данные процессы могут проходить одновременно – основной вопрос состоит в том, насколько сильны уровни различий, множественности и этнические элементы. Так же эксперт поднимает вопрос, связанный с процессами усиленного конструирования национализма и нации, – дефицит внимания на проблемы отдельных этнических меньшинств: *«Пока еще "болят" вопросы становления этнического завоевания позиций, конкуренции, то постмодерновый взгляд на национализм вряд ли приживется. Но это не значит, что постмодерновый взгляд ошибочен – это лишь говорит о*

том, что процессы будут проистекать одновременно. И при изучении подобных вопросов, ученые, лица, принимающие решения, должны учитывать и ту, и другую точку зрения по причине того, что это связано с культурными, экономическими различиями, со степенью популяризации культурных различий, с мультикультурализмом, с интеркультурализмом и с другими вещами. В современном мире с одной стороны вроде размылись национальные различия, что упростило процесс взаимодействия, а с другой стороны, если мы говорим о странах, которые еще не прожили этот этап и не находятся в рамках европоцентричного развития, то мы говорим, наоборот, об упрочении национально-культурных различий. И в данном контексте мы говорим уже не о взаимодействии, а о размежевании различных этнических групп. В свою очередь, сегодня преобладает традиция подхода к изучению этносов и национальностей, потому что применяются оба термина. С точки зрения толерантности и политкорректности очень часто именно это не позволяет выявить те проблемы, с которыми сталкиваются представители того или иного этноса, что тоже как бы их консервирует в своем кругу и воспроизводит национализм. Ситуацию можно попытаться изменить за счет того, что национальный вопрос вытащить для изучения отдельно, либо пересмотреть насколько соотносятся национализм и постмодернизм. Однако национальные черты все равно сохраняются и в движениях за защиту прав, и за педагогические направления. Национализм сохранит свои позиции, но он сохранит их не в условиях постмодерна, а как параллельная черта развития».

Эксперт №6 из Узбекистана соглашается с мнением эксперта №4 из Казахстана в отношении того, что метанарративы, в частности идеологии, не исчезают под воздействием постмодернизма: *«95 млн. только активных членов Коммунистической партии Китая (самая многочисленная партия), которая официально строит социализм с китайской спецификой, в стране, которая является второй экономикой в мире и населением в 1,4 млрд. человек – идеальное тому подтверждение».*

Узбекский эксперт указывает на тесную взаимосвязь национализма и постмодернизма в том плане, что последний служит эффективным инструментом для национализма в контексте выстраивания оппозиций «Мы – Чужие». Автор убежден, что пока функционируют государства, национализму ничто не угрожает, но подчеркивает, что не все государства умеют выстраивать проект «нация»: *«Важно понимать, что понятие национализма напрямую связано с пониманием нации. Поэтому, постмодернизм не является никакой угрозой для национализма. Наоборот, постмодернизм очень удобный для национализма инструмент дискредитации своих идеологических противников. Это тем более интересно, что национализм связан с вопросом "этничности", а значит, имеет множество смыслов, которые зависят от контекста его использования. Национализм основан на нациях, которые держатся на национальных государствах, а значит – пока есть современная политическая система государств, он будет жить. На мой взгляд, современный мир не живет в рамках "национализма". Наоборот, здорового национализма как раз*

не хватает современной молодежи. Тема "патриотизма" – объект многочисленных шуток и сатиры. Национализмом по вечерам пугают детей в школах Европы. В Италии и Турции же правые силы только сейчас выходят на передний план как ответ на усиление процессов глобализации».

Эксперт №7 из Узбекистана рассматривает национализм в качестве базиса для надстройки остальных элементов политической системы. Автор указывает на то, что постмодернизмом может быть охвачено определенное меньшинство, большинство же нуждается в категориях общих целей, общей истории, общей взаимной поддержки, следовательно, идея о «единой нации» является необходимостью: *«Национализм не только воззрение, но и особое устройство взгляда личности, опирающийся на "национальной идее". Эта идея как шампур для всего остального "политического мяса". Показательно, что национализм дает возможность синхронизации мыслей и чувств большого числа людей, то есть, создает толпы, массы. Никто не может создать ситуацию, когда общество будет обеспечивать 100% воспитание всеобщей глубоко понимающей интеллигенции, которая будет мыслить понятиями "постмодернизма". Население психологически нуждается в участии в сообществе граждан, которые даже если и не знают друг друга, но понимают и принимают историю одинаково. То есть, национализм включает чувство "горизонтальных связей, чувство локтя и плеча", ощущения национального братства. Скорее всего, как бы люди не мыслили категориями постмодернизма, но они все равно являются сторонниками сохранения самости своей страны как национального государства. Да, как игры разума эта идея будет волновать молодых и далее, так как позволяет отрицать других и считать себя умнее их. Это нормально для молодых ученых. Но для решения практических задач постмодернизм сильно проигрывает, а значит – будет больше для философов теоретиков и культурологов».*

Если для эксперта №6 из Узбекистана постмодернизм служит особым политическим инструментом для идеологии национализма, то для эксперта №8 из Узбекистана напротив – национализм используется постмодернистами, чаще всего в деструктивных целях: *«Эта идеология (прим. национализма) будет еще долго удерживаться на плаву. Более того, национализм тоже может в той или иной форме эксплуатироваться постмодернистами, поскольку в национализме содержится элемент субъективности, иррациональности и интерпретации идентичности. В той мере, в какой национализм (особенно деструктивный) порождает хаос и становится питающей почвой популизма, постмодернизм может его использовать как свой инструмент (Путинский национализм/шовинизм, например, ставший основой его ревизионизма истории)».*

Схожее мнение, со всеми вышеуказанными респондентами, имеет и эксперт №9 из Узбекистана, который убежден в невозможности отмирания национализма, национальной идентичности в ближайшие несколько сотен лет. Автор считает, что если постмодернизм оптимально воздействует на трансформацию определенных проектов модерна, то национализм в данном

дискурсе является неким исключением из правил: *«Если применить методы формальной логики, ее законы к тем установкам, которые проповедуют постмодернизм, на чувства и желания атомизированного индивида, как главной ценности постмодернизма в рамках его социальных взглядов, он, безусловно, должен привести к тому, что идентичность человека на основе этничности или национальности должна отмереть. Однако я с данным положением не согласен, поскольку даже в эпоху постиндустриального общества или информационного общества, вопросы идентичности остаются, и для огромного большинства людей забыть о своих идентичностях, которые восходят к национальному, этническому и религиозному – этой готовности нет. И вряд ли постмодернизм сможет отменить национализм как таковой – сколько бы он ни говорил о том, что это понятие, которое со временем отомрет. В принципе все в этом мире может отмереть. Однако я думаю, что в ближайшие несколько сотен лет национализм, национальная идентичность каждого индивида, по крайней мере большинства людей, будет оставаться, и я плохо себе представляю, что ближайшее время, как минимум 200-300 лет, все превратятся в безродных космополитов, которые отказались от своей национальной или этнической идентичности. Безусловно, всегда были, есть и будут определенные группы людей, которые готовы отказаться от своей национальной, этнической идентичности, но я не думаю, что это затронет всех»*.

В среде узбекского научного сообщества прослеживаются определенные постмодернистские проявления, связанные с конструированием общества: Так, эксперт №10 отмечает что, единая национальная идея не является единственный залогом успешного продвижения общества и государства – не менее эффективной политикой может послужить равномерное сбалансирование учета различий в социуме: *«Объективно говоря, в условно называемых цивилизованных обществах, в которых принимаются, и с уважением относятся к плюрализму мнений, взглядов, идей и ценностей, не требуется лишний раз актуализировать вопросы о единстве и мобилизации нации. Сплоченность выявляется только в рамках проявления политически активной части общества в участии решений злободневных проблем страны, в период выборов кандидатов в представительные органы власти. Но подобные деления по политическим признакам никак не являются причиной разрушения и умерщвления чувства национальной идентичности».* Продолжая свою риторику, эксперт затрагивает вопрос о статусе узбекского языка, как государственного, в формировании национальной идентичности с учетом социокультурного плюрализма (несмотря на то, что свыше 80% населения страны составляет узбекский этнос): *«Достаточно законным и правомерным является тот факт, что узбекский язык играет основополагающую роль в Узбекистане, поскольку им пользуется больше половины населения. Вместе с тем, безусловно, должны уважаться и культурные, языковые особенности этнических меньшинств, различных субкультур, проживающих в стране».*

Азербайджанский эксперт №11 обращает внимание на особенности небинарных императивов, распространяющихся в западном обществе и так же, как и предыдущие эксперты, заключает о преобладании тех манифестов, которые естественны для человеческого общежития, куда и входит идея национализма: *«Опять же в рамках той парадигмы, которую задал постмодернизм – сейчас идет борьба за то, чтобы люди забыли о своей полярной, сексуальной идентичности, т.е. понятие "мужчина и женщина". Придумывается десятки новых гендеров и с этим я не вполне согласен, поскольку это мне кажется наносное – биологический человек был создан, как мужчина, и как женщина. Ничего третьего Бог или эволюция не создавали. Конечно, будут существовать такие маргинальные группы, которые будут говорить о трансгендерности. И если проводить целенаправленную пропаганду, то естественно, можно убедить всех, но как мне представляется, естественные процессы, законы естества будут все же преобладать, и эти попытки пропаганды трансгендерности и другие небинарные манифестации, которые сейчас довольно популярны в западных обществах, они останутся маргинальными».*

Эксперт №12 из Азербайджана и эксперт №2 из Казахстана сходятся во мнении, что одной из важных причин кризиса в Советском Союзе является игнорирование этнических особенностей советских граждан, процессы которых продолжаются и по сей день. Автор так же утверждает, что даже при том, что индивиды, будучи осведомленными об изначальных цели и задачах (даже, если имеют негативный подтекст) конструирования проекта «нация», продолжают размышлять и действовать в рамках национализма: *«Относительно постсоветских стран Центральной Азии можно выделить, что национализм был вызван как реакция на формирование "советского человека", что проявлялось в ослаблении этнического различия советского населения. Так же очень интересно то, что разъяснение национальных стереотипов, ничего не меняет в ощущении средним человеком своего национализма. То есть, даже несмотря на фашистское прошлое, немцы не перестали ощущать себя единым целым – "немцами". У них сохраняется понимание разности и чуждости от, например, французов или англичан».*

Согласно мнению эксперта №13 из Азербайджана, современные государства для их же дальнейшего плодотворного развития должны выстраивать политический проект «нация» при условии их цивилизационных особенностей: *«Национализм как идеология существования национальных государств, является необходимым этапом кристаллизации тех элементов, из которых будет состоять будущий глобальный мир или несколько миров (цивилизаций). Для того чтобы интегрироваться необходимы первичные элементы, которые и будут объединяться. Вот эти первичные элементы и есть национальные государства, наиболее простая и приемлемая форма существования политической нации и гражданского общества в современном мире. Каковы будут эти национальные государства, на каких принципах будут*

построены, зависит от их цивилизационной принадлежности. Впрочем, это теория, и как правильно писал Гете – она суха, а древо жизни вечно зеленеет».

Эксперт из Азербайджана так же, как и эксперт №6 из Узбекистана, не придерживается взгляда о том, что современный мир развивается в рамках национализма, другое дело – если речь идет о проекте «нация». Так же автор подтверждает мнения предыдущих экспертов из Казахстана и Узбекистана об ослаблении идеологий, в частности либерализма, под влиянием постмодернизма: *«Абсолютно не согласен с тем, что в рамках, в которых существует современный мир, современная международная система, построена на национализме. С другой стороны, может быть, имеется в виду не национализм, а в центре формата современного мира, а также международной системы находится национальное государство. Понятие «национальное государство» и понятие «национализм» совершенно две разные формулировки. Кроме того, кто сказал, что к либерализму уже нет тяготения – идеи либерализма все так же распространяются, несмотря на постмодернистский дискурс».*

Таким образом, в ходе экспертного опроса выявлено, что эксперты сходятся во мнении, что национализм, несмотря на постмодернистскую риторику, не уничтожается и не освобождается тотально от других мировоззрений, идеологий, а трансформируется и переконфигурируется в нечто новое.

Эксперты из Казахстана, Узбекистана и Азербайджана демонстрируют общее убеждение в том, что национализм, несмотря на расцвет постмодернизма, продолжает служить фундаментальным организующим принципом политической и культурной жизни в незападных обществах. В то время как казахстанские эксперты подчеркивают этнические основы государственного строительства и ограничения модернизации, вдохновляемой Западом, узбекские эксперты подчеркивают инструментальную и структурную роль национализма как объединяющей и легитимизирующей силы в государстве. Азербайджанские эксперты, в свою очередь, подчеркивают цивилизационное значение национализма как продукта и предпосылки современности, сохраняющегося даже в условиях постмодернистского релятивизма. Во всех трех случаях национализм предстает не как устаревшая идеология, а как адаптивный, устойчивый феномен, способный интегрировать постмодернистский дискурс в свои собственные нарративные рамки, обеспечивая тем самым его преемственность и актуальность в современном мире.

Автор так же соглашается с мнением некоторых экспертов, которые указывают на то, что модерновый проект «нация» наделяет большинство жителей незападных обществ, зачастую униженных социальным положением и материальным благополучием, чувством собственного достоинства, чувством принадлежности к обществу, которые в большей мере отвечают физиологическим потребностям человека. Касательно постмодернизма, то это философская концепция для меньшинства, которого данные вопросы не

волнуют. Постмодернистов на сегодня как на Западе, так и в не-Западе не составляет значительное большинство, следовательно, мир все так же находится под управлением прагматиков – консерваторов, коммунистов, либералов и т.д. Иными словами, современное общество продолжает жить своими проекциями счастливого будущего. Запад более индивидуалистически настроен. В отношении же постсоветских стран, в частности Азербайджана, Казахстана и Узбекистана, здесь выстроен более общинный характер устройства социума. Для рассматриваемых обществ важно жить в эпохальном историческом времени, устремленного далеко вперед, а проект «нация», идеология национализма и являются той формой организации общности, которая создает для большой части населения такую возможность. Для них идея о нации стала следствием взрыва внутри самого тоталитаризма, что вызвало компенсаторную реакцию, наваждение по естественному сообществу, в котором единственными движущими силами играли такие архаичные способы понимания и познания, как категории крови, традиции, земли и языка. Другими словами, после распада Советского Союза в рассматриваемых странах происходит оценка и переоценка своих историй, проблем, связанных с конструирование национальной идентичности – политическая власть каждой из этих стран выбрала свои национальные коды, символы, знаки, героев и врагов для приемлемой легитимации.

Однако спустя более 30 лет, несмотря на различные попытки этих государств, сконструировать проект «нация» все так же вызывает отторжение. Одной из причин тому выступает то, что создание единой нации предусматривает обязательное ослабление категории множественности, различных частей данного общества, ослабляя их культурные особенности, их этничность, т.е. это возможно лишь путем преобразования «других» в «своих», что в этих обществах априори подобное на данный момент невозможно. Объективно мы можем задать вопрос – почему в данных странах, которые даже если и придерживаются норм международного права де-юре, сложно запустить механизм понимания и принятия культурного (прежде всего, этнического) разнообразия, а также фабрикацию одномерных граждан, которые в равной мере воспринимают нормы социального порядка, где главным замером цивилизованного общества является свободный индивид и его права. В силу различных факторов, где на передний план выходит глобализация с ее проекцией западных ценностей на все мировое сообщество, различия уже не могут изживаться так интенсивно, как это происходило, к примеру, в Европе Нового времени в пору, когда ее называли «кладбищем народов».

Так же следует заключить, что национализм, в силу своего разнородного содержания, может выступить в качестве инструмента постмодернизма в деструктивных целях. Модерный проект «нация» является острой проблемой, как для западных, так и незападных обществ. Постмодернизм, как известно, выступает как механизм, направленный на умонастроения и заявления о самодостаточности всех существующих субъектов (в частности, меньшинств),

фрагментацию от целого, следовательно, под влиянием постмодернизма бывают сильны сепаратистские настроения.

2.3 Политическая реальность с позиции постмодернизма: характер и направленность категории «пост-правда»

Поднимая вопрос о постмодернистском контексте бывших советских республик, следует остановиться на преобладании одного из видных маркеров постмодернизма, так называемой политики пост-правды. Прежде всего, мы сталкиваемся с кризисом оснований, характеризуя и определяя пост-правду как исключительно новый феномен. Ошибочно так полагать, поскольку она сопровождает историю человечества с момента зарождения политики и политических отношений в целом. Однако в данном заключительном разделе исследования автор пытается прибегнуть к содержательным и структурным изменениям пост-правды в условиях информационного бума, в частности под воздействием постмодернизма. Автор демонстрирует то, как постмодернизм ослабляет роль научной рациональности, фактов, аргументаций, доказательности ввиду того, что они уже не воспринимаются как единственный элемент дискурса, пытаясь дать возможность проявиться и альтернативным способам, и этому есть свои причины. Также подвергаются разбору искомые политические вопросы – какие субъекты получают выгоду, а какие проигрывают от политики пост-правды, что меняется из общепринятого? И как это нарушает и преобразовывает политические ценности? Каким образом проявляется пост-правда в Азербайджане, Казахстане, Узбекистане? Выявляются социальные, институциональные, идеологические и политические опорные точки трансформаций; рассматриваются методы и инструменты влияния фальсификации (подменной информации) на политические события.

Термин «пост-правда» («post-truth»), который был назван в ноябре 2016 г. Оксфордским словарем английского языка «словом года» является определенным отблеском постмодернистской формации, где клише и стереотипы теряют устойчивую связь с реальными формами. Подобную характеристику он приобрел благодаря нескольким моментам, связанных с событиями того года и, прежде всего, касавшихся вопроса компетентности экспертов: проблема выхода Великобритании из Европейского союза (Brexit), победа Дональда Трампа на президентских выборах в Соединенных Штатах, а также активизация разнообразных популистских движений. Во всех упомянутых случаях результаты и последствия событий вопреки футурологическим подсчетам аналитиков развивались по другому сценарию. Еще в начале 90-х сложно было кому-либо представить, что с помощью Интернета можно распространять любую информацию, не заботясь о реальном ее содержании и закладывая лишь личные убеждения адресатов, подыгрывание эмоциональным откликам адресантов.

Итак, термин «пост-правда» означает «ситуации, при которых объективные факты менее значимы для формирования общественного мнения, нежели обращения к эмоциям и личным убеждениям» [259]. Слово впервые обнаружено в журнале «The Nation» в 1992 г. в эссе американского драматурга С. Тезича, связанного со скандалом Уотергейта и прецедентом по вопросу Персидского залива: «Мы, как свободные люди, добровольно решили, что хотим жить в некоем мире пост-правды» [260]. В 2004 г. вышла в свет работа Р. Кейеса «Эра постправды» [261]. А несколько американский ученый К. Крауч объясняет природу и сущность пост-демократии, где «общественные электоральные дебаты представляют из себя всплошную контролируемый спектакль, поставленный соперничающими командами специалистов, имеющих экспертную практику в технике убеждения и где обсуждаются, взвешиваются вопросы этих соперничающих друг другу команд» [262]. В 2005 г. американский исследователь Э. Олтерман применил выражение «post-truth presidency» и поделился тезисами о том, как руководство Соединенных Штатов занималось дезинформированием американского народа [263]. Вероятно, зачатки «пост-правды» можно проследить еще в 1930-е гг. в работах английского социолога К. Манхейма. Так, ученый связывал причину возникновения кризиса воспроизводства фактов в политике и культуре с переходом от культурной модели и социальных процессов, регулируемых интеллектуальной элитой, на такое либеральное массовое общество, которое предоставлено лишь самому себе. Согласно иным взглядам, научная концептуализация пост-правды имеет давнюю историю своего возникновения и развития в истории западной мысли. Так, американский философ и социолог С. Фуллер утверждает, что: «Феномен постправды всегда был с нами, просто это слово позволило нам более конкретно определить данное явление» [264].

Из всех существующих определений «пост-правды», по мнению автора, является понимание М. Линча: «Постправда связывает или указывает на обстоятельства, в которых объективные факты менее влиятельны в формировании общественного мнения, чем обращение к эмоциям и персональным верованиям» [265].

Как уже было отмечено, результаты исследования филологов Оксфордского университета показали, что в СМИ слово «post-truth» употреблялось в 2016 г. в 20 раз больше, чем в прошлые годы. Представим пример конструирования политического дискурса на основе пост-правды, связанного с Brexit (весна, 2016 г.): для того, чтобы устрашить британцев распространялась ложная информация о том, что в случае выхода Британии из ЕС, она будет выплачивать взнос в размере 350 млн. фунтов в неделю. Летом 2016 г. на протяжении электоральной борьбы за пост 45-го президента Соединенных Штатов информационные каналы как никогда стали «фабрикой фейков». Представитель компании Оксфордского Словаря К. Гратвол в интервью BBC News указал, что: «На волне подъема социальных медиа как источника информации и растущего недоверия к тем фактам, которые преподносятся представителями современных общественно-политических элит,

концепция “постправды” вот уже некоторое время искала свое лингвистическое выражение… Учитывая темп, с которым слово все чаще используется в общественном дискурсе, я не удивлюсь, если оно станет определяющим для всей нашей эпохи» [266].

После событий с Brexit термин начали использовать и другие государства ЕС, так С. Лоран сквозь призму французского общества иронично обыгрывает термин «post-verite» [267]. На основе термина «post-truth» утвердилось и понятие «post-truth politics» («политика пост-правды», «политика пост-фактов»), обозначающее «политическую культуру, в которой правда/ложь стали главной заботой общественной жизни и рассматриваются учеными, как обращение к эмоциям и изолированность от деталей политики, а также периодически появляющиеся аргументы, где реальные опровержения игнорируются» [268].

Подобная интерпретация требует серьезных уточнений: как известно, представители СМИ, коммуникаторы, как правило, апеллируют к чувствам, эмоциям, используя такие «артиллерии», как подтасовка фактов, клевета, сплетни, «черный пиар», они создавали шаблоны, клише, симулякры и стереотипы в сознаниях массы. И в этом разделе автор попытался пересмотреть терминологию, выявить отличительные черты пост-правды текучей жизни от привычных, установленных явлений политического дискурса, показать – чем современное положение стало существенно другим и каким способом предотвратить/преодолеть кризис демократических ценностей, так как институт свободы слова стремительно обретает свой антипод – господство пост-правды.

Наш разбор термина «post-truth» ссылается как на классические работы по политической социологии, психологии «травмы» и «массы»/«толпы», системе мониторинга и анализа СМИ (медиологии), так и на современные труды зарубежных и отечественных исследователей (на отечественном научном и публичном пространстве автором не были замечены серьезные исследования по данной тематике).

Г. Лебон утверждает, что влияние эмоций, чувств на индивида настолько колоссально, что их поведение обретает иные модели, «отличающиеся от тех, которые характеризуют отдельных людей, включенных в структуру данной организации индивидов» [269], которых ученый обозначил, как «толпа». Как подчеркивает Лебон, толпа обладает «командной (коллективной) душой» и посему интеллектуальные качества у отдельного индивида, как правило, исчезают [269, P.17]. Вследствие того, что индивид под влиянием коллективного разума и души теряет связь со своей телесностью, ощущает анонимность своего пребывания в данном обществе, то постепенно подавляется чувство ответственности за то, что человек видит и замечает, но не действует, а также формируется отрицательная способность к внушению со стороны, т.е. индивид, будучи в толпе, не сопротивляется тем инстинктам, которым он бы не поддался, когда он пребывает наедине с собой. Для того чтобы постигнуть сущность пост-правды, необходимо помнить о том, что инстинкты массы зачастую имеют заразительный характер и порождают импульсы, которые

склоняют к подрыванию множества систем и отношений. Г. Лебон в качестве основных качеств толпы, на которые следует акцентировать внимание, определяет: «агрессивность», «уступчивость к влиянию, советам и легковерие», «категоричность, утрирование и поверхностность ощущений» [269, P.17].

Согласно Г. Кёхлеру «Любая форма массовых коммуникаций содержит риск *regressus ad emotionem* – низведения аргумента до базовых эмоций, лежащих в его основе. Усиление эмоциональной составляющей происходит не только из-за повышенной доли аудиовизуального контента в современной веб-коммуникации (по сравнению с более абстрактной природой слов на бумаге), но и благодаря “фактору реального времени”, т.е. огромной скорости распространения контента, не оставляющей достаточного времени на рефлексию. Тем самым получатель сообщения подвержен искушению судить о нем согласно своим эмоциям, которыми, в свою очередь, можно манипулировать еще легче, чем мнениями» [270].

Ключевым принципом пост-правды в медийных текстах служит политика замещения фактических данных, не укладывающихся в нужную схему и идею событийного ряда, и появление определенной информации (как правило, «фейков»), которые будут не противоречить «задумкам» адресата или заказчика интерпретации. Степень надежности и достоверности информации в данном случае отодвигается на второй план, а значит можно предположить, что семантика тотально становится в подчинении у прагматики. Иными словами, построение медиа-текстов в условиях расцвета пост-правды совершается не на основе композиции, а по принципам диспозиции. Так, когда речь идет о композиции, каждый последующий шаг в предоставлении фактов выстраивается на базе логики предыдущей части. В случае с диспозицией, здесь отдельные части и фрагменты отделяются от общего контекста, возможно и суммируются с прошлыми такими же отдельными фрагментами, и делаются определенные, искаженные выводы по теме. Итак, для пост-правды склеивание разнородных, выгодных для адресата, фактов является основополагающим, что важно – эффективным, инструментом, чем активно пользуются в политике. Как верно указывает А. Генис, «альтернатива факту – не ложь, а другой факт, обладающий собственной достоверностью, если в него кто-то верит» [271].

На передний план выступает масса – «молчаливое большинство», – не имеющая своей репрезентации, несмотря на то, что ее часто тестируют и зондируют СМИ. Под тестированием имеется ввиду всякое сообщение, телепередача, социологический опрос, предвыборный анализ. Тестирование и референдум для постмодернистов рассматриваются в качестве идеальных форм симуляций, когда ответ подсказывается вопросом, заранее моделируется и конструируется. Отсюда возникают социологические опросы по типу: «Какой лидер Вам импонирует – Токаев, Эрдоган, Путин, Зеленский?», «Как Вы относитесь к развалу Советского Союза?», «Будете ли Вы голосовать за партию, которая представляет интересы нынешней власти?». Респонденты не могут делиться собственным мнением, поскольку воспроизводят то, что ранее сконструировано с подачей средств массовой информации в виде симулякров.

Постмодернизм указывает на то, что все эти процессы голосований, референдумы и социологические опросы представляют собой симуляцию невыразимого социального. Как подытоживает Ж. Бодрийяр: «Мы живем в режиме референдума – именно потому, что больше нет референции» [6, С.135].

Влияние пост-правды стало колоссальным, прежде всего, вследствие вступления либеральных институтов и ценностей на тот этап, в котором начали размываться и разрушаться границы и меры допустимого; во-вторых, возможности информационных коммуникационных технологий достигли такого масштаба, когда благодаря им отдельные люди или группы людей оказывают на политические процессы не последнюю роль; в-третьих, на сегодня мы имеем новое общество толпы, пропитанное гедонизмом, технологичностью, зачарованное популизмом, сенсациями и обращающимися к быстрым и простым решениям. В результате механизмы современного развития информационных потоков начали задавать концептуальный фон для манипуляции сознанием толпы, когда способность свободно выбирать и самовыражаться стала поистине продуктом искаженной политической действительности, и выбраться за ее линию современным обществам практически невозможно.

Следующий важный вопрос, который требует освещения – как феномен пост-правды, связанный с обесцениванием объективности, выходом на передний план на смену фактам мимикрии, симулякров, эмоций соотносится с постмодернизмом. Так, главной характерной чертой современной пост-правды является борьба и распри между существующими метанарративами за установление их критериев истины. Т.е. пост-правда – это не только про присутствие истины, лжи, заблуждений, а во многом децентрализация истины при создании общественного мнения, а также снятие дихотомии между правдой и неправдой. Последний тезис означает вовсе не то, что не нужно делать различия между ними, наоборот – сохранение различий весьма важно, но господство истины или лжи впредь снимается, становится относительным их взаимодействия и возможность постановки вопроса об иерархичности. Другими словами, под влиянием постмодернизма некогда субстанциональные категории, как «истина» и «ложь» («истина» в большей степени) ставятся под сомнение в качестве первоэлемента.

Другой, не менее значимый, вопрос – в чем выражается отличие «post-truth» от довольно хорошо изученных и часто употребляемых «фейков», симулякров и фиктивных образов?

Во-первых, понятие «post-truth» зародилось на лоне не социального и не культурного, а именно политического дискурса. Пост-правда является инструментом прикладного характера политических акторов – это удобная конструкция для политических маневров; правда, желаемая для привыкших к знакам, поверхностности, а не глубинным рациональным суждениям, правда; наподобие правды, но не правда. Следует заметить, что выброс пост-правды особенно встречается в период избирательных кампаний, когда открываются дороги к властным ресурсам.

Во-вторых, post-truth представляет собой результат виртуальной среды, где значительное влияние сыграли информационные коммуникации, взятые за основу своих действий представителями бизнеса и политики. В этом плане судьбоносным (еще в середине прошлого столетия) стало изречение американского социолога Р. Мёртона о том, что «новые средства для пропаганды и богатые сокровищницы для исследования, предоставленные бизнесом и правительством, заинтересованными в этом новом орудии войны, как объявленной, так и необъявленной» [272]. Впоследствии формируется определенный класс «человеко-роботов», слабо сопротивляющихся давлению со стороны манипуляторов, привлекающих их в сугубо политических интересах.

В-третьих, пост-правда характеризуется потерей смыслов и выведение контекстов из общего понимания политического дискурса: «Стандартное употребление слов не только не производит значения и смысла, но и исключает их, подобно тому как нельзя забивать гвоздь, думая о свойствах молотка» [273].

Пост-правду во многом олицетворяют с фейком, ложью, мифом, «уткой», однако подобное соотнесение не вполне является корректным – пост-правда представляет собой определенную квазиреальную среду, удобную для создания и распространения «лженовостей». *Пастиш* – одно из ключевых явлений post-truth общества – подобен мастерски выполненной подделке артефакта, искусному заменителю оригинала, ироничной копии на институты, ценности, процессы, факты. Следует заметить, что, являясь неким контекстуальным пространством распространения псевдоновостей, пост-правда не несет какой-либо серьезной ответственности, и санкции по отношению к нему не предполагаются. В такой субстанциональной модальности, где человеческий разум стал играть релятивистскую роль, вопрос о том, истинна ли новость или нет, уже не имеет особого значения. Важно лишь, чтобы данная новость соответствовала двум принципам: 1) эмоциональному состоянию потребителя новости; 2) политическим интересам и целям предоставляющего информацию (коммуникатора). Иными словами, далеко не важно, случилось ли действие – оно могло случиться.

Пытливый ум, изучающий феномен постмодернизма, пост-правды, не должен воспринимать и понимать эти термины в буквальном смысле слова. Сущность данных понятий заключается не в том, что следует за культурной формацией модернизма и что проистекает за правдой или что происходит, когда общество узнает правду. Пост-правда вырождается, напротив, когда социум в силу различных факторов и причин игнорирует сырые факты, глубину познаний, где правде уготована последняя роль, а главная отведена популистской риторике – начиная от климатических изменений и заканчивая военными обстановками. Т.е. пост-правда порождается не за счет самих фактов, а с помощью переживаний за них: «Одна из стратагем манипулирования и состоит в том, чтобы вызвать сильные эмоции и направить их в нужное манипуляторам русло» [274].

Современные коммуникационные технологии позволили сделать настолько тесными виртуальный и реальный миры, что в свое время прогнозировали немецкие философы Ю. Хабермас и Э. Гуссерль [275], [276] о том, что изречения-парадоксы типа «земной шар теперь – не более чем деревня» [277].

Ж. Бодрийяр определяет толпу, как «сетевую деревню»: «Все хаотическое скопление социального вращается вокруг этого пористого объекта, этой одновременно непроницаемой и прозрачной реальности, этого ничто – вокруг масс. Все их пронизывает, все их намагничивает, но все здесь и рассеивается, не оставляя никаких следов. И призыв к массам, в сущности, всегда остается без ответа» [278]. Сознание толпы ученый характеризует как «черную дыру», а «толпу» – имплозию, которая «не взрывается» вовне, а направлено вовнутрь, втягивая все в себя. Соглашаясь с Лебоном, Ж. Бодрийяр относит толпу к явлениям, которая имеет «разрушающую силу для всего общества», орудием для которой служит *молчание и равнодушие* [278, P.64].

Однако в современных условиях стал необратимым процесс потери и поглощения смыслов, некогда являвшихся значимыми; пока не виден край того состояния, когда массе легче, комфортней потреблять не реальные, а «альтернативные» факты. Строго категоричные понятия «да»/«нет», «добро»/«зло», «правда»/«ложь» и др. в эпоху постмодернизма стали расцениваться как условные, и сменяются новым феноменом как «*мем*». Британский ученый, автор термина «мем» Р. Докинз, описывая работу Ж. Бодрийяра, приходит к выводу о том, что «постмодернистское сознание, присущее современным обществам способно воспринимать информацию только, если в ней имеются мемы и коды» [279]. Мемо-код способен давать сигналы об актуальности того или иного объекта для потребителя. Что касается массы, согласно Бодрийяру, то ей значима зрелищность в самом широком понимании. Следовательно, пост-правда пытается эпатировать массы и прибегает к различным инструментам, в основе которых лежит использование «выгодных» сторон идентичностей, идей, идеологий, норм, мифов и т.д.

Необходимо указать, что человек массы ощущает себя не вполне комфортно, попадая в «чужое» пространство профессиональных политических аналитиков. В данной ситуации очевидно возникновения «фаустовского пакта»: толпа как бы доверяя, предоставляет политическую информацию на откуп средствам массовой коммуникации, а, в свою очередь, масс-медиа занимаются перефразировкой политических процессов сквозь собственную призму пониманий, не ощущая особого давления и контроля со стороны общественности. Как указывает руководство компании «Sence about Science»: «Серьезные решения трудны для осознания и понимания. Политический курс извилист… Иногда эти решения трудно объяснить. Идея публичной post-truth – способ избежать таких сложностей» [280].

Переходим к выявлению того, каким образом конструируется пост-правда в современных условиях. Часто используемым техническим методом post-truth является обращение к ссылкам, или выражения наподобие того, что

«мы не знаем, насколько правдива эта информация, однако согласно сведениям источников, которым мы доверяем…». Подобные упоминания влияют на мнение массы практически безотказно. По мнению российского социолога Ф. Шаркова, высокая степень доверия индивида массового общества манипуляциям со стороны политиков и медиа заключается в том, что он «отличается меньшей степенью подавления бессознательного, ибо компоненты массовой культуры воздействуют на “подпольные” пласты психики, на иррациональную составляющую души, которая находится вне “постоянного контроля сознания”» [281]. Похожие способы и методы могут применяться посредством отсылок на авторитетные личности или псевдо научные исследования. Человек «все меньше думает сам, принимает на веру то, что говорят окружающие, ему легко внушить что-то, даже если это “что-то” и вовсе не существует (у него появляется иллюзия чего-то, якобы подтвержденного научным сообществом, экспертами, но на самом деле не существующего, а просто интенсивно обсуждаемого)» [281, С.100].

В обстоятельствах, где обнаруживается недобросовестность информационных источников, некоторые СМИ извиняются за подобные попустительства. К примеру, «The New York Times» в период предвыборной кампании Д. Трампа принесла свои извинения за ложную публикацию после того, как он подал в суд на издание. Однако есть случаи, когда редакторы других сетевых изданий, форумов, блогеры, эксперты не приносят извинений за опубликованную ими ложную информацию, и не опровергают ее. Следовательно, под серьезные риски и угрозу подпадает эволюция традиционной журналистики. Если до прихода пост-правды мы могли примечать баланс между *views* и *news*, и негласно поддерживалась точка зрения, что реципиенты в условиях альтернативного развития нуждаются и в тех, и других, то сегодня преобладание эмоций, чувств и манипуляций над реальными фактами «дискредитирует индивида как личность» [282].

Сегодня, стало популярным использовать манипулятивные методы «эхо-камеры», которые базируются на идее, что определенные взгляды могут быть усилены и обоснованы с помощью передачи и повторения специальных сообщений внутри закрытых групп (государственные и негосударственные организации) [283]. Польские ученые И. Гживиньска и Д. Баторски изучали степень активизации пользователей социальной сети «Facebook» в зависимости от проявлений тех или иных событий в политической сфере. В результате социологических замеров, ученые пришли к выводу, что неопровержимые факты применения принципа «эхо-камеры» особенно увеличиваются в количестве во время избирательных кампаний [284]. В свою очередь, организаторы не выставляют приемы манипуляции напоказ, проявляют себя латентно: «Манипулирование успешно, когда и если его, а стало быть, и основанной на нем скрытой власти, не замечают. А то, чего мы не знаем, неспособно спровоцировать возмущение и отторжение» [285].

При помощи анализа социальной сети «Фейсбук» в период протеста итальянских граждан против С. Берлускони, социологи выявили, что

социальные сети, с одной стороны, играют небывалую роль в образовании политических групп, а с другой – «разрушают коллективные ценности солидарности и идентичности» [286]. На место организованных коллективных групп приходят «со множеством переменчивых аффилиаций индивиды» [287]. В совокупности гиперреальность, гипериндивидуальность, латентная модель государственного господства, с большим количеством иных угроз и вызовов, в результате образуют противоречивый мир, последствием чего стало формирование человека, который имеет двойственную ментальность – человека, одновременно стремящегося обрести власть и человека, протестующего против этой власти. Подобная конфигурация становится схожей с монополией продвижения одной безальтернативной идеи – когда определенная группа специалистов-идеологов формируют нарратив и посредством использования приемов пост-правды навязывает его общественности. При этом отбирается лишь «легитимная» данному нарративу информация, а прочее, не вписывающееся в его основной идейный постулат, машинально отсекается [288], [289]. Следует указать, что такая схема крайне близко граничит со схемой внедрения идеологии тоталитарного режима, однако в отличие от фашизма Нового времени, в эпоху постмодернизма создается основательно замаскированная иллюзия у реципиентов ощущения информационного и интеллектуального выбора из множества разнообразий.

Различные политические акции, дискуссии, реакция общества в форме многотысячных комментариев в социальных сетях органично соответствуют проверенным старым приемам: «Люди получают поистине гедоническое удовольствие от слухов и развлекаются их распространением. Однако если источником слухов и умело упакованной лжи выступают СМИ, пусть даже “желтые”, не говоря уже о качественных, то для потребителей информации слухи приобретают статус фактов» [285, С.75]. Развивают данную мысль американские исследователи по психологии толпы Д. Биггз, Дж. Хогган: «Вместо того чтобы оспаривать существо аргумента, люди стремятся нападать на мотивы оппонента и примешивать к этому враждебность к группам, которые придерживаются иных мнений. Эта опасная привычка набрасываться на тех, кто с нами не согласен, нежели фокусироваться на специфических предметах, отвлекает публику от происходящего в реальности» [290]. Незападные общества являются такими же акторами, которые, как и западные общества, были втянуты в игры с post-truth. Одним из ярких примеров служит действующий актуальный кейс касательно агрессивной политики России в отношении Украины. Официальная политическая риторика обеих стран, Запада, постсоветского пространства, взгляды самой общественности настолько противоречивы, что в итоге получаются нескладывающиеся фрагменты одной мозаики, для которой по естеству необходимы лишь факты.

В Казахстане, к примеру, после обретения независимости примитивная, токсичная пост-правда взращивалась в умах интеллектуального слоя общества в течение долгих лет. Согласно исследованиям компании «Kantar»: «За март 2022 года, по среднесуточной доле телеканалов Казахстана первое место

занимает канал-ретранслятор “Первого канала” из России “Первый канал Евразия” с долей 18,53%. В то же время “Qazaqhstan” оказался на 4 месте с долей 9,8%. “Хабар” “Хабар-24” на 10 и 11 местах с 4,95% в совокупности» [291]. Приблизительно такая же картина вырисовывается с радиовещанием – около 60% в Казахстане приходится на радиостанции, которые ретранслируются из России. С начала 90-х гг. XX в. по 2014 г. среди экспертного сообщества и общественного мнения развивалось в целом нейтральное и некритическое восприятие к копированию российских паттернов развития. Однако еще тогда в условиях наращивания межгосударственных интеграционных проектов стоял открытым вопрос – насколько тождественны пути политического и экономического развития России и других стран постсоветского пространства.

В общих чертах, следует отметить, что во внешней и внутренней политике Азербайджана, Казахстана и Узбекистана присутствует постмодернистские условия создания гиперреальности – иллюзии реальности, которая является более реальной, чем сама реальность. Государственные СМИ и политические лидеры активно используют медиа-технологии для создания и поддержания образа сильного и успешного государства. Политические лидеры активно используют Интернет и социальные сети для пропаганды своих идей и убеждений, а также для управления общественным мнением и манипулирования информацией. Современные политики и общественные деятели в данных странах все чаще используют постмодернистские концепции и подходы в своей деятельности. В своих публичных речах они часто прибегают к использованию высказываний по типу «слышащее государство», «справедливое государство», «Новый Азербайджан», «Новый Казахстан», «Новый Узбекистан», «Победа – наша справедливость» и т.п., пытаясь сформировать реальность, в которой признается плюрализм различных точек зрения и взглядов, и в целом утверждение об успешном формировании и развитии либерально-демократических институтов и процедур.

В целом, политика «post-truth» предполагает наличие тех, кто выигрывает в результате ее использования: 1) политические акторы, которые претендуют на власть; 2) средства массовой информации, движимые стремлением к сенсационности и расширению аудитории различными способами; 3) бизнес-структуры, манипулирующие общественным сознанием для продвижения и регулирования своих собственных финансовых и экономических интересов; 4) отдельный субъект, который с помощью мультимедийных платформ оказывает влияние на политические убеждения и установки общества. От пост-правды значительно теряет способность к собственным рассуждениям та же толпа, низводящаяся до уровня потребителей ложной информации, а также существенно замедляется процесс демократизации.

Такие инструменты, как рекрутирование имиджей, имитация, клиширование, утрирование, в той или иной степени использовались еще с тех времен, когда формировалась политика, т.е. связаны с образованием института государства. Однако новизна современных процессов состоит в том, что

обрушенные на общество сфальсифицированные факты СМИ и социальных сетей достигли порогового уровня искажения политического информационного пространства. Сфера коммуникаций в настоящее время не просто стала играть роль четвертой ветви власти, она стала тем ключевым инструментом, который сдвигает систему в общем развитии мирового порядка.

Вышеуказанные тенденции и факторы могут привести к серьезным вызовам и угрозам.

- *Преобладание иррациональных эффектов*. На пространстве пост-правды все смешивается таким образом, что под влиянием постмодернизма исключается возможность отличить реальные факты от нереальных [292] даже таких действий, которые на первый взгляд кажутся рациональными.

- *Дискредитация института свободы слова*. В зависимости от степени экстенсивности распространения искаженной и ложной информации, истина и факты будут приобретать характер относительности и контекстуальности. Основополагающие ценности либеральной демократии, как свобода слова, разделение ветвей власти, свободные демократические выборы оборачиваются фикцией.

- *Скептическое отношение к государственным институтам, потеря общественного доверия*. Кризис демократических институтов и процедур невольно тянет за собой ослабление каркаса общества в виде потери солидарности, консолидированности и доверия высшему руководству страны, законодательной, исполнительной, судебной ветвям власти, полиции, политическим партиям, профсоюзам, различным общественным организациям.

- *Самоизживание либеральной демократии*. Постмодернизм крепнет, а его результаты и последствия воздействия мы отмечаем как разрушительные для либеральной демократии. Наращивание пост-правды может привести к кардинальным преобразованиям политической реальности.

- *Эскалация конфликтов между социально-культурными группами*. Получение необходимых результатов от политики пост-правды неминуемо требует использование «болевых точек» определенного общества, лишь таким образом субъекты смогут достигнуть собственной цели. К таковым «точкам» можно отнести «заигрывание» с вопросами национализма, патриотизма, религии, гендера, территорий, «исторической справедливости» и др.

- *Коллапс проекта «глобальный мир»*. Уплотнение этнических и конфессиональных столкновений и конфликтов, материализовавшееся посредством гибридных (в первую очередь, информационных) войн и провокаций, приводит к еще одному серьезному удару по демократической концепции. Мировой порядок может возвратиться во времена Вестфальской системы или, что еще хуже – в период Средневековья, обличенной в маску гуманизма «войны всех против всех», нестабильных союзов и макиавеллизма.

- *Кризис системы международной безопасности*. Агрессивное вторжение России на территорию Украины в феврале 2022 г. и его последствия придало импульс для деградации мировой системы безопасности. Подобные действия одних стран в отношении других лишает всякого доверия установленным

правилам и положениям, которые обеспечивают мирное сосуществование и военно-политическую безопасность.

Из вышеизложенного можно заключить, что в post-truth мире такие неопровержимые институты и ценности либерально-демократического общества, как свобода слова, свободные выборы, по всей вероятности, деформируют и становятся фикцией. Разрушение сущностных функций свободы слова по логике пост-правды неминуемо приводит к эрозии других основополагающих демократических институтов, прежде всего, как показывают избирательные кампании в Азербайджане, Казахстане и Узбекистане, свободных и честных выборов. Кризис в данном контексте имеет свойство поражать ключевые демократические ценности и процедуры, мировой порядок и другие формы национальных и международных систем безопасности.

Безусловно, описанная ситуация больше похожа на апокалиптическую картину, которая едва ли притворится в реальность. Однако необходимо задаваться вопросом о том, как преодолеть нарастающие кризисы сознания, существующего порядка вещей, не затуплены ли инстинкты самосохранения, возможно ли возродить кантовский «морально-нравственный закон внутри нас» и не приведет ли это к череде произвола авторитаризма и тоталитаризма.

При всей спонтанности и непредсказуемости воспроизводства, медийное составляющее пост-правды, как правило, придерживается жесткого механизма реализации, который включает в себя четыре ключевых пункта: медийную личность, криминальную основу, поэтапную схему развития ситуации и неясность концовки. Изучим каждый пункт более детально.

Главным действующим актором пост-правды является медийная известная персона: президент, премьер-министр, известный культурный деятель, спортсмен, блоггер, эксперт и т.д. В то же время эта знаковая личность может проявлять себя, как организатор, инициатор сюжета, так и выступать в качестве объекта влияния извне. На этапе конструирования личности пост-правды в промежутке экспозиции и криминальной подоплеки для должного эффекта, как правило, придерживаются определенной дистанции во времени. Важное требование – информации о жизни персоны до криминального события должно быть достаточно. У аудитории вызывает интерес к происходящим событиям из жизни известной личности до развертывания предполагаемой криминальной фабулы, и следует понимать, что в качестве заинтересованных лиц могут выступать, как симпатизирующих персоне наблюдатели, так и относящиеся к ней с неприязнью.

Развязка построения пост-правды в обязательном порядке основана на криминальной фабуле и несоблюдение обычного порядка вещей. Распространенными из них являются: a) реальное либо ложное отравление медийной личности; b) санкционированная кибератака; c) домогательства сексуального характера; d) гендерные вопросы и т.п. «В качестве экстремального примера постправды приводится история, получившая название “пиццергейта”. Эта история началась с того, что прямо перед

выборами 2016 г. в Твиттере на аккаунте “белых” националистов появилось сообщение, что существует тайная организация педофилов, связанная с важными членами американской демократической партии. Эта история была подхвачена рядом других сайтов и переросла в утверждение, что Хиллари Клинтон стоит во главе операций по секстрафику, центром которого служит популярная пиццерия Comet Ping Porg в Вашингтоне… Сторонники теории строили свои предположения на основе “подозрительных” совпадений, фотографий в Инстаграм и других косвенных признаках» [293].

Касательно степени проявления признаков пост-правды на постсоветском пространстве, в частности в Азербайджане, Казахстане, Узбекистане, в ходе экспертного глубинного интервью получены следующие ответы:

Узбекский эксперт №1 связывает природу пост-правды с применением целенаправленных для общества простых для понимания, эмоциональных лозунгов: «*Постправда – это броские политические лозунги, так называемые простые истины. Именно через смысловые игры постмодернизма после начинают оперировать в своих политических целях. Например, украинская сторона говорит, что это “аннексия Крыма”, российская – “возвращение в гавань”. И от политических взглядов населения – можно говорить, кто как говорит*».

Согласно мнению узбекского эксперта №2, «*пост-правда удобна для практиков управленцев, тем самым, возмущенные от несправедливости умы отвлекаются от системных проблем. А разрозненными группами лиц, еще и не уверенных ни в чем, постоянно само рефлексирующих, легко управлять*».

Эксперт из Узбекистана №3 не отрицает, более того указывает на активизацию феномена пост-правды в современном мире, в том числе и в узбекском обществе: «*Нынче везде найдутся островки пост-правды: где-то большие, где-то малые. В Узбекистане пост-правда пустила глубокие корни. Вот некоторые примеры, в виде утверждений: “Узбекистан, как восточная, азиатская страна, не может копировать западные модели демократии”; “Афганистан является частью Центральной Азии”; “У нас общая история с Россией”; “Конституция – не догма. Поэтому ее можно кардинально обновлять”; “По новой Конституции действующий Президент может вновь избираться, т.к. его оба прошлых срока на посту обнуляются”; “Узбекистан еще не готов к избранию хокимов”*».

Как подмечает узбекский эксперт №4, данный вопрос интересен тем, что в нем в определенной степени уже заложен ответ и соглашается с тем мнением, что пост-правду в сравнении с уже распространенными инструментами и методами манипулирования общественным сознанием отличают другие новые признаки: *«Феномен “пост-правды” возник в рамках избирательного процесса в развитых странах, таких как США, Великобритания или Франция. Социологические исследования показывают, что речь идет о новом механизме формирования общественного мнения. То есть, пост-правда не возникает сама по себе, внутри общества, а в рамках некоей целенаправленной информационной политики. Следовательно, если эта информационная*

структура может создать одну пост-правду, но с той же легкостью может навязать иную пост-правду. А значит, у феномена пост-правды есть: политический аспект, когда избиратель руководствуется убеждениями, продуманными и навязанными для него избирательной стратегии; коммуникативный аспект, то есть, как эти убеждения формируются. В условиях пост-правды, действительно, все большую роль играет медийный нарратив, который, опять действительно, все меньше отражает реальную политику. Пост-правда теперь рассматривается как процесс, порождающий некий нарратив с заданными свойствами – упор не на факты и выводы, а на готовые интерпретации. Далее, эти интерпретации резонируют с личными убеждениями граждан и культивируются, в частности, в политизированных интернет-сообществах».

Отвечая на вопрос о проявлениях пост-правды и постмодернизма в узбекском обществе, эксперт отмечает, что примером пост-правды в стране является утверждение о демократичности Узбекистана, а главным сдерживающим фактором нераспространения постмодернизма он подчеркивает институт религии: *Если Вы считаете Узбекистан – демократической страной, то да, она является "территорией постправды". Если нет, то нет. Личное мое мнение, постмодернизм в наших условиях встретит жесткое сопротивление со стороны верующей части населения. С 1993 годов религиозная сфера находится под общественным и государственным контролем. Следовательно, чем этот контроль слабеет, тем больше вариант, что мы скатимся, либо в плоскость "территории пост-правды", либо в сторону "модели талибизации". Пока Узбекистану удается держать ситуацию под контролем*.

Мнением о своей давнейшей природе пост-правды делится узбекский эксперт №5. Он соглашается с выводами предыдущих экспертов об усилении феномена пост-правды, и подвергает сомнению силу государственного контроля над стремительным его распространением: *«Игра в политические манифесты и попытки за этими манифестами скрыть свои интересы была всегда. Определенные элементы пост-правды присутствовали всегда. Та же пропаганда гитлеровской Германии имела очень серьезные элементы пост-правды – когда лозунги, которые изначально были сконструированы на ложных основаниях, преподносились обществу, как истина, и они работали эффективно. Сейчас, в силу того, что мы вступили в эпоху информации с государством последние двадцать лет, произошла очень гигантская трансформация. Если, начиная с первых государств Шумера, Аккада, Древнего Египта и заканчивая концом XX в., государство всегда обладало важнейшей монополией на информацию, и монополией на реализацию государственной информационной политики, на ее распространение и ее ограничение. Сегодня же Интернет сломал эту государственную монополию на информацию, следовательно, государство не может прежними инструментами и механизмами регулировать потоки информации в сети Интернет. И поэтому те государства, которые способны формулировать нарративы,*

формулировать какие-то смыслы и их транслировать через Интернет, получают определенные преимущества. Однако большая часть стран являются получателями, реципиентами этой информации, которую генерируют в нескольких точках глобального пространства».

Узбекский эксперт добавляет мысль о появлении новых субъектов формирования общественного мнения через социальные сети, что интерпретируется авторами в качестве явных признаков постмодернистского проявления: *«В этих условиях формирование пост-правды стало возможным, это стало легко и просто – по большому счету каждый блогер в каждой стране может стать источником пост-правды. Когда он пишет какой-нибудь небольшой пост в 200 или 150 слов в социальных сетях – он уже является производителем информации, вне зависимости что он будет закладывать в него. Это говорит о том, что возможности пост-правды как таковой увеличились настолько, что это действительно стало уже таким явлением, которое сложно регулировать на уровне государств. Так, мы сейчас можем говорить о нетократии – правлении через социальные сети».*

Эксперт подытоживает тем, что эффект пост-правды присутствует и на постсоветском пространстве, и в самом Узбекистане, поскольку страна активно включена в это глобальное информационное пространство: *«Страна является потребителем этой пост-правды в каких-то внутренних вопросах; узбекское общество само вырабатывает в интернет-изданиях, социальных сетях информационный продукт и при этом какая-то часть этого продукта изначально является как говорит Трамп "fake news" или "пост-правдой", как утверждают ученые и специалисты».*

Казахстанский эксперт №1 определяет факторы консолидации и пропаганды в качестве ключевых звеньев пост-правды, которые присутствуют и в современной отечественной практике, в частности по острым конфликтным темам: *«Сегодня весь мир, не только постсоветское пространство, ввиду распространения социальных сетей, Интернета, связанности всемирной паутины – территория пост-правды. Действительно, есть факторы, которые "кричат" о том, что факты и аргументации будут игнорироваться. Прежде всего, это фактор консолидации и пропаганды – любая консолидация и пропаганда связана с явлением пост-правды. Сегодня, СМИ представляет собой главный орган манипуляций – нынешняя полемика в социальных сетях по поводу национального, религиозного вопроса, касательно участия/неучастия Казахстана в тех или иных интеграционных объединениях, по тем или иным болевым точкам как, к примеру, "1986 год", "Январские события 2022 года" – это всё территория пост-правды, поскольку фактов и аргументаций по ним практически нет, есть лишь эмоции, и лишь на них построены допуски и предположения».*

Эксперт №2 из Казахстана обращает внимание на слабость теоретической концептуализации феномена «пост-правда», и в целом на бессилие общества противостоять подобным явлениям в большинстве своем по причине отсутствия критического мышления, на что указывают постмодернисты:

«Проблема нашего общества заключается в том, что оно может быть объектом манипуляций, поскольку оно руководствуется определенными стереотипами. И в силу стереотипности оно беззащитно, и им можно легко манипулировать. Сама теория и концепция пост-правды непонятна и расплывчата. Ситуации не всегда нужно рассматривать с позиции пост-правды. Любой факт можно интерпретировать на самом деле многообразно, как за, так и против. Неспособность людей это видеть, т.е. линейное восприятие и понимание людей, – это то проявление, того что критикуют постмодернисты. Рядом с любым логическим построением можно выстроить еще десяток таких же логических конструкций, и каждый из них формально будет казаться правильным. Для людей, которые не имеют достаточной культуры научно-аналитического мышления, логически связанные два якобы факта становятся окончательной теорией и руководством к действию. Они не знают о существовании других версий. А те люди, которые знают об этой линейности и спекулируют над таким мышлением, они и создают, преподносят им версию пост-правды – они сталкивают разные варианты фактов, образуют кашу в голове у линейных людей».

Для казахстанского эксперта №3 между феноменами «симулякр» и «пост-правда» ставится знак равенства, а постсоветскому пространству эксперт дает оригинальную интерпретацию – «территория недоправды». Соглашаясь с предыдущим экспертом, автор данного текста подчеркивает о необходимости более обширного изучения природы и характере влияния симулякров: *«В постмодернизме феномен “пост-правда” более конкретно проанализирован в понятии “симулякра” у Жана Бодрийяра и при анализе постсоветского пространства безусловно нужно опираться на это базовое понятие. Очевидно, что у нас после развала образа коммунизма, которое вы называете, исходя из логики вашего вопроса, “территорией пост-правды”, с его доминирующим тоталитарным симулякром, возникли множество других, заполняя ниши последнего. Тем не менее, на этом пространстве возникновения различных идеологем и концепций так и не возникло необходимых и достаточных оснований для более полного представления правды. Поэтому постсоветское пространство я склонен рассматривать скорее как “территорию недоправды” и, следовательно, все советское время я последовательно определяю как “время неправды”. То есть, если двигаться в соответствии с принципом совпадения исторического и логического, то “правда коммунизма” на самом деле являлась и является большой ложью, это “правда лжи” или “Ложь” с большой буквы. Все постсоветское, исходя из этой логики, следует считать идущим вслед, т.е. “постложью”. Ибо вслед за модернизмом следует постмодернизм, а не в обратной последовательности. Поэтому, практически все постсоветские страны, за исключением стран Балтии и, внимание, Украины, я могу назвать “постлживой территорией”, недоправдивой, возможно “частично правдивой”, гибридной или зеброидной социо-политической реальностью (то есть, в зависимости от того как*

смотреть: с оптимистической или пессимистической точки зрениям) – "полупустой или полуполный стакан"».

Эксперт продолжает утверждать, что симулякры – не новое явление, и следует его рассматривать не в узком негативном понимании: *«В действительности же симулякры были есть и будут во все времена, но следует ли их рассматривать лишь негативно, ведь в действительности те или иные факты, симулякры, которые мы сейчас интерпретируем как негативные, на самом деле являются триггерами новой правды, новой истины, ее частями, ее корпускулами. И здесь внимание к вопросам теории познания должно быть увеличено максимально. Обращаясь к кантовскому пониманию силлогизма, т.е. к способности мыслить длинно, долго и полно, следует признать, что при интерпретации того или иного современного термина следует стремиться к полноте аргументации, ее целостности и соотносимости с другими понятиями».*

О наличии традиций производства симулякров, которые достались от Советского Союза, в политической сфере современного Казахстана указывает казахстанский эксперт №4. Автор отмечает, что подобные симулякры находят свое выражение в создании множества «слабых» попыток симулировать демократизацию государства и общества: *«При определении образа будущего Казахстана, сценариев его развития, следует понять: как наши определения эффективности тех же реформ могут помогать накапливать изменения, не приводя к их революционной реализации через разрушения уже достигнутого и где, например, тот маркер, та формула, посредством которой мы были бы спокойны за будущее нашей нации. И здесь для меня очевидно, что наши элиты находятся далеко от философии постмодернизма, социально-политическим выражением которой в послевоенной Европе стала социал-демократическая идеология, которая продолжает рулить миром Европы и по сей день. Вместо нее на пространстве постлжи выросли эрзацы и гибриды, различного рода "народно-демократические", а не "демократические" институты и феномены и т.д. И наше партийное поле явное тому доказательство, где вместо реальных идеологических трендов (либералы, демократы, социал-демократы и т.д.) появился блок симулякров под общим брендом либо "пропрезидентских", либо "народно-демократических", что по сути одно и то же. И наша элита опять не знает, куда идти, к чему призывать. Слабенькие гибриды постлжи/постправды, доставшиеся в наследство с советских времен (социалистическая, не социал-демократическая!) опять обросли новыми "креативными" симулякрами и снова затормозили переход от тоталитаризма через автократию – к демократии. Автократия снова и снова находит новые симулякры демократии и заново тормозит процессы действительной социально-политической модернизации нашего национального пространства».*

Азербайджанский эксперт №1 определяет пост-правду не как «неправду», а как информацию, которая стала новостью после ее публикации: *«Постправда это не неправда, это скорее постновость. В мире информации высоких*

скоростей новость становится правдой с момента ее публикации, речь не о фейках, а о реальных новостях. Но так как поток информации очень велик, крайне важно проследить и историю генезиса новости, и ее последствия. Вот это и есть пост-правда, то есть та самая правда, которая верифицирована, и проанализированы ее последствия».

Азербайджанский эксперт №2 пост-правду определяет в качестве доступных инструментов передачи информации: *«Сложно сказать однозначно, какая тенденция в наших странах, но думаю самый важный – чтобы государство формировало эффективную политическую систему, реальные реформы. Однако, в конструирование общественного мнения могут быть использованы более упрошенные методы передачи информации в более понятной форме как пост-правда».*

Согласно мнению азербайджанского эксперта №3, является сомнительным природа данного термина – защищен и оправдан ли он. Как заявляет эксперт, этот вопрос носит в себе аксиомный формат, то есть начальный исход из того что это является единственной правдой, что в принципе противоречит именно постмодернизму: *«Для начала необходимо обсудить терминологию и прийти к тому согласию, что это действительно является верным форматом объяснения и отвечает на те социально-политические реалии, которые существуют сегодня в мире. Что касается, как я понимаю постмодернистского формирования информационного сегмента, то опять же это зависит от восприятия аудитории, которая принимает эту информацию – есть люди, которые верят в это, и есть те, кто не верит».*

Основываясь на результатах экспертных опросов, можно сделать вывод, что феномен постправды имеет глубокие корни и проявляется в различных формах на постсоветском пространстве. Эксперты подчеркивают, что пост-правда оперирует эмоциональными и упрощенными политическими нарративами, которые часто заменяют фактический дискурс, позволяя манипулировать общественным мнением и консолидировать политическую власть. В Узбекистане эксперты подчеркивают намеренное использование идеологических лозунгов и растущую роль социальных сетей как новых средств распространения пост-правды, отмечая при этом религию как сдерживающую силу. Казахстанские эксперты интерпретируют пост-правду через призму симулякров, унаследованных от советского идеологического наследия, подчеркивая сохранение гибридных и имитационных политических форм. Азербайджанские эксперты, в свою очередь, рассматривают пост-правду как побочный продукт информационной эры, когда скорость производства новостей превращает информацию в воспринимаемую правду. В совокупности эти выводы показывают, что пост-правда в регионе функционирует как политический инструмент и как отражение глобальной постмодернистской информационной динамики, размывая границы между правдой, интерпретацией и манипуляцией.

Таким образом, в индустриальную и постиндустриальную эпоху ввиду стремительного распространения Интернета, социальных сетей, связанности

всемирной паутины, весь мир, в том числе и незападные общества в политическом контексте являются определенным пространством для постмодернистских маневров как положительного, так и негативного характера. Траектория развития обществ по нормам «в обход модерну» формирует иные содержательные аспекты распространения политтехнологий: подлинно демократические политические институты и процедуры могут подменяться их симулякрами. Как правило, ценности публичной политики, волеизъявление большинства, его репрезентация оказывается очередным пастишем. Для массы в условиях потери дуальности становится вторичным различать истину от лжи – важны и формируют интерес лишь знаки, и их бесперебойное поглощение. Симулякром и пост-правдой становятся те события, которые имеют потенциал дальнейшего сюжетного развития. В процессе развертывания симулякра в сюжетную линию событие в обязательном порядке должно включать и альтернативные рабочие версии, подтверждающие либо отрицающие наличие сырого факта. Ключевыми факторами усиления «пост-правды» должны стать *пространство*, *время* и *добавление к фабуле пограничных ситуаций*. В конструировании пост-правды особую роль играет незавершенность конца события, поскольку именно этот аспект продолжает подогревать ситуацию даже в случае выявления окончательной правды или лжи. Главный элемент ее нарратива заключается в том, что она не перестает заканчиваться, все более наращиваясь различными фактами, подлинность которых трудно поддается доказательству/опровержению.

В политической жизни незападных авторитарных обществ симулякры и проявления пост-правды выражаются в формировании псевдо-социальных движений и политических партий, в избирательных процессах с заранее подготовленными результатами, в выступлениях, речах элит с популистскими программами, призывами, проектами, в деятельности разнообразных «общественных палат», «гражданских собраний» и т.п. Бросающее в глаза преобладание различных инициатив и предложений над конкретными и фактическими действиями и достижениями, сгущение идеологической пустоты при сохранении сырьевой экономики подтверждают, что политическая жизнь подобных обществ и государств являются неким отражением симулякра и пост-правды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате написания диссертационного исследования на тему: «Постмодернизм в политическом развитии незападных обществ на современном этапе (на примере модернизационных проектов Азербайджана, Казахстана, Узбекистана)» стало очевидным, что условиях нынешних реалий, связанных, прежде всего, с глобализацией, глокализацией, различные события, тенденции, институты имеют характер стремительного воздействия от одной системы к другой, от одного общества к другому и т.д. Так и постмодернизм, как радикальный феномен сознания, стал некой «интеллектуальной модой», новым феноменом духовной, социально-политической жизни, который преодолел грани западного общества и сформировал множество разных незападных форм. Страны Азербайджан, Казахстан и Узбекистан, активно демонстрирующие себя на международном поле, в данном контексте не являются исключением. Следует заметить, что не всегда все тенденции и процессы проистекают одинаково – социально-политические, экономические и культурные особенности каждого взятого общества обязывают преломляться эти процессы сквозь их призму.

Возникновение и распространение постмодернизма (в особенности, в западных обществах) связывают с ограниченностью и кризисом модернизма. По мнению, некоторых исследователей (имена, которых указаны в настоящей диссертации) модернизм в силу определенных причин и факторов исчерпал собственный потенциал, а для решения проблем и негативных последствий реализации модернизационных проектов не находит новых эффективных путей, решений. Своего рода разочарования по поводу непредвиденных результатов модерна прослеживается как в западных, так и незападных обществах. Это в первую очередь стало основой для популяризации парадигмы постмодерна и постмодернизма. Проблема состояла в том, что до середины XX в. модерн приравнивался к практически идеальному и универсальному (линейному) ориентиру развития общества и государства. На сегодня модерн со стороны интеллектуального сообщества подвергнут сомнению и критике – как раньше он уже не считается единственно верной и универсальной. Появляется необходимость в новых парадигмах, которые бы сумели интерпретировать новые явления, новые состояния и отношения. И постмодерн выступил в качестве новой объяснительной конструкции, но на лоне модерна (в своей работе мы не отделяем постмодерн от модерна по типу исторической эпохи, пришедшей на смену модерна, а рассматриваем его как элемент модерна). Следовательно, парадигма постмодернизма характеризуется в настоящей диссертации, вероятней всего, как состояние чего-то, в частности сферы политики. В диссертации постмодернизм и модернизм не отождествляются, на основе различных теоретико-прикладных примеров раскрывается их неидентичность, однако неоднократно представлено положение об их тесной концептуальной связи ввиду того, что оба в той или иной степени описывают современность и напрямую влияют на нынешние и дальнейшие процессы.

Содержание понятия «постмодернизм» на настоящий момент перегружено тем, что им обозначают множество взаимоисключающих явлений и процессов, которые в той или иной степени не сходятся с изначально заданной его интерпретацией, либо «постмодернизм» во многом рассматривается вкупе с другими теориями и концепциями, приводящее к утрате конкретизации в рамках предмета исследования. По замечанию автора диссертации в работах постсоветских ученых трактовка постмодернизма в большинстве своем подвергается критике, не носящей предметный и конструктивный характер. Вероятно, на следствие сложившихся усложненностей, неприятия и противоречивости феномена постмодернизма в отечественных и других постсоциалистических странах повлияли работы европейских авторов, а именно – общий анализ и обзор тревожных событий, тенденций, происходящих в западных обществах (массовизация социально-культурной, политической жизни, утрата и кризис человеческой души, стремительный рост информатизации и технологизации и т.п.), а не дискурсы европейских и американских теоретиков о постмодернизме, построенных на методологических началах. Данное обстоятельство, по мнению автора, требует еще более развернутой концептуализации постмодернизма в рамках отечественной социальной теории и, прежде всего, необходимо: формирование параметров и критериев постмодернистского незападного общества; преодоление застоя в научном познании в контексте однобокой, негативной интерпретации постмодернизма; выявление факторов развития постмодернизма во всех обществоведческих науках Казахстана, что позволит обозначить ряд проблем как теоретико-методологического, так и прикладного характера.

В работе в качестве одного из главных теоретических положений является заявление автора, полагающего некорректным считать или быть убежденным в том, чтобы причислять всех тех, кто писал и размышлял о постмодерне, постмодернизме к его представителям, а также рассматривать постмодернизм в качестве серьезного методологически отдельно выстроенного направления в философии или социальной теории. Такие ученые, как Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко, Ж. Деррида, Ф. Джеймисон, П. Андерсон, Ж. Бодрийяр, И. Хассан выступали по большому счету как опосредованные аналитики происходящих процессов и изменений в культуре, социуме, политике, экономике, а не в качестве сторонников постмодернизма. Более того, они не раз заявляли, что ни в коей мере не провозглашают себя постмодернистами. Но несмотря на данное обстоятельство, эти и многие другие ученые-философы определили постмодернизм как одну из важных теоретических оптик описания и объяснения новых интеллектуальных изменений в обществе. И даже если позднее некоторые из этих авторов отказываются от своих прежних взглядов о постмодернизме как состояния общества, это вовсе не означает, что в настоящее время их вклад в теорию утратил свою значимость. Все они, так или иначе, собраны Андерсоном в качестве повествователей феномена постмодернизма.

Следующее важное обстоятельство относится намеренно выделенному автором в предыдущем абзаце к выражению «отдельное направление». Так, постмодернизм в рамках социальной науки оформился не как автономная теоретико-методологическая школа, а задолго начал свое развитие в марксизме и других ранних исторических, социологических теориях. О генеалогии постмодернизма следует говорить не с того момента, когда возник сам термин – до того времени, когда постмодернизм стал философской категорией и схемой описания социально-политической современности, он прошел долгий путь из литературы, искусства, в результате чего, оброс множеством своеобразных значений и понятий.

В работе автором так же делается предположение о том, что появление постмодернизма в политике связано с разочарованием марксистов в использовании идеологией радикальной политики, следствием которой стали гнет и тирания тоталитарного режима, а после упадок Советского Союза и победа западного капитализма. Марксисты в прошлом – Лиотар, Харви, Берман, Джеймисон, Хардт, Негри, Жижек – написали свои работы будучи в состоянии идеологического, мировоззренческого кризиса и переосмысления, что стало результатом их определения марксизма, как и другой любой политической идеологии, в качестве метанарратива. Другими словами, постмодернизм рассматривается как результат поражения левых и как явление, освобождающее сознание (от идентичности, тела, монотонности и монополии), однако, в свою очередь, порождая новую форму радикальной политики. Влияние постмодернизма на происходящие как в незападных, так и в западных обществах события автором рассматривается не только с точки зрения отрицательного эффекта. Так, установки постмодернизма оказали значительное воздействие на социально-культурное, а вместе с этим и на политическое поле Запада и всего мирового сообщества, актуализировав такие вопросы, как: уникальность и самодостаточность всех существующих этнических культур; неофициальное и официальное декларирование межкультурного многообразия. Следовательно, играющий на руку определенным политическим и иным силам дискурс о противостоянии «Запада-Востока» (по типу в свое время обретшего широкую популярность тезиса С. Хантингтона «столкновение цивилизаций», но сегодня повергающийся критике) в условиях современных реалий утрачивает свою силу. Постмодернистский фактор позволил в той или иной мере снять категоричность и оппозицию конструктов «Запад» и «Восток», подвергнув сомнению вероятность функционирования монокультур и мононаций в мире, а также снизить актуализацию линейного и однородного развития общества. Подобным же образом продиктована современная политика мультикультурализма в западных и незападных обществах, в частности в Азербайджане и Казахстане, обусловленная историческими событиями, географическим расположением, социально-культурным опытом, и являющаяся важной основой проводимой государственной политики в данных странах.

Постмодернизму в определенной степени характерны положительные признаки – это критическая оценка и переоценка, плюрализм, децентрализация,

однако он обретает совсем иное лицо на постсоветском пространстве (за исключением Прибалтики), политически неконкурентном, авторитарном и лишь приступившим к процессам модернизации, дела обстоят иначе – те же симулякры, пост-правда, имитации того, что в данных обществах проводятся демократические процедуры, интерпретируют постмодернизм в отрицательных коннотациях. По мнению авторов данного исследования, неправильное понимание и восприятие постмодернизма, а также его языка описания и объяснения современной реальности, стало следствием игнорирования и отказа постмодернизма среди большей части интеллектуалов постсоветского пространства, в частности в Азербайджане, Казахстане и Узбекистане. Однако с помощью постмодернистского анализа, характеризующийся своим критическим подходом, включая сюда и дискурс анализ, и методы деконструкции, было бы возможным осуществить переоценку множества деструктивных явлений и процессов.

В настоящей диссертации автором поднимался вопрос о вероятностях и условиях устойчивости, доминирования идей постмодернизма в любом обществе, вне зависимости западное оно или незападное. Так, для того, чтобы, та или иная концепция стала реально превалирующей, нужна ее движущая практическая составляющая, некий механизм внедрения в массы. Постмодернизм не имеет генеральной линии достижений своей цели (если даже и имеет, то отбрасывает ее ввиду своего недоверия в отношении любых тотальных установок), т.е. она отсутствует у нее вовсе. В современных реалиях мир еще не сталкивался с постмодернистскими движениями, группами, течениями в своей абсолютно чистой форме, постмодернизм присутствует лишь в гибриде.

В ходе изучения трудов научного сообщества Азербайджана, Казахстана и Узбекистана выявлено, что существует разные подходы к объяснению процессов нациестроительства в данных странах. Так, помимо примордиального методологического направления, есть и труды конструктивистского и постмодернистского характера. В рамках конструктивизма в попытке объяснить суть расплывчатого термина, как «нация», постмодернизм заявляет о субъектности всех этносов, проживающих на территории определенного государства, следовательно, лишь взаимное признание (культурный плюрализм) превращает общество в нацию. Основываясь на настоящем обзоре и в определенном смысле анализе степени проявления постмодернизма в незападных обществах, автор наметил области для будущих исследований, которые, по его мнению, необходимы для лучшего понимания социально-политических индикаторов постмодернизма.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что постмодернизм, зародившись как критика западной современности, приобрел новые смыслы и траектории в незападных контекстах. В случае Азербайджана, Казахстана и Узбекистана он функционирует не просто как заимствованная парадигма, но и как рефлексивный инструмент для интерпретации гибридной природы модернизации и формирования идентичности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лиотар Ж-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии. – СПб.: Алетейя, 1998. - 160 с.
2. Деррида Ж. О грамматологии, 1967. – Пер. с фр. ст. Наталии Автономовой. – М.: Ad Marginem, 2000. – С. 111-540.
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. - 672 с.
4. Джеймисон Ф. Постмодернизм и потребительское общество / Ф. Джеймисон // Вопросы искусствознания. -№11 (2/97). – С. 54-61.
5. Джеймисон Ф. Постмодернизм или культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч ред. А. Олейникова. – М.: Изд-во Института Гайдара. – 2019. - 816 с.
6. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – 1976. -4-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство “КДУ”», 2011. - 392 с.
7. Hutcheon L. The Politics of Postmodernism. – New York – London: Routledge. – 2002.
8. Андерсон П. Истоки постмодерна / пер. с англ. А. Апполонова под ред. М. Маяцкого. – М.: Издательский дом «Территория будущего». – 2011. - 208 с.
9. Бауман З. Спор о постмодернизме // «Социологический журнал», 1994. -№4. – С. 70-79.
10. Бауман З. Философия и постмодернистская социология // Вопросы философии, 1993. – С. 46-61.
11. Хасан И. Культура постмодернизма // Современная западно-европейская и американская эстетика. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – С. 115-143.
12. Рорти Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. - 320 с.
13. Харт К. Постмодернизм / Кевин Харт. – Пер. с англ. К. Ткаченко. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. - 272 с.
14. Walker R.B.J. Inside/outside: international relations as political theory. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
15. Der Derian J. International/intertextual relations: postmodern readings of world politics // Free Press, 1989.
16. Wendt A. Quantum Mind and Social Science. Unifying Physical and Social Ontology. – Cambridge University Press, 2015. - 368 p.
17. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. - 288 с.
18. Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991. - 320 с.
19. Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition // Cambridge University Press, 1992. - 163 p.

20. Нуржанов Б.Г. Постмодерн и философия // Нуржанов Б.Г. Статьи разных лет: Сборник статей. – Алматы, 2021. - 704 с. – С. 237-246.

21. Нуржанов Б.Г. Ф. Джеймисон. Постмодернизм или культурная логика позднего капитализма // Нуржанов Б.Г. Статьи разных лет: Сборник статей. – Алматы, 2021. - 704 с. – С. 574-595.

22. Нуржанов Б.Г. Постмодернизм и новые медиа (компьютер и интернет), 2012 // Нуржанов Б.Г. Статьи разных лет: Сборник статей. – Алматы, 2021. – 704 с. – С. 417-428.

23. Соловьева Г.Г. Постмодернистские трансформации античной культуры // Античный вестник. – Алматы, 2007. – С. 56-64.

24. Соловьева Г.Г. Об эросе Платона и постмодернистском соблазне// Проблемы античного мира и современность. – Вып. 2013. – Алматы, 2012. – С. 393-404.

25. Нуржанов Б.Г. Постмодернистская религия // Вестник КазНУ. Серия религиоведения. -№2 (10). – 2017. – С. 58-62.

26. Рзаева Р.О. Постмодерн и мультикультурализм: междисциплинарный дискурс. – Баку: «Елм ве тахсил», 2015. - 300 с.

27. Рзаева Р.О. Незападная современность в дискурсе постмодерна и культурной полифонии. – Баку: «Елм ве тахсил», 2015. - 327 с.

28. Аббасов А.Ф. Постнеоклассическая эпистемология: необходимость и сущность // Müasir fəlsəfə, elm və mədəniyyət: postqeyri-klassik epistemologiya. – Bakı: «Təknur», 2011. – С. 47-74.

29. Абасов А.С. Монолог классицизма, диалог неклассицизма и полилог постнеклассицизма // Müasir fəlsəfə, elm və mədəniyyət: postqeyri-klassik epistemologiya. – Bakı: «Təknur», 2011. – С. 34-46.

30. Мамедов Ф.Т. Культура управления: опыт зарубежных стран. – Баку: «Апостроф» Печатный Дом, 2013.

31. Mirzəzadə R.S. Multikulturalizm siyasəti: din vəgender dialoqunda. – Bakı: Təknur MMC, 2013. - 168 s.

32. Jahon adabiyoti: modernizm va postmodernizm [Matn]: o‘quv qo‘llanma / Ulug’bek Hamdam. – Toshkent: Akademnashr, 2020. - 288 b.

33. Sa’dullo Quronov. Postmodern olamda manzil izlab. 13.06.2023. – URL: https://quronov.uz/postmodern-olamda-manzil-izlab/

34. O‘zbek adabiy tanqidchiligi tarixi: darslik / B. Nazarov [va boshq.|; mas’ul muharrirlar: T. Mirzayev, B. Karimov; O‘zbekiston Respublikasi Oliy va o ‘rta-maxsus ta’lim vazirligi. – Toshkent. Cho'lpon nomidagi nashriyot-matbaa ijodiy uyi, 2012. - 432 b.

35. Normatov U., Boltaboyev И. Yangi nazariy ta moyiilar // Jaho nadabiyoti. – Toshkent: 2008. -№3. - 154 b.

36. Etnologiya: oquv qo'llanma /A. Ashirov; mas’ul muharrirlar: U. Abdullayev, G. Fuzailova; Ozbekiston Respublikasi Oliy va o'rta maxsus ta’lim vazirligi, Nizomiy nomidagi Toshkent davlat pedagogika un-ti. – Toshkent: «Yangi nashr», 2014. - 544 b.

37. Алексеева Т.А. Современные политические теории. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. - 479 с.

38. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: «Интрада», 1996. - 256 с.

39. Кравченко С.А. Социология модерна и постмодерна в динамически изменяющемся мире. – М.: «МГИМО Университет», 2007. - 264 с.

40. Ирхин Ю.В. Социум и политика в постмодернистском зазеркалье: взгляды, подходы, анализ // Полития, 2005. -№4. – С. 136-161.

41. Лощило П.Г. Демократия постмодерна: истоки и проявления // «Власть». -№10. – 2005. – С. 21-38.

42. Шабров О.Ф. Представительная демократия перед вызовами постмодерна. Постановка проблемы // Коммуникология. – Т.4. -№4. – М., 2016. – С. 23-30.

43. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – М., 1997. – С. 16-60.

44. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. – М.: REFL-book, 1994. - 368 с.

45. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Хабермас Ю. Политические работы. – М., 2005. - 368 с.

46. Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». – М.: Алгоритм, 2009. - 272 с.

47. Ritter J. Die Aufgabe der Geisteswissenschaften in der modernen Gesellschaft // Metaphysik und Politik. – 1963. – P. 377-406.

48. Lübbe H. Exkurse II. Der Streit um die Kompensationsfunktion der Geisteswissenschaften. Verkürzter Aufenthalt in der Gegenwart. Berlin Heidelberg: Springer-Verlag. – 2003. – P. 281-304.

49. Marquard O. Über die Unvermeidlichkeit der Geisteswissenschaften // Marquard O. Apologie des Zufälligen. Stuttgart: Reclam. – 1986. – P. 98-116.

50. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. – М.: Издательство «ВесьМир», 2011. - 336 с.

51. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. – М.: Праксис, 2010. - 264 с.

52. McDermot P. On Cultural Authority: Women's Studies, Feminist Politics and the Popular Press // Signs. – 1995. – Vol. 20(3). - 675 p.

53. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age // Stanford University Press, 1991. - 264 p.

54. Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // Ad Marginem'93. – М., 1994. – С. 307-323.

55. Маньковская Н.Е. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейя, 2000. - 347 с.

56. Ионин Л.Г. Новая магическая эпоха // Логос, 2005. -№5(50). – С. 23-40.

57. Керни Р. Диалоги о Европе. – М., 2002. – С. 303.

58. Емелин В.А. Постмодернизм: в поисках определения. – Режим доступа URL: https://emeline.narod.ru/postmodernism.htm - (дата обращения: 23.04.2023).

59. Маньковская Н.Е. «Париж со змеями» (Введение в эстетику постмодернизма). – М, 1994. – С. 6.

60. Talor B. Modernism. Post-Modernism. Realism: a Critical Perspective for Art. – Hampshire, 1987. - 172 p.

61. Steinberg L. Other Criteria: Confrontations with the Twentieth Century Art. – New York, 1972. - 436 p.

62. Вентури Р. Сложности и противоречия в архитектуре // Мастера архитектуры об архитектуре; Под общ. ред. А.В. Иконникова, И.Л. Маца, Г.М. Орлова. – М., 1972. – С. 543.

63. Эпштейн М. Постмодернизм в России/ Михаил Эпштейн. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. - 608 с.

64. Тойнби А. Постижение истории. – М.: «Прогресс», 1991. - 736 с.

65. Лиотар Ж.-Ф. Постмодернизм в изложении для детей: Письма: 1982-1985. Перевод с французского, примечания и общая редакция А.В. Гараджи. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008. - 145 с.

66. Seidman S. The end of sociological theory: the postmodern hope // Sociological Theory, 1991. -№9(2). – Pp. 131-146.

67. Jameson F. The Political Unconscious. London & New York: Cornell University Press, 1981. - 296 p.

68. Jameson F. The Cultural Turn. Selected Writings on the Postmodern 1983-1998. London & New York: VERSO, 1998. - 206 p.

69. Уэст Д. Континентальная философия. Введение. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. – 2015. - 448 с.

70. Gaggi S. Modern/Postmodern: A Study in Twentieth-Century Arts and Ideas. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1989. - 224 p.

71. Foster H. (ed.) The Anti-aesthetic: Essays on postmodern culture. Port Townsend: Washington Bay Press, 1983. - 183 p.

72. Agger B. Critical theory, post-structuralism, postmodernism: their sociological relevance // Annual Review of Sociology, 1991.

73. Norris C. Deconstruction: Theory and practice. – London and New York: Routledge, 2002.

74. Бронзино Л.Ю. Постмодернизм: сущностные идеи и их представители // Вестник МГИМО-Университета. Серия «Социология», 2010. – С. 97-105.

75. Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. - 632 с.

76. Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought: Volume I: The Renaissance // Cambridge University Press, 1978. - 305 p.

77. Дугин А. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века / Александр Дугин. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2007. - 382 с.

78. Характеристика четвертого поколения Школы «Анналов»: «от центра к периферии» // Историческая антропология. – Режим доступа URL: https://ozlib.com/929076/sotsium/harakteristika_chetvertogo_pokoleniya_shkoly_annalov_tsentra_periferii - (дата обращения: 30.04.2023).

79. Ревель Ж. Микроанализ и конструирование социального // Современные методы преподавания новейшей истории. – М., 1996. – С. 236-261.

80. Ревель Ж. История и социальные науки во Франции // Новая и новейшая история, 1998. -№5. – С. 77-101.

81. Noiriel G. Sur la crise de l'histoire. – P.: Ed. Belin, 1996. – P. 136-137.

82. Бусыгина И.М., Захаров А.А. Общественно-политический лексикон. – М.: МГИМО, 2009. - 276 с.

83. Ahmed A.S. Postmodernism and Islam: Predicament and Promise. – New-York – London: Routledge, 1992. - 294 p.

84. Дзикевич Д.С. Конструктивный постмодернизм в современной китайской философии: дисс. … канд.философ.наук. – 2018.

85. Bell D. The postinductrial Society. – New York: Basic books, 1973. - 507 p.

86. Кравченко С.А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. – М.: Издательство «Анкил», 2009. - 224 с.

87. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity press, 1990. – P. 150.

88. Кравченко С.А. Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции, словарь терминов. – М.: Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т). – 2010. – С. 12.

89. Melrose S. A Semiotics of the Dramatic text. – L.: Palgrave Macmillan, 1994.

90. Дебор Г.-Э. Общество спектакля. – М.: «Неоклассик», 2022. - 256 с.

91. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. - 240 с.

92. Делёз Ж. Логика смысла. – М.: Издательский Центр «Академия», 1995. - 472 с.

93. Comaroffs J.L. Modernity and its malcontents: Ritual and power in postcolonial Africa. – Chicago; London: Univ. of Chicago Press. – 1993.

94. Maffesoli M. The Time of the Tribes: The Decline of Individualism in Mass Society / Michel Maffesoli. Thousand Oaks, CA: Sage. 1996.

95. Moore H.L., Sanders T. Magical interpretation, material realities: Modernity, witchcraft and the occult in post-colonial Africa. New York: Routledge. 2001.

96. Бодрийяр Ж. Общество потребления. – М.: «Неоклассик». – 2020. - 384 с.

97. Pasi M. The Modernity of Occultism: Reflections on Some Crucial Aspects, in Hanegraaff, W.J. and Pijnenburg, J. (eds) Hermes in the Academy: Ten

Years' Study of Western Esotericism at the University of Amsterdam. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2009. – P. 59-74.

98. Куренной В.А. Россия после кризиса: вызовы модернизации. Избранные места из стенограммы Междисциплинарного круглого стола журнала «Гуманитарный контекст» // Гуманитарный контекст, 2009. -№2. – С. 84-91.

99. Luebbe H. Exkurse II. Der Streit um die Kompensationsfunktion der Geisteswissenschaften // Luebbe H. Im Zug der Zeit. Verkuerzter Aufenthalt in der Gegenwart. Berlin Heidelberg: Springer-Verlag, 2003. S. 281-304.

100. Marquard O. Kompensation // Ritter J., Gruender K. (Hrsg.) Historisches Woerterbuch der Philosophie. Bd. 4. Basel / Stuttgart: Schwabe, 1976. S. 912-918.

101. Румянцева М.В. Компенсаторная теория в работах Германа Люббе и Одо Маркварда: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. - 32 с.

102. Luntley M. The Transcendental Grounds of Meaning and the Place of Silence // Meaning Skepticism. Berlin: De ruyter, 1991. – P. 211-224.

103. Шабров О.Ф. Представительная демократия перед вызовами постмодерна. Постановка проблемы // Коммуникология, 2016. – С. 23-29.

104. Най Дж. С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. – Новосибирск, 2006. - 221 с.

105. Miyoshi M., H.D. Harootunian. Postmodernism and Japan: Duke University Press, 1989. - 299 p.

106. Леви-Стросс К. Обратная сторона Луны // Леви-Стросс К. Обратная сторона Луны: Заметки о Японии / пер. с фр. Е. Лебедевой, науч. ред. А.Н. Мещеряков, предисл. Юндзо Кавады. – М.: Текст, 2013. – С. 47-65.

107. Леви-Стросс К. Узнавать других. Антропология и проблемы современности / пер. с фр. Е. Чебучевой. – М.: Текст, 2016. - 158 с.

108. Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. – 1992. -№4. – С. 53-57.

109. Дианова В.М. Западный/российский/японский постмодернизм: сходство и различие // Соловьевские исследования. –Вып.2 (54), 2017. – С. 160-173.

110. Жижек С., Ловинк Г. Япония в словенском зеркале размышления о медиа, политике и кино. – Режим URL: dironweb.com/klinamen/dunaev9.html - (дата обращения: 16.05.2021).

111. Корнилов М.Н. Постмодернизм и культурные ценности японского народа: научноаналитический обзор. – М.: ИНИОН, 1995. – С. 19.

112. Munck R. Postmodernism, Politics, and Paradigms in Latin America // LATIN AMERICAN PERSPECTIVES, Vol. 27 No. 4, July 2000. – P. 11-26.

113. Williams R. The Postmodern Novel in Latin America: Politics, Culture and the Crisis of Truth. – New York: St. Martin's P, 1995. - 150 p.

114. Calderón F., Hopenhayn M., Ottone E. Esa esquiva modernidad: desarrollo, ciudadanía y cultura en América Latina y el Caribe. – Paris: Unesco; Caracas, Venezuela: Editorial Nueva Sociedad, 1996. -112 p.

115. Bruner J. Actual minds, possible worlds. – Cambridge, 1986. - 201 p.

116. Марков А.В. Постмодерн культуры и культура постмодерна. – М.: Рипол-Классик, 2018. - 256 с.

117. Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время / А.В. Павлов. -2-е изд. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. - 560 с.

118. Хаустов Д.С. Лекции по философии постмодерна. – М.: Рипол-Классик, 2018. - 356 с.

119. Нуржанов Б.Г. Постмодернизм и «сетевое сообщество» Кастеллса // Вестник КазНУ. Серия философия. Серия культурология. Серия политология. – 2012. -№1. – С. 148-151.

120. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. - 608 с.

121. Castells M. Communication Power // Oxford University Press, 2009. - 624 p.

122. Ismagambetova Z., Sakmurzayeva A. Явления постмодернизма в культуре Казахстана и его влияние на культурно-религиозную ситуацию // Вестник КазНУ. Серия Религиоведение. -№15(3), 2018. – С.12-19.

123. Исмагамбетова З.Н., Карабаева А.Г. Эпистемологические функции современной философии // Вестник КазНУ. Серия философия. -№3(57), 2016. – С. 57-63.

124. Umarova D.B. Specificity of postmodernism in the national art of Uzbekistan // European Journal of Arts 3 (2021). Section 3. Theory and history of culture. – P. 102-105.

125. Rzayeva R.O. “Alternative” Modernisms in the Discourse on Postmodern // Interdisciplinary Perspectives on Social Sciences, Edited by Georgeta Raţă, Hasan Arslan, Patricia-Luciana Runcan and Ali Akdemir, Cambridge Scholars Publishing, 2014. – http://www.cambridgescholars.com/download/sample/59184. – Pp. 293-300.

126. Rzayeva R.O. Multiculturalism as Plural Modernities // Complex Migration of Global Citizens. Edited by Lillian Mwanri and Jacob Waldenmaier. Inter-Disciplinary Press, Oxford, United Kingdom, 2014. – Pp. 89-97.

127. Рзаева Р.О. Незападная современность в дискурсе постмодерна и культурной полифонии. – Баку: «Елм ве тахсил», 2015. - 327 с.

128. Рзаева Р.О. Постмодерн и мультикультурализм: междисциплинарный дискурс. – Баку: «Елм ве тахсил», 2015. - 300 с.

129. Рзаева Р.О. Постмодерн и анализ концептов развития турецкого общественного сознания // Автореферат на соискание уч.степени д.филос.н. – Баку, 2016. - 41 с.

130. The Challenges of Contemporaneity: Postmodenity and Multiculturalism. – Springer, 2016. - p.

131. Роида Рзаева: «Азербайджан – мировоззренческий синтез культур Востока и Запада» (Интервью). // 1News. – Режим доступа URL:

https://1news.az/news/20160615053631739-Roida-Rzaeva-Azerbaidzhan-mirovozzrencheskii-sintez-kultur-Vostoka-i-Zapada - (дата обращения: 12.02.2022).

132. Hay C. Political Analysis. – Basingstoke: Palgrave, 2002.

133. Seidman S., Wagner D.G. Postmodernism and Social Theory: The Debate over General Theory // Basil Blackwell, 1991. - 379 p.

134. Замятина О.Н., Кода Е.А., Оганнисян А.А. Постмодернизм в социологии: проблемы и перспективы // Развитие научного знания в глобализирующемся мире: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 11 декабря 2020 г. – Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2020. – С. 75-78.

135. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? – М.: «ИЛА», 1992. - 337 с.

136. Рахманов А.Б. Концепция зависимости А.Г. Франка // Вестник МГУ. Серия 18 Социология и политология. – 2013. -№2. – С. 52-67.

137. Jameson F. The political unconscious: narrative as a socially symbolic act. – Ithaca, N.Y.: Cornell univ. press, 1981. - 305 p.

138. Lee J. The utility of a strategic postmodernism // Sociological Perspectives, 1999. -№ 42 (4). – Pp. 739-753.

139. Bennett J. Postmodern Approaches to Political Theory. // Handbook of political theory. – SAGE Publications, 2004. – Pp. 46-56.

140. Vasquez J. The Power of Power Politics: From classical realism to neotraditionalism. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – Pp. 215-224.

141. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Наумова по ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999. - 480 с.

142. Jessop B. From micro-powers to govenmentality: Foucault's work on statehood, state formation, statecraft and state power. Political Geography, 26. – 2007. – Pp. 34-40.

143. Lorde A. Age, race, class and sex: women redefining difference, in Ferguson // Out There: Marginalization and contemporary culture. – Cambridge, MA: MIT Press, 1990. – Pp. 281-287.

144. Vincent B. Postmodernism: Local Effects, Global Flows. – State University of NY Press, 1996.

145. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции / Пер. с англ. З. Баблояна. – Харьков-СПб.: ХЦГИ-Алетейя, 2002. - 168 с.

146. Фуко М. Археология знания. – Киев: «Ника-Центр», 1996. - 208 с.

147. Foucault M. Power / Knowledge: Selected Interviews and Other Writings. Brighton. 1980. – P. 131.

148. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке коммуникации. – М., 2013. – С. 50.

149. Brown G. Postmodernism for Historians. – Routledge, 2004.

150. Butler C. Postmodernism. A Very Short Introduction. – Oxford University Press, 2002. – P. 13.

151. Bauman Z. Postmodernity and its Discontents. Cambridge, 1997. P.12.

152. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. – Verso, 2001.

153. Haraway D. Primate visions: gender, race, and nature in the world of modern science. – Routledge, 1989.

154. Cox R. Social forces, states and world orders: beyond international relations theory // Millennium, 1981. -№10 (2). – Pp. 126-155.

155. McQuillan M. Introduction: five strategies for deconstruction. – Edinburgh: University of Edinburgh Press, 2002. – Pp. 1-43.

156. Rosenau P. Post-modernism and the Social Sciences: Insights, inroads and intrusions. – Princeton. – NJ: Princeton University Press, 1991. – P. 123.

157. Murphy J. Making sense of postmodern sociology // British Journal of Sociology, 1988. -№39 (4). – Pp. 600-614.

158. Sayer A. Realism and Social Science. – London: Sage Publications, 2000. – P. 67.

159. Norris C. Deconstruction: Theory and practice. – London and New York: Routledge, 2002. – P. 135.

160. Bernstein R. The New Constellation*:* The ethical-political horizons of modernity/postmodernity. – Cambridge, MA: MIT Press, 1992. – P. 184.

161. Readings T. The deconstruction of politics. – Edinburgh: University of Edinburgh Press, 2002. – Pp. 388-396.

162. Spivak G. Practical politics of the open end. – Edinburgh: University of Edinburgh Press, 2002. – Pp. 397-404.

163. Турусин С.В., Шевченко Е.Б. Централизация как специфическая структура властеотношения: концентрация полномочий, решений, ресурсов // Вестник Самарского государственного университета, 2013. -№7 (108). – С. 80-83.

164. Платон. Собрание сочинений в 4 т./ Пер. с древнегреч. – М.: «Мысль», 1994. - 654 с.

165. Фихте И.Г. Замкнутое торговое государство. – М.: Изд-во «Красная новь», 1923. - 175 с.

166. Шундиков К.В. Децентрализация как фактор развития самоорганизационных процессов в правовом регулировании // Құқық және мемлекет, 2019. -№1 (82). – С. 146-155.

167. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году / пер. с франц. А.В. Дьякова. – СПб.: Наука, 2010. - 448 с.

168. Vainio A., Paloniemi R. Forest owners and power: A Foucualdian study on Finnish forest policy // Forest Policy and Economics, 2012. – Pp. 118-125. – URL: https://doi.org/10.1016/j.forpol.2012.02.008 - (accessed: 16.08.2022).

169. Zuboff S. Big other: Surveillance capitalism and the prospects of an information civilization // Journal of Information Technology, 2015. – Pp. 75-89. – URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1057/jit.2015.5 - (accessed: 16.08.2022).

170. Zuboff S., Moellers N., Wood D.M., Lyon D. Surveillance capitalism: An interview with Soshana Zuboff. Surveillance & Society, 17(2), 2019. – Pp. 257-266.

171. Bryant L.R. Deleuze's transcendental empiricism: Notes towards a transcendental materialism. In E. Willatt & M. Lee (Eds.), Thinking between Deleuze and Kant: A strange encounter // Continuum, 2009. – Pp. 28-48. – URL: https://philpapers.org/rec/BRYDTE - (accessed: 16.08.2022).

172. Bryant L.R. Difference and givenness: Deleuze's transcendental empiricism and the ontology of immanence // Northwestern University Press, 2008. – URL: https://www.partiallyexaminedlife.com/?get_group_doc=36%2F1362087066-BryantDifferenceandGivenness.pdf&fbclid=IwAR0yCvNGPKKzKcfP8jOsZ0vB0BxLukHmplfK3q21wTt45w8mJSnTdxHULHM - (accessed: 16.08.2022).

173. Beistegui M. The Deleuzian reversal of Platonism. In D.W. Smith & H. Somers-Hall (Eds.), The Cambridge companion to Deleuze // Cambridge University Press, 2012. – Pp. 55-81.

174. Connolly W. Politics and Ambiguity. – University of Wisconsin Press, 1987.

Connolly W. Political Theory and Modernity. – Blackwell Publishers, 1988.

175. Young R. White Mythologies: Writing History and the West. London: Routledge, 1990. - 232 p.

176. Williams P., Chrisman L. Colonial Discourse and Post-Colonial Theory. London: Harvester, 1994. - 584 p.

177. Noiriel G. Sur la crise de l'histoire. – P.: Ed. Belin, 1996. – P. 136-137.

178. Делез Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях [Текст] / Жиль Делез. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта. Бергсонизм. Спиноза. [Науч. ред. В. И. Аршинов; пер. с франц. и послесл.: Я. И. Свирский]. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – С. 145-228.

179. Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 2009. - 543 с.

180. История философии: Энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2002. - 1367 с.

181. Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только / Пер. с франц. Г.А. Михалкович. – Мн.: Современный литератор, 1999. - 832 с.

182. Уваров М.С. Бинарный архетип. Эволюция идеи антиномизма в истории европейской философии и культуры. – СПб.: Изд-во «БГТУ», 1996. - 214 с.

183. Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. Редакторы перевода К.А. Левинсон, К.В. Петренко. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. - 384 с.

184. Bartlett J., Miller C. The edge of violence: Towards telling the difference between violent and non-violent radicalization. Terrorism and Political Violence. - 24(1). – 2012. – Pp. 1-21.

185. Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: «Интрада», 1996. - 418 с.

186. Делёз Ж. Различие и повторение. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. - 384 с.

187. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. - 227 с.

188. Бейсенова, Г.А. Философия образования М. Фуко как проекция концепции власти-образования / Г.А. Бейсенова; под ред. К.С. Пигрова // Образование и насилие: сб. ст. – СПб.: СПбГУ, 2004. – С. 212-226.

189. Фуко М. Рождение клиники / М. Фуко. – М.: Смысл, 1998. - 310 с.

190. Бейсенова Г.А. Концепция власти-знания М. Фуко: учеб. пособие по спецкурсу. – Алматы, 2004. - 196 с.

191. Декарт Р. Сочинения в двух томах. – Т.1. – М.: Мысль, 1989. - 654 с.

192. Фуко М. Интеллектуалы и власть. – М.: Праксис, 2002. - 384 с.

193. Сидоров-Моисеев И.И. Проблема власти в классической психиатрии: постструктуралистский подход // Vox. Философский журнал. – Декабрь, 2011. – Вып.11. – С. 1-14.

194. Бокарева О.Б. Концепция власти и понятие «Власть-знание» в философии Мишеля Фуко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 2019. – С. 172-175.

195. Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. В.В. Иванов. – М.: Директ-Медиа, 2007. - 779 с.

196. Escobar A. Anthropology and the development encounter: the making and marketing of development anthropology // American Ethnologist, 1991. –N.18(4). – P. 622-658.

197. Sartre J.-P. Colonialism and neocolonialism. – London; New York: Routledge. – 2001.

198. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. – Т.I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI в. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. - 552 с.

199. Mittelman J.H. The globalization syndrome: transformation and resistance. – Princeton: Princeton University Press, 2000.

200. Pomeranz K. The Great Divergence. China, Europe, and the Making of the Modern World Economy. – Princeton: Princeton University Press, 2000. - 392 p.

201. Чакрабарти Д. Провинциализируя Европу. – М.: Изд-во «GARAGE», 2021. - 384 с.

202. Вальтер Миньоло: Поскольку колониальность повсеместна, деколониальность неизбежна // Society and Politics. 31.01.2022. – Режим доступа URL: - (дата обращения: 10.03.2021).

203. Конрад С. Что такое глобальная история? Пер. с англ. Степанов А. – 2018. - 312 с.

204. Fanon F. Les damnés de la terre. – Paris: Maspero, 1961.

205. Саид Э.В. Ориентализм: Западные концепции Востока / пер. с англ. А.В. Говорунова. – СПб.: «Русский мир», 2006. - 560 с.

206. Рзаева Р.О. Дихотомия «Запад – не-Запад» в дискурсе незападной современности // Вопросы философии. 25.01.2013. – Режим доступа URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=675 - (дата обращения: 12.03.2023).

207. Дугин А. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. – Режим URL: http://lib.rus.ec/b/125779/read - (дата обращения: 13.06.2021).

208. Маркова Л.А. Постмодернизм в науке, религии и философии. – Режим URL: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000704/index.shtml - (дата обращения: 30.09.2021).

209. Мамедов И.Б. Особенности влияния транснациональных корпораций развитых стран на внешнюю политику государств // Вестник Московского университета. – Сер.12. Политические науки, 2016. -№4. – С. 38-50.

210. Братерский М.В. Экономические инструменты внешней политики. – М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010. – С.8.

211. Giuliani E., Macchi C. Multinational Corporations' Economic and Human Rights Impacts on Developing Countries: a Review and Research Agenda // Cambridge Journal of Economics. – 2014. – Vol. 38. -No.2. – P. 479-517.

212. Samuels B.C. Managing Risk in Developing Countries: National Demands and Multinational Response. Princeton: Princeton University Press, 2014. Gilpin R. US Power and the Multinational Corporation: The Political Economy of Foreign Direct Investment. – Vol. 2. – New York: Basic Books, 1975.

213. Войтоловский Ф.Г. Механизмы косвенного влияния ТНК на принятие внешнеполитических решений в США: истоки и современность // ТНК в мировой политике и мировой экономике: проблемы, тенденции, перспективы. – М., 2005. – С. 9.

214. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века/Пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. – М.: Логос, 2004. - 368 с.

215. Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ. под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. – М.: Праксис, 2004. - 440 с.

216. Линецкий А.И. Модернизация традиционных обществ: путь к процветанию или дорога в никуда? // Полис. Политические исследования, 2017. -№4. – С. 118-137.

217. Eisenstadt S.N. Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism. Beverly Hills, Calif.; London: Sage. 1973. - 96 p.

218. Kuzio T. Transition in Post-Communist States: Triple or Quadruple? // Politics, 2001. Vol.21. No.3. – P. 168-177.

219. Carothers T. The End of the Transition Paradigm. – Journal of Democracy. Vol.13. No.1. 2002. – P. 5-21. https://doi.org/10.1353/jod.2002.0003

220. Гельман В.Я. Постсоветские политические трансформации (Наброски к теории) // Полис. Политические исследования, 2001. -№1. – С. 15-29.

221. Roth G. Personal Rulership, Patrimonialism, and Empire Building in the New States // World Politics. Vol.20, No.2. 1968. – P. 196.

222. Фисун А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология // Отечественные записки, 2007. –Т.39. №6. – С. 8-28.

223. Голицын В. Время глобальных перемен // Новое русское слово. – Нью-Йорк. 1992. 24 июля. – С. 19.

224. Паскаль Б. Мысли. – М.: Художественная литература, 1974. – С. 158.
225. Герцен А.И. Былое и думы. Ч.6. Гл.3. – М.: Художественная литература, 1982. – С. 48.
226. Грей Д. Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности. – М., 2003. – С. 133-134.
227. Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: «Прогресс», 1991. - 320 с.
228. Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий нации и национализма. – М.: «Праксис», 2004. - 466 с.
229. Баньковская С.П., Кильдюшов О.В. Свой, Другой, Чужой: Бенедикт Андерсон и социологическое измерение национализма // Вопросы национализма, 2019. -№1(32). – С. 143-161.
230. Кон Г. Азбука национализма // Проблемы Восточной Европы. -№ 41-42. – Вашингтон, 1994. – С. 88-169.
231. Hobsbawm E. Introduction: Inventing Traditions // The Invention of Tradition / eds. E. Hobsbawm and T. Ranger. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – Pp. 1-14.
232. Чернышевский И. Русский национализм: несостоявшееся пришествие // Отечественные записки. – 2002. -№3. – С.
233. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. – М.: Кучково поле, 2016. - 416 с.
234. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. – М.: РГГУ, 2000. - 366 с.
235. Ритцер Д. Макдональдизация общества. – М.: Праксис, 2011. - 593 с.

236. Орбан считает, что Евросоюз должен изменить свою семейную политику. 14 сентября 2023. – Режим доступа URL: https://tass.ru/obschestvo/18752565 - (дата обращения: 15.05.2023).
237. Бурмистрова Е.С. Старый Свет – новые ценности: концепт традиционных ценностей в политических и религиозных дискурсах Западной Европы (на примере Франции и Германии) // Вестник Удмуртского Университета. Серия «Социология. Политология. Международные отношения», 2020. Т.4. Вып.3. – С. 297-302.
238. Скороходова Т.Г. Проблема нации и национализма в социально-философской мысли Рабиндраната Тагора // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2021. – Т.37. – С. 464-478.
239. David I. The New Nationalism // The Washington Post. – 2005. April 20. – URL: https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2005/04/20/the-new-nationalism/2628d38d-7571-4bd9-b43e-c60a0208002c/ - (accessed: 22.10.2022).
240. Тюркмен Р.А. Идентичность – национальная идентичности и проблема национальной идентичности националистического движения // Улку Оджаклары. Декабрь, 2020. Вып.203. – С. 8-14.
241. Негина Исмаилова: Чингисхан-казах или как я был историком. 06.04.2012. – Режим доступа URL:

https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31151362 – (дата обращения: 27.03.2021).

242. Темиргалиев Р. Этнический возраст казахов // Интернет-газета «Zona.kz». 21.05.2007. – Режим доступа URL: https://zonakz.net/2007/05/21/etnicheskij-vozrast-kazaxov/ - (дата обращения: 27.03.2021).

243. Назарбаев Н.А. В потоке истории. – Алматы: «Атамұра», 1999. - 296 с.

244. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М.: «Международные отношения», 1999. - 256 с.

245. Статья Главы государства «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания». 12.04.2017. – Режим доступа URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya - (дата обращения: 29.03.2021).

246. Статья Главы государства «Семь граней Великой Степи». 21 ноября 2018 г. – Режим доступа URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi - (дата обращения: 29.03.2021).

247. Кара-Мурза С.Г. Национализм как идеология. – Вып.1, 2014. – С. 6-13.

248. Laruelle M. The Nation Narrated Uzbekistan’s political and Cultural Nationalism. – London-New York. – 2016.

249. Haugen A. The establishment of national republics in Soviet Central Asia. – NY: Palgrave Macmillan, 2003. - 280 p.

250. Аскаров М.М. Переоценка истории, или Современный облик «национальной узбекской идентичности» в рассуждениях зарубежных исследователей // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2020. – Т.6. -№3. – С. 37-51.

251. Sengupta A. Symbols and the Image of the state in Eurasia // Maulana Abul Kalam Azad Institute of Asian Studies. – Kolkata, India, 2017. – Pp. 120-124.

252. Ubiria G. Soviet nation-building in Central Asia: the making of the Kazakh and Uzbek nations. London and New York: Routledge, 2016. - 272 p.

253. Kurzman Ch. Uzbekistan: The Invention of Nationalism in an Invented Nation // Critique: Critical Middle Eastern Studies, 1999. – Vol.8. -№15. – Pp. 79-83.

254. Akbarzadeh Sh. The political shape of Central Asia // Central Asian Survey, 1997. – Vol.16. -№4. – Pp. 517-542.

255. Что пишут в учебниках истории в Азербайджане? 12.12.2016. – Режим доступа URL: https://hromadske.ua/ru/posts/uchebniki-istorii-v-azerbajdzhane - (дата обращения: 10.12.2022).

256. Азербайджан: как пишут учебники истории. 28.10.2013. – Режим доступа URL: https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131028_history_textbook_azerbaijan - (дата обращения: 10.12.2022).

257. История Азербайджана. Учебник для 11 класса общеобразовательной школы. Под ред. Сейфеддина Гандилова и Исаака Мамедова. – Баку: «Чашыоглу», 2002. – С. 17-18.

258. Юнусов А. Мифы и образы «врага» в исторической науке и учебниках по истории независимого Азербайджана. – С. 1-12.

259. Word of the Year 2016 is... – Oxford Dictionaries. URL: http://theconversation.com/the-surprisingorigins-of-post-truth-and-how-it-was-spawned-by-the-liberal-left-68929 - (accessed 22.09.2021).

260. "Post-truth" Named Word of the year by Oxford Dictionaries. – The Guardian. 15.11.2016. URL: https://www.theguardian.com/books/2016/nov/15/post-truth-named-word-of-the-year-by-oxford-dictionaries - (accessed 06.10.2021).

261. Keyes R. The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. – N.Y.: St. Martin's, 2004. - 325 p.

262. Crouch C. Post-democracy. Cambridge, UK: Polity. – 2004. - 123 p.

263. Alterman E. When Presidents Lie: A History of Official Deception and Its Consequences, 2005. – N.Y.: Penguin. - 447 p.

264. Фуллер С. Постправда: знание как борьба за власть. – М.: «Издательский дом ВШЭ», 2021. - 368 с.

265. Lynch M. STS, Symmetry and Post-truth. Social studies of science, 2017, vol. 47, no. 4. – Pp. 593-599.

266. The Surprising Origins of 'Post-Truth' – and How It Was Spawned by the Liberal Left. – The Conversation. 18.11.2016. – URL: http://theconversation.com/the-surprising-origins-of-post-truth-and-how-it-was-spawnedby-the-liberal-left-68929 - (accessed: 12.02.2021).

267. Laurent S. La «post-verite», «lemedia», le fact-checking et Donald Trump. – Medium France. 14.11.2016. – URL: https://medium.com/france/la-post-v%C3%A9rit%C3%A9-les-m%C3%A9dias-le-fact-checking-etdonald-trump-3acbcefb8727#.cfn3x8jjp - (accessed: 04.02.2021).

268. Post-truth politics // Wikipedia. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Post-truth_politics - (accessed: 10.02.2021).

269. Le Bon G. The Crowd: A Study of the Popular Mind. Kitchener. – Ont.: Batoche Books, 2001. - 129 p.

270. Кёхлер Г. Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога? // Полис. Политические исследования. – 2013. -№4. – С. 75-87.

271. Генис А. Постправда. Философия информационной войны // Новая газета, 2018. -№11. – С. 22-37.

272. Мёртон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, Хранитель. – 2006. - 880 с.

273. Касавин И.Т. Креативность смысла. – Коммуникативная рациональность и социальная коммуникация. Под ред. И. Касавина, В. Поруса. – М.: Альфа-М. – 2012. – С. 432-441.

274. Соловей В.Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. – М.: Изд-во "Э". – 2015. - 320 с.

275. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Band 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft. Frankfurt a.M.: Suhrkamp. – 2001. - 632 p.

276. Husserl E. The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenological Philosophy. – Evanston: Northwestern University Press, 1970. - 405 p.

277. McLuhan M. Understanding Media. – L., N.Y.: Routledge. – 2001. - 400 p.

278. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2010. - 100 с.

279. Докинз Р. Эгоистичный ген. – М.: Corpus. – 2013. - 512 с.

280. Brown T. The Idea of a 'Post-Truth Society' Is Elitist and Obnoxious. – The Guardian. 19.09.2016. URL: https://www.theguardian.com/science/blog/2016/sep/19/the-idea-post-truth-society-elitist-obnoxious - (accessed 10.02.2021).

281. Шарков Ф.И. Визуализация политического медиапространства // Полис. Политические исследования. -№5. – 2016. – С. 97-107.

282. Дружинин А.М. От диалога к манипуляции: критический анализ современных медиапрактик. – Философская мысль. – 2017. -№1. – С.1-16.

283. Jamieson K.H., Cappella J.N. Echo Chamber: Rush Limbaugh and the Conservative Media Establishment // Oxford: Oxford University Press, 2008. - 301 p.

284. Batorski D., Grzywińska I. Three Dimensions of the Public Sphere on Facebook // Information, Communication & Society, 2017. -No.1. – P. 1-19.

285. Соловей В.Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. – М.: Изд-во "Э", 2015. - 320 с.

286. Coretti L., Pica D. The Rise and Fall of Collective Identity in Networked Movements: Communication Protocols and Anti-Berlusconi Protest // Information, Communication & Society. – Vol.18. -No.8. – 2015. – P. 951-967.

287. Hodkinson P. Media, Culture and Society. An Introduction. – L.: Sage, 2011. - 320 p.

288. Baumann Z. Liquid Life. – L.: Polity Press, 2005. - 163 p.

289. Фуко М. Правительственность (идея государственного интереса и ее генезис). Пер. И. Окуневой. – Логос, 2003. -№4/5. – С. 4-22.

290. Biggs D., Hoggan J. The Toxic State of Public Discourse and How to Clean It Up. – MetroQuest. – URL: http://metroquest.com/toxic-state-of-public-discourse/ - (accessed 10.03.2022).

291. Айгазин Ж. Эксперт: Настало время отключать российские телеканалы в Казахстане? 21.04.2022. – Режим доступа URL: https://forbes.kz/life/observation/ekspert_nastalo_vremya_otklyuchat_rossiyskie_telekanalyi_kanalyi_v_kazahstane/ - (дата обращения: 04.05.2022).

292. Мёртон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, Хранитель. – 2006. - 880 с.

293. Виноградова Т.В. Исследование науки и технологий (STS) и политика постправды // Социальные и гуманитарные науки. – Сер. 8. Науковедение. – 2018. – С. 66-79.